

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зувев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «История»

Ответственный редактор

А. В. Дмитриев д-р ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

С. О. Егоров канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

- А. Н. Алексеенко д-р ист. наук, проф. (Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)
- В. П. Булдаков д-р ист. наук (Институт российской истории РАН, Москва, Россия)
- В. Фудзимото д-р истории, проф. (Осакский университет экономики и права, Япония)
- Д. Вулф д-р истории, проф. (Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония)
- В. Дённингхаус д-р истории, проф. (Нордост-институт при Гамбургском университете, Люнебург, Германия)
- Л. В. Дериглазова д-р ист. наук, проф. (Томский государственный университет, Россия)
- С. В. Кондратьев д-р ист. наук, проф. (Тюменский государственный университет, Россия)
- А. С. Лавров д-р ист. наук, проф. (Университет Париж – Сорбонна, Париж, Франция)
- Ш. Б. Мухамедов д-р ист. наук (филиал Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина в г. Ташкенте, Республика Узбекистан)
- Г. Г. Пиков д-р ист. наук, д-р культурологии, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- С. Ю. Сапрыкин д-р ист. наук, проф. (Московский государственный университет, Институт всеобщей истории РАН, Россия)
- Д. Смил д-р истории, проф. (Школа истории колледжа королевы Марии Лондонского университета, Великобритания)
- И. Халфин д-р истории, проф. (Тель-Авивский университет, Израиль)
- П. Холквист д-р истории, проф. (Пенсильванский университет, США)
- В. И. Шишкин д-р ист. наук, проф. (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Kh. A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B. Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

E. E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

T. Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

A. E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

A. P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

J. Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

O. D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

G. E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

S. M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

H. Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

H. Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

P. Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

I. V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yu. V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “History”

Executive Editor

A. V. Dmitriev Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

S. O. Egorov Candidate of Sciences (History) (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

A. N. Alekseenko Doctor of Sciences (History), Professor (D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University, Ust-Kamenogorsk, the Republic of Kazakhstan)

V. P. Buldakov Doctor of Sciences (History) (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

W. Fujimoto Doctor of Sciences (History), Professor (Osaka University of Economics and Law, Japan)

D. Wolff Doctor of Sciences (History), Professor (Hokkaido University, Sapporo, Japan)

V. Dönninghaus Doctor of Sciences (History), Professor (North-East Institute of University of Hamburg, Lüneburg, Germany)

L. V. Deriglazova Doctor of Sciences (History), Professor (Tomsk State University, Russian Federation)

S. V. Kondratiev Doctor of Sciences (History), Professor (Tyumen State University, Russian Federation)

A. S. Lavrov Doctor of Sciences (History), Professor (Paris-Sorbonne University, Paris, France)

Sh. B. Mukhamedov Doctor of Sciences (History) (Tashkent Branch of the National University of Oil and Gas “Gubkin University”, Uzbekistan)

G. G. Pikov Doctor of Sciences (History), Doctor of Culture Science, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

S. Yu. Saprykin Doctor of Sciences (History), Professor (Moscow State University, Institute for World History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

J. Smele Doctor of Sciences (History), Professor (Queen Mary’s college of London University, United Kingdom)

I. Halfin Doctor of Sciences (History), Professor (Tel Aviv University, Israel)

P. Holquist Doctor of Sciences (History), Professor (University of Pennsylvania, Philadelphia, United States)

V. I. Shishkin Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2024. Том 23, № 8: История

СОДЕРЖАНИЕ

Российская история

<i>Гурьянова Н. С.</i> О роли эсхатологии в идейном противостоянии Церкви и старообрядцев	9
<i>Володина Т. А.</i> «Интересные дела»: о проблеме казнокрадства в русской армии XVIII – начала XIX века	21
<i>Андреева Т. В.</i> М. М. Сперанский и проблема Комитета министров в первой трети XIX века	33
<i>Лебедев С. К.</i> Государственный кредит России в первой трети XIX века и внешние денежные рынки	46
<i>Романов П. К.</i> Проблема внутреннего обращения иностранной монеты в России в 30-е годы XIX века	57
<i>Резникова М. А.</i> «Старшина судит за деньги, писарь пишет за вино»: злоупотребления должностных лиц крестьянского самоуправления Томской губернии на страницах газеты «Жизнь Алтая» (1911–1914 годы)	69
<i>Артемов Е. Т.</i> Восточные районы в экономической стратегии на «взлете» советской индустриальной системы	81
<i>Шелегина О. Н.</i> Историко-культурные аспекты клубного движения в новосибирском Академгородке в 1960–1980-е годы	94

Историография. Источниковедение

<i>Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н.</i> «А как быть с Пушкиным?», или Неосуществившаяся попытка Бориса Поршнева стать пушкинистом	105
<i>Клюев А. И., Метель О. В.</i> «Очерк истории древнееврейской религии» А. Б. Рановича в контексте споров о формационной принадлежности древневосточных обществ (конец 1930-х – начало 1940-х годов)	118
<i>Матханова Н. П.</i> Письма историков второй половины XX века как канал научной коммуникации (на примере писем из Сибири в столицу)	130
<i>Шакирова С. М.</i> Гендер – синоним женского или полезная категория исторического анализа? (Обзор женской и гендерной истории в Казахстане)	141
Список сокращений	154
Информация для авторов	155

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2024, vol. 23, no. 8: History

CONTENTS

Russian History

<i>Gurianova N. S.</i> On the Role of Eschatology in the Ideological Confrontation between the Church and the Old Believers	9
<i>Volodina T. A.</i> “Interesting Cases”: On the Problem of Embezzlement in the Russian Army of the 18 th – Early 19 th Century	21
<i>Andreeva T. V.</i> M. M. Speransky and the Problem of the Committee of Ministers in the 1 st Third of the 19 th Century	33
<i>Lebedev S. K.</i> State Credit of Russia in the 1 st Third of the 19 th Century and Foreign Money Markets	46
<i>Romanov P. K.</i> The Problem of Internal Circulation of Foreign Coins in Russia in the 1830s	57
<i>Reznikova M. A.</i> “The Foreman Judges for Money, the Clerk Writes for Wine”: Abuses of Power by Officials of the Peasant Self-Government of the Tomsk Governorate on the Pages of the Newspaper “Altai Life” (1911–1914)	69
<i>Artemov E. T.</i> Eastern Regions in the Economic Strategy on the “Take-off” Stage of the Soviet Industrial System	81
<i>Shelegina O. N.</i> Historical and Cultural Aspects of the Club Movement in Novosibirsk Akademgorodok in 1960s – 1980s	94

Historiography. Source Studies

<i>Kondratiev S. V., Kondratieva T. N.</i> “And What about Pushkin?”, or Unfulfilled Attempt of Boris Porshnev to Become a Scholar of Pushkin	105
<i>Klyuev A. I., Metel O. V.</i> A. B. Ranovich’s “Essay on the History of Ancient Hebrew Religion” in the Context of Disputes about the Formation Stage of Ancient Eastern Societies (Late 1930s – Early 1940s)	118
<i>Matkhanova N. P.</i> Letters of Historians of the 2 nd Half of the 20 th Century as a Channel of Scholarly and Business Communications (Based on Letters from Siberia to the Capital)	130
<i>Shakirova S. M.</i> Is Gender a Synonym for Feminine or a Useful Category of Historical Analysis? (Review of Women’s and Gender History in Kazakhstan)	141
List of Abbreviations	154
Instructions to Contributors	155

Научная статья

УДК 94 (47)«16» + 281.93

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-9-20

О роли эсхатологии в идейном противостоянии Церкви и старообрядцев

Наталья Сергеевна Гурьянова

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

gurian@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>

Аннотация

Рассматривается процесс оформления в старообрядчестве во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. учения о конечных судьбах мира и его роль в идейном противостоянии с Церковью. Кратко охарактеризована одна из линий развития эсхатологии на раннем этапе движения, которая во многом определила вероучение старообрядческих согласий. Обращено внимание на попытки иерархов опровергнуть утверждение защитников старого обряда о якобы уже состоявшемся воцарении в мире антихриста. Сделан вывод, что эсхатология играла важную роль в идейном противостоянии Церкви и старообрядцев, выполняя функцию обоснования права оставаться в оппозиции к новшествам, внесенным в обряд и богослужебную практику в результате реформы.

Ключевые слова

Церковь, раскол, старообрядчество, согласия, памятники письменности, эсхатологическое учение

Благодарности

Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» № FWZM-2024-0006

Для цитирования

Гурьянова Н. С. О роли эсхатологии в идейном противостоянии Церкви и старообрядцев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-9-20

On the Role of Eschatology in the Ideological Confrontation between the Church and the Old Believers

Natalia S. Gurianova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

gurian@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>

Abstract

The article describes the process of formalizing the eschatological teaching among the Old Believers and attempts to refute it by Church hierarchs. The focus is on the doctrine of the ultimate destinies of the world, which gained significant support among opponents of church reform in the latter half of the 17th century. The study demonstrates the con-

© Гурьянова Н. С., 2024

tinuity of ideas and the evolution of the views of the authors who explored in their works the theme of the reign of the Antichrist in the world and affirmed the idea that only the defenders of the old rite are able to serve the guarantors of the salvation of mankind. The authors built their arguments on quotations from the Holy Scriptures and their interpretations in patristic literature, explaining the facts of modern reality through them. Such constructions appeared quite convincing to the Russian population's religious consciousness, resulting in an increasing number of supporters of the Old Believer doctrine, turning the intra-church movement into a broad religious and social one. The fight against schism became relevant not only for the Church but also for secular authorities since the defenders of the old rite used the doctrine of the ultimate destinies of the world to justify their opposition towards governing bodies and solutions to social and political issues proposed by them. The Church battled against the Old Believers in alliance with the authorities. Council resolutions and legislative acts evidence this. The article concludes by arguing that the Church and authorities in the 17th – 18th centuries saw the main threat in the dissemination of the teachings of the Old Believers in handwritten propaganda texts, which necessarily contained a statement about the possible accession of the Antichrist in Russia. However, no attempts by the Church hierarchs to rebut the eschatological teaching of the defenders of the old rite were successful, and the religious-social movement only continued to grow. Both sides believed that eschatology played an essential role in the ideological confrontation between the Church and the Old Believers, substantiating the right to oppose the innovations brought into ritual and liturgical practice due to the reform.

Keywords

Church, schism, Old Believers, Old Believers groups, written documents, eschatological teaching

Acknowledgements

The research was carried out within the state assignment, on the topic “The Past in the Manuscript Sources of the 16th – 20th Centuries: Preservation and Development of Traditions” no. FWZM-2024-0006

For citation

Gurianova N. S. On the Role of Eschatology in the Ideological Confrontation between the Church and the Old Believers. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-9-20

Раскол в Русской церкви, произошедший в результате церковной реформы, начатой патриархом Никоном, был показателем кризисных явлений в обществе. Первоначально это было внутрицерковное явление, когда часть духовенства, монашества не поддержала изменений, внесенных в обряд и богослужебную практику. Достаточно быстро защитники старого обряда привлекли в свои ряды часть населения, что сделало важной для Церкви борьбу с распространением раскола. Она действовала при поддержке светской власти, вернее, в союзе с ней. Это проявлялось и в идейном противостоянии Церкви и старообрядцев, которое было частью борьбы за паству. Представляется актуальным уточнить роль эсхатологии в этом процессе.

Учение о конечных судьбах мира и человека после принятия Русью христианства стало играть важную роль в общественном сознании населения. Восприятие действительности в эсхатологических категориях постепенно сделалось неотъемлемой частью представлений верующего человека, особенно обостряясь в кризисные моменты истории страны¹. По мнению С. Н. Булгакова, это способствовало появлению особого типа апокалиптики, в котором сочетались мрачная и светлая стороны. Поясняя свою мысль, автор в качестве яркого примера сослался на эсхатологическое учение старообрядцев. При этом он подчеркнул, что русский раскол «в своем духовном укладе сохранил дух православной церковности, хотя и с неизбежной односторонностью»². В данном случае важно отмеченное сохранение в старообрядчестве «духа православной церковности». У защитников старого обряда это особенно ярко проявилось в провозглашенной верности традициям и в неприятии новшеств.

С первых шагов патриарха Никона на пути внесения изменений в обряд и богослужебную практику Русской церкви обозначились центры сопротивления³. В них происходил поиск аргументов в защиту отстаиваемой точки зрения на ортодоксальный вариант русского православия, который в XVI в. в Стоглаве был только обозначен. Церковь после Смуты попыталась дополнить его богословскими обоснованиями, ориентируясь на творческое наследие

¹ О таком периоде см.: [Алексеев, 2002].

² Об этом подробно см.: [Булгаков, 1991, с. 373–374].

³ О литературно-публицистических и книгописных центрах старообрядчества см.: [Бубнов, 1995, с. 48–298].

Киевской митрополии⁴. При этом использовались сочинения, написанные южнорусскими православными авторами в конце XVI – начале XVII в. в ходе борьбы с инославными и униятами.

Существенное влияние на русских книжников оказало эсхатологическое учение, которое было сформулировано православными авторами Киевской митрополии в очень сложных исторических условиях. Рукописи и печатные издания с этими памятниками письменности были известны и распространялись в России. Ориентируясь на богословскую мысль родственной митрополии, Церковь в 40-е гг. представила эти произведения и в адаптированном для русского читателя виде⁵. Во всех этих текстах было достаточно подробно изложена идея о должном в скором времени произойти покорении мира антихристом со всеми вытекающими по христианскому вероучению последствиями.

Распространению в среде противников церковной реформы этого варианта эсхатологических построений содействовала не только популярность «литовских» книг, но и появление «Книги», составленной дьяконом Федором из слов Спиридона Потемкина – одного из лидеров раннего периода старообрядчества. В ней автор, опираясь на тексты православных авторов Киевской митрополии, предложил решение актуальных для противников церковной реформы вопросов, изложив обстоятельно и теорию о постепенном завоевании мира антихристом⁶.

Эти построения оказались очень востребованными в среде защитников старого обряда, религиозное сознание которых позволяло найти в них объяснение происходящему в реальной жизни. По этому поводу профессор богословия П. С. Смирнов очень точно заметил: «Вопрос о том, как смотреть на переживаемое время, занимал центральное место в ряду внутренних вопросов в расколе за первое время его существования. Все другие важнейшие вопросы или были прямым последствием его, или же находили в нем основу для своего разрешения» [Смирнов, 1898, с. 1]. Следует только внести уточнение, что вопрос о переживаемом времени был в центре внимания старообрядцев не только в ранний период, но и позже.

Первое поколение противников церковной реформы, действительно, попыталось использовать христианское эсхатологическое учение, существовавшее в православии в недостаточно разработанном виде, при обосновании своего права оставаться в оппозиции. Все признаки наступления «последних» времен, воцарения антихриста легко соотносились ими с современной действительностью. Каждый автор предлагал свой вариант доказательства исполнения предсказаний о воцарении в мире антихриста, поэтому трудно в статье охарактеризовать сложный процесс оформления эсхатологического учения в среде противников церковной реформы. Можно только обозначить одно из направлений, характерных для движения в целом.

Для установления важных идей, определивших этот процесс, следует обратить внимание на сочинения дьякона Федора. В них он не только повторил теорию об отступлениях в ходе завоевания мира антихристом, предложенную Спиридоном Потемкиным, но и актуализировал ее, соотнеся предсказание о должном произойти в 1666 г. в России самом последнем отступлении от веры с собором 1666–1667 гг., на котором были осуждены и преданы анафеме противники церковной реформы⁷.

Справедливость выбора произведений дьякона Федора для характеристики одного из основных направлений развития идеологии зарождающегося религиозно-общественного движения подтверждается отношением к его творчеству единомышленников. Именно ему пустозерские узники доверили написать текст манифеста раннего периода старообрядчества –

⁴ Об этом см.: [Каптерев, 2003, с. 45–145].

⁵ Об издании сборника «Кириллова книга» и «Книги о вере» см.: [Опарина, 1998].

⁶ О «Книге» Спиридона Потемкина см.: [Бубнов, 1995, с. 124–138].

⁷ Об этом подробно см.: [Опарина, 2003].

«Ответ православных»⁸. Не менее важным обстоятельством следует считать и включение фрагментов из его сочинений, посвященных изложению эсхатологических построений, в компиляцию, составленную в начале XVIII в.⁹ Это означает, что следующие поколения старообрядцев воспринимали его произведения в качестве основополагающих при оформлении идеологии вновь образованных согласий.

В сочинениях дьякона Федора нашла отражение и характерная для других авторов эволюция взглядов по поводу учения о конечных судьбах мира. До собора переживаемое время определялось противниками церковной реформы как предшествующее воцарению антихриста. В челобитных, в сочинениях приводились аргументы в защиту отстаиваемой точки зрения на новшества и звучали призывы отменить их, поскольку авторы утверждали, что изменения в обряде и богослужебной практике свидетельствовали об отступлении от истинной веры. Единственным способом не допустить, чтобы в России воцарился антихрист, по их мнению, было сохранить верность традициям Русской церкви.

После собора, который утвердил результаты церковной реформы и осудил ее противников, меняется восприятие действительности, тон челобитных и сочинений защитников старого обряда становится более агрессивным. Авторы стали четко формулировать свои претензии к носителю верховной власти и патриарху, обосновывая их тем, что настало время скорого воцарения в России антихриста, который давно уже покорил мир. Это привело к тому, что они стали заниматься эсхатологическими построениями, соотнося знамения и признаки покорения мира антихристом, предсказанные в Священном Писании и святоотеческом предании, с современными событиями.

Творческое наследие инок Авраамия – наглядное тому подтверждение. Он попытался подвести определенный итог оформления идеологии зарождающегося религиозно-общественного движения, составив сборник «Христианоопасный щит веры...» из написанных к тому времени противниками церковной реформы сочинений, дополнив собственными текстами. Л. Д. Демидова осуществила анализ текста сборника и сделала важное для темы статьи замечание по поводу его содержания: «В нем (в сборнике. – Н. Г.) нашли отражение взгляды разных авторов первого поколения противников церковной реформы на все дискуссионные проблемы. Инок Авраамий сумел не только придать связность и единство идеям, выраженным в отдельных сочинениях, но и превратить их в систему» [Демидова, 2013, с. 3].

Действительно, составитель включил авторитетные тексты, в которых первым поколением противников церковной реформы были представлены аргументы и сформулированы идеи, позволяющие им оставаться в оппозиции к новшествам. Большое внимание было уделено эсхатологическим построениям благодаря включению сочинений дьякона Федора¹⁰. Совершенно очевидно проступает эволюция взглядов ранних старообрядцев в области эсхатологии, вернее, в одной из линий – Спиридон Потемкин, дьякон Федор и инок Авраамий. Последний не только подвел определенный итог развития идеологии раннего этапа движения, составив сборник, но и на его материалах написал в 1670 г. Челобитную, в которой сумел выразить основные идеи, отстаиваемые защитниками старого обряда, в более ясной форме, обосновывая их справедливость эсхатологическими построениями.

Это была не единственная линия развития учения о конечных судьбах мира в среде противников церковной реформы, но важная, учитывающая достижения других авторов. Она была основополагающей для вероучения старообрядцев, поэтому может быть использована при характеристике роли эсхатологии в идейном противостоянии с Церковью. Вывод о том, что переживаемое время есть «последнее», стал общим местом для противников церковной реформы при характеристике современности. В публицистических сочинениях авторы

⁸ Об этом сочинении см. статью-публикацию: [Демкова, Титова, 2001].

⁹ Об этом подробно см.: [Демкова, Титова, 2009].

¹⁰ Об этом подробно см.: [Демидова, 2022, с. 273–285].

не всегда излагали учение о конце света, им достаточно было обозначить время в качестве «последнего», чтобы вызвать у читателей соответствующие ассоциации.

Цитаты из Священного Писания и фрагменты с их истолкованием в святоотеческом предании, составляющие христианское эсхатологическое учение, предоставляли возможность по-разному интерпретировать образ антихриста, исходя из цели написания автором произведения. Традиционным для Русской церкви было использование текстов, в которых противник Христа трактовался в чувственном образе. Первое поколение защитников старого обряда ориентировалось на этот вариант, но при этом отмечалась и духовная сущность антихриста, покорившего мир.

В процессе оформления идеологии движения было предложено новое направление развития эсхатологического учения старообрядцев. В послании в Тюмень из Далматовского монастыря «Об антихристе и тайном царстве его», написанном неизвестным автором, по мнению П. С. Смирнова, во время царствования Алексея Михайловича, была сформулирована теория духовного антихриста. До этого авторы делали акцент на чувственном явлении противника Христа, хотя элементы истолкования его присутствия в мире в качестве Духа имели место. Автор сочинения «Об антихристе и тайном царстве его» сумел представить цитаты из Священного Писания и святоотеческого предания, составляющие христианское эсхатологическое учение, истолкованными исключительно в духовном плане¹¹.

Преследование защитников старого обряда Церковью и светской властью только усилило остроту эсхатологических ожиданий в этом сообществе и способствовало популярности их взглядов среди населения. Внутрицерковная оппозиция очень быстро превратилась в широкое религиозно-общественное движение, что, естественно, очень тревожило Церковь и власть, которые объединили усилия в борьбе с расколом. Это особенно заметно, если обратить внимание на поместный собор, состоявшийся в Москве в 1681–1682 гг. На нем обсуждалась и тема борьбы с расколом, которую традиционно определил Феодор Алексеевич своими предложениями. Об этом свидетельствует название-аннотация, сопровождающая постановление: «Соборное постановление по предложениям Царя, об учреждении новых епархий, о предании раскольников градскому суду... о воспреещении строить новые пустыни и продавать разныя выписи из книг Божественнаго Писания и пр.» (АИ, 1842, с. 108).

Проблеме раскола было посвящено несколько предложений Феодора Алексеевича (2, 13–16). Особенно показательно 14-е предложение, в котором было высказано опасение, что увеличению последователей защитников старого обряда среди простых людей способствуют рукописные агитационные материалы, распространяемые противниками церковной реформы среди населения (АИ, 1842, с. 117). Власть увидела главную опасность в письмах и тетрадках старообрядцев с изложением взглядов на результаты церковной реформы, которая истолковывалась ими исключительно в качестве свидетельства отступления от истинной веры, из-за которого должен последовать конец мира. Собор в ответе предложил, чтобы особые люди были назначены от государя и от патриарха, которые бы «вкупе того поостерегали», т. е. предотвращали деятельность проповедников раскола. При этом было указано, что «для вспоможения тем выборным людям давать с караулов стрелцов» (АИ, 1842, с. 118).

В данном случае прорывается не только озабоченность светской власти и Церкви распространением раскола, но и желание достаточно жестко прекратить это. Властям удалось реализовать это постановление собора, приняв соответствующие законодательные акты. Усилились гонения на защитников старого обряда, последовали казни, но это не остановило увеличения приверженцев движения. Не способствовали этому и неоднократные попытки Церкви опровергнуть точку зрения оппонентов. Ярким примером может служить изданный в 1682 г. от имени патриарха Иоакима труд архиепископа Холмогорского Афанасия «Увет

¹¹ Об этом сочинении и публикацию текста см.: [Смирнов, 1898, с. LXXXI–LXXXVII, 019–034].

духовный», который был написан сразу после знаменитого диспута иерархов с Никитой Добрыниным¹².

Целью создания сочинения было предоставить опровержение доводов противников церковной реформы. В молодости Афанасий был сторонником этого движения. В «Увете духовном» он со знанием дела излагал точку зрения оппонентов по обсуждаемым вопросам. В этом тексте, естественно, нашла отражение и озабоченность Церкви распространением раскола: «И грех ради наших, такову дерзость онии псыбеснии на ся взяша, яко не токмо по дворах тайно, но уже с буестью проклятою по улицах, по торжищах, по корчмах... людей божиих ядометными своими словесы прелщаху» (Увет духовный, 1682, л. 54 об.)¹³.

Основную опасность в столь успешном распространении раскола иерарх тоже увидел в существовании рукописных материалов с изложением учения. При этом он очень точно охарактеризовал суть содержания этих тетрадок: «И носяще с собою богомерзския писанныя тетратки своих мрачных прелестей, сими совратившися от богопреданныя святыя веры... В них же писано, якобы уже последняя кончина мира» (Увет духовный, 1682, л. 55). Архиепископ Афанасий очень точно обозначил основополагающую идею учения старообрядцев, которая служила им обоснованием права оставаться в оппозиции. Естественно, он попытался опровергнуть их взгляды, сосредоточив внимание на Челобитных Никиты Добрынина и священника Лазаря. Ни решение собора, ни гонения светской власти, ни попытка иерарха убедить паству остаться в лоне Церкви не сократили число сочувствующих движению, количество сторонников продолжало расти.

К концу XVII в. единое движение разделилось на два направления – признающих священников и утверждающих о необходимости в «последние» времена обходиться без них. Эсхатологические построения первого поколения противников церковной реформы были положены в основу идеологии двух направлений движения. Особенно ярко это проявилось в беспоповщине при образовании самостоятельных согласий. Их лидеры опирались на сформировавшееся мнение о том, что время воцарения в мире антихриста «близ». Церковь обращала особое внимание на эсхатологические построения старообрядцев.

В 1703 г. Стефан Яворский опубликовал сочинение «Знамения пришествия антихристов», направленное против старообрядческого эсхатологического учения (Стефан, 1703)¹⁴. Не случайно местоблюститель патриаршего престола написал текст, который посвятил опровержению утверждения о том, что переживаемые времена есть антихристовы. Ориентируясь на западную богословскую мысль, он перечислил все знамения пришествия антихриста, убеждая читателей, что они еще не наблюдаются. Главным аргументом против вывода старообрядцев о воцарении в мире антихриста была отсылка к евангельскому тексту о невозможности для человека знать время его пришествия (Мф. 24: 36). Совершенно очевидно, что в начале XVIII в. эсхатология стала играть важную роль в идейном противостоянии Церкви и старообрядцев. Только этим можно объяснить стремление иерархов опровергнуть эсхатологические построения оппонентов.

В процессе самоопределения старообрядческих согласий их лидеры вынуждены были заняться разработкой учения о конечных судьбах мира. Им следовало представить весьма убедительную с точки зрения христианина картину завоевания мира антихристом, объяснить, почему после предсказанного «последнего» отступления от веры, якобы состоявшегося в 1666 г., которое должно означать воцарение в мире антихриста, как утверждало первое поколение противников церковной реформы, не наступил конец света. В центре поморского согласия попытались предложить решение этой проблемы. Показателен в этом плане сборник БАН, собр. Дружинина, № 462 (491), составленный на Выгу в первой половине

¹² Об этом тексте и его использовании исследователями см.: [Панич, 2005, с. 213–215].

¹³ Описание издания см.: [Зернова, 1958, с. 110, № 377].

¹⁴ Описание издания см.: [Гусева, 2010, с. 407, № 1541].

XVIII в.¹⁵ Значительную часть его объема, с л. 4 до л. 110, составляют тексты, посвященные эсхатологической теме. Это не систематическое изложение учения о конечных судьбах мира, а только подступы к решению основных вопросов, которые подтверждали мысль о том, что переживаемое время есть «последнее», антихристово.

Содержание включенных в сборник текстов особенно наглядно характеризует роль эсхатологии в идейном противостоянии Церкви и старообрядцев, поскольку важное место в сборнике заняло Слово на книжицу Стефана Яворского Андрея Денисова¹⁶. Во введении автор¹⁷ заявил, что следует при написании сочинений на богословскую тему ориентироваться на Священное Писание, «а не дерзати что самосмышленне, не обретше сокровенне лежащего в духовных сокровищах»¹⁸. Далее он еще более конкретизировал упрек в адрес Стефана Яворского. Подчеркнув, что в подобных сочинениях речь идет о «духовной премудрости», а не о рассуждениях по поводу «мирских потреб», автор охарактеризовал несколько вариантов отрицательных результатов создания текстов такого рода. Последний представлен так: «Иннии иногда тайнословят, надеющиеся краснословия внешняя мудрости, но внутрь под завесою писменною лежащего пресветлаго бисера разумения видети не улучиша»¹⁹.

После этого сказанное соотнесено с сочинением Стефана Яворского: «Каково видети есть страждущи в новосложенной книжице мудрейшаго Стефана митрополита, иже по притчи некоей рещи: Восхоте врага своего уязвити, от своего оружия окровавился. Обличая о кончине века дерзающих любопытствовати, дерзнул есть и сам о глубоких конечных тайнах мудрословити, в них же и иная погрешая»²⁰. Уже во вводной части Слова был обозначен обличительный тон сочинения, поскольку утверждалось, что всё изложенное митрополитом является «самоуверением», т. е. не опирается на Священное Писание. Автор указал и конкретную тему – «о Римской монархии», благодаря которой будет осуществлена попытка доказать неправоту иерарха. Действительно, Андрей Денисов акцентировал внимание на этом знаменнии, одном из описанных Стефаном при доказательстве, что предсказанное воцарение в мире антихриста еще не произошло.

Старообрядец представил точку зрения митрополита по этому поводу в цитатах, указывая страницы, на которых они расположены. Первым приведен достаточно пространственный фрагмент с текстом, излагающим теорию о четырех монархиях и предсказание о последней, Римской, падение которой должно означать воцарение в мире антихриста²¹. После этого пересказан вывод, сделанный Стефаном: «И сия убо в книжице оной и прочая тамо утверждено мнение оно, еже Римская область стоит единою голению»²². Возражение против этой точки зрения Андрей Денисов начинает так: «Чюдужеся, како глаголяй повыше, внемлем толкованию Метафрастову, а сам невнятно изследствова сказание его. Тамо бо того... не обретается. Тем же и мудрствуя и сия Стефан от себе глаголет и на самом мнении, а не на пророческом и Метафрастовом, ниже на ином коем от богословцев глаголанном утверждается»²³.

Старообрядец проанализировал все доводы Стефана и привел соответствующие цитаты из Священного Писания и святоотеческого предания, которые, как он считал, опровергают точку зрения митрополита. В конце Андрей Денисов подтвердил вывод о неверном истолковании митрополитом предсказания о четвертой монархии, приведя несколько фрагментов из 30-й главы «Книги о вере», в которых утверждалось, что Римская монархия уже пала

¹⁵ БАН. Собр. Дружинина. № 462 (491). 1-я пол. XVIII в. 8 °. 278 л. Описание сборника см.: [Сочинения..., 2001, с. 272–276, № 139].

¹⁶ Там же. Л. 22–36 об.

¹⁷ Возможно, вводная часть сочинения написана не Андреем Денисовым, но явно согласована с ним.

¹⁸ БАН. Собр. Дружинина. № 462 (491). Л. 22.

¹⁹ Там же. Л. 23.

²⁰ Там же. Л. 23 – 23 об.

²¹ Там же. Л. 25 об. – 27 об.

²² Там же. Л. 27 об.

²³ Там же. Л. 27 об. – 28.

и следует ожидать конца света²⁴. Слово на книжицу Стефана Яворского свидетельствует, что старообрядцы пытались опровергать критику иерарха, отстаивая право считать переживаемые времена «последними», антихристовыми. Обе стороны воспринимали эсхатологию в качестве важного звена в идейном противостоянии.

Кроме сочинения Андрея Денисова в сборник были включены тематические подборки выписок на тему «последнего» времени, образа антихриста и т. п. Они составлены из цитат из Священного Писания, святоотеческого предания, повествовательных источников – исторических и литературных произведений. В результате читателям предлагалось логично выстроенное изложение представлений о завоевании мира антихристом. Сложно охарактеризовать такого рода материалы, но в этом сборнике есть подборка, обозначенная как Свидетельства, к которой было составлено оглавление²⁵. В нем содержание разделено на 19 глав, каждой из которых дано название-аннотация. В результате получилось описание содержания представленных цитат, вернее, каким образом составители сборника рекомендовали читателям воспринимать их.

В качестве примера достаточно привести начало оглавления: «1. Свидетельства, яко еже антихрист глаголется, сиречь противник. 2. Свид., яко антихрист еже есть сопотивник, сиречь отступление и отступник сам и отступлению послушающих научит. Человек сый, все сатанино действо восприемляй. 3. Яко антихрист чрез ереси и еретиков уже прииде...»²⁶. Из приведенного фрагмента явствует, что в оглавлении обозначены проблемы эсхатологического учения, получившие освещение в представленных фрагментах текстов, а также их решение. Цитаты, составляющие христианское эсхатологическое учение, позволили выговцам охарактеризовать образ антихриста и основные параметры его действий.

Далее дополнительно приведены две отдельные цитаты об антихристе из Апокалипсиса²⁷ и еще одна подборка выписок из разных книг под заглавием «Собрание вкратце от Божественных писаний о антихристове пришествии на землю»²⁸. В этой подборке тоже просматривается участие составителей в систематизации цитат. Они, как и в случае с оглавлением, перед каждой тематической подборкой выписок поместили определение темы, которой они посвящены. В этих заглавиях проступает осмысление составителями включенных цитат: «О еже, будет ли антихрист на земли»²⁹; «О еже, когда приидет антихрист»³⁰; «О еже кончина века когда будет»³¹; «О еже в кия лета по Христе»³² и т. д.

Перечисление тем выписок можно продолжить, но даже в процитированных названиях со всей очевидностью обозначается направление поиска выговцами решения вопросов, связанных с эсхатологическим учением. В Священном Писании и святоотеческом предании они находили фрагменты, которые утверждали их в мысли о наступлении «последних» времен, о царствовании в мире антихриста. Его образ трактовался как сочетание духовного и чувственного начал, что позволяло старообрядцам, например, растянуть предсказанные в христианском эсхатологическом учении 3,5 года царствования антихриста на неопределенное время при сохранении остроты ожиданий конца света. Для религиозного сознания населения первой половины XVIII в. этого было достаточно для утверждения в мысли о том, что переживаемые времена есть «последние».

В начале XVIII в. были несколько ослаблены гонения на старообрядцев, борьба с распространением их учения сосредоточилась на идейном противостоянии. В 1709 г. Димитрий,

²⁴ БАН. Собр. Дружинина. № 462 (491). Л. 36 – 36 об.

²⁵ Там же. Л. 38 – 87 об.

²⁶ Там же. Л. 38.

²⁷ Там же. Л. 90–92.

²⁸ Там же. Л. 93–107.

²⁹ Там же. Л. 93.

³⁰ Там же. Л. 95.

³¹ Там же. Л. 96.

³² Там же. Л. 97.

митрополит Ростовский написал сочинение «Розыск о раскольнической брынской вере. О учении их, о делах их и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевредно и дела их не богоугодна» (Димитрий, 1745). Уже в названии была обозначена направленность против старообрядцев. Часть вторая была посвящена доказательству «душевредности» их учения, а в 5-й главе опровергался взгляд старообрядцев на пришествие в мир антихриста (Димитрий, 1745, л. 40–46).

Иерарх так охарактеризовал суть эсхатологического учения старообрядцев: «Умствуют они и учат антихристову пришествию самим делом не быти, но мысленно токмо в мире тому воцаритися, а самое по существу лице антихристово, аки бы не имать быти. И скажут, аки бы уже давно воцарился антихрист мысленно. От того времени, внеже наста на Москве книжное исправление... И аки бы уже настает время Страшного Христова пришествия и дне суднаго и по вся нощи чают того и ждут неции от них возжегше свещу и не спяще даже до петелева глашения» (Димитрий, 1745, л. 40). Митрополит очень точно подметил остроту ожиданий старообрядцами конца света и изложил суть концепции духовного антихриста, которой они придерживались.

Действительно, как следует из выговских построений, представленных в сборнике Д. 462, элементы теории духовного антихриста преобладали в них. Попытки иерархов опровергнуть рассуждения старообрядцев по поводу переживаемого времени, которыми они обосновывали свое право оставаться в оппозиции, не увенчались успехом. Их учение привлекало все новых последователей. После введения двойного налога за право оставаться в старой вере, т. е. легализации старообрядцев, в «Докладных пунктах Синода» от 19 ноября 1721 г. степень распространения учения охарактеризована так: «...по ведомостям из Москвы, такое оных раскольников значится размножение, что в некоторых приходах и никого, кроме раскольников, не обретається, но все по записке под двойным окладом явствуются в раскольщиках» (ПСЗ-I, 1830, т. 6, с. 457, № 3854).

Власти по-прежнему видели особую опасность в распространении письменных агитационных материалов. Об этом свидетельствует именной указ, объявленный из Сената, от 18 августа 1718 г.: «О запрещении всем, кроме учителей церковных, писать в запертых покаях письма и о доносе на тех, которые против сего поступят». В нем рекомендовалось во всех церквях объявить и «выставить у всех же церквей листы» об этом, т. е. известить об этом указе прихожан не только устно, но и дать письменные объявления. В конце указа сообщалось о достаточно суровом наказании не только тех, «кто, запершись, пишет письма», но и тех, кто не донес об этом (ПСЗ-I, 1830, т. 5, с. 585, № 3223).

Совершенно очевидно, что Церковь в борьбе с распространением религиозно-общественного движения и в XVIII в. продолжала действовать в союзе со светской властью. В центре их внимания было старообрядческое учение о конечных судьбах мира и человека, поскольку оно послужило основой для оформления идеологии согласий, для решения вопросов религиозной жизни общин и их существования в государстве. Обе стороны осознавали важную роль эсхатологии в идейном противостоянии, поэтому одни считали необходимым убедить окружающих в справедливости утверждения, что настали «последние» времена, а представители официальной Церкви стремились опровергнуть его. Обращение к памятникам письменности, написанным противниками церковной реформы и иерархами, позволило сделать вывод, что эсхатология играла важную роль в идейном противостоянии Церкви и старообрядцев.

Список литературы

- Алексеев А. И.** Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XV в. СПб.: Алетейя, 2002. 352 с.
- Бубнов Н. Ю.** Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. СПб.: БАН, 1995. 435 с.

- Булгаков С. Н.** Православие и апокалиптика // Булгаков С. Н. Православие: Очерки учения православной церкви: М., 1991. С. 370–379.
- Гусева А. А.** Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М.: Индрик, 2010. 1252 с.
- Демидова Л. Д.** «Христианоопасный щит веры...» инока Авраамия и идеология раннего старообрядчества: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2013. 29 с.
- Демидова Л. Д.** Истоки русского раскола: инок Авраамий. СПб.: Нестор-История, 2022. 352 с.
- Демкова Н. С., Титова Л. В.** Полемический трактат пустоозерских узников «Ответ православных» в составе сборников XVII века // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 170–224.
- Демкова Н. С., Титова Л. В.** Из литературного наследия пустоозерских узников: неизвестная компиляция «Се ныне прииде час искушения на всю вселенную...» // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 2009. Вып. 7, ч. 2: Проблемы книжной культуры. С. 96–108.
- Зернова А. С.** Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М.: ГБЛ, 1958. 152 с.
- Каптерев Н. Ф.** Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. М.: Индрик, 2003. 248 с.
- Опарина Т. А.** Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск: Наука, 1998. 431 с.
- Опарина Т. А.** Число 1666 в русской книжности середины – третьей четверти XVII в. // Человек между Царством и Империей: Материалы Междунар. конф. «Человек между Царством и Империей: культурно-исторические реалии, идейные столкновения, рождение перспектив». М., 2003. С. 287–317.
- Панич Т. В.** Об одном источнике «Увета духовного» Афанасия Холмогорского (к теме священства и царства в литературе второй половины XVII в.) // Общественная мысль и традиции духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 213–222.
- Смирнов П. С.** Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб.: Печатня С. П. Яковлева, 1898. 504 с.
- Сочинения писателей-старообрядцев первой половины XVIII века / Сост. Н. Ю. Бубнов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 448 с.

Список источников

- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Тип. II Отд-ния СЕИВК, 1842. Т. 5. 567 с.
- Димитрий Ростовский.** Розыск о брынской вере. М.: Тип. Синодальная, 1745. 258 л.
- ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отд-ния СЕИВК, 1830. Т. 5. 784 с.; Т. 6. 820 с.
- Стефан (Яворский).** Знамена пришествия антихристового. М.: Печатный двор, 1703. 167 л.
- Увет духовный. М.: Печатный двор, 1682. 274 л.

References

- Alekseev A. I.** Pod znakom kontsa vremen. Ocherki russkoi religioznosti kontsa XIV – nachala XV v. [Under the Sign of the End Times. Essays on Russian Religiosity of the Late 14th – Early 15th Century]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2002, 352 p. (in Russ.)

- Bubnov N. Yu.** Staroobryadcheskaya kniga v Rossii vo vtoroi polovine XVII v. Istochniki, tipy i evolyutsiya [Old Believers Book in Russia in the 2nd Half of the 17th Century. Sources, Their Types and Evolution]. St. Petersburg, BAN Publ., 1995, 435 p. (in Russ.)
- Bulgakov S. N.** Pravoslavie i apokaliptika [Orthodoxy and Apocalypticism]. In: Bulgakov S. N. Pravoslavie: Ocherki ucheniya pravoslavnoi tserkvi [Orthodoxy: Essays on the Teachings of the Orthodox Church]. Moscow, 1991, pp. 370–379. (in Russ.)
- Demidova L. D.** “Khristianoopasnyi shchit very...” inoka Avraamiya i ideologiya rannego staroobryadchestva [“The Christian-Dangerous Shield of Faith...” of Monk Abraham and the Ideology of the Early Old Believers]. Abstract Diss. Cand. Hist. Sci. Novosibirsk, 2013, 29 p. (in Russ.)
- Demidova L. D.** Istoki russkogo raskola: inok Avraamii [The Origins of the Russian Schism: Monk Abraham]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2022, 352 p. (in Russ.)
- Demkova N. S., Titova L. V.** Polemicheskii traktat pustoozerskikh uznikov “Otvét pravoslavnykh” v sostave sbornikov XVII veka [Polemical Treatise of the Pustozersk Prisoners “Answer of the Orthodox” as Part of Collections of the 17th Century]. In: Obshchestvennoe soznanie i literatura XVI–XX vv. [Social Consciousness and Literature of the 16th – 20th Centuries]. Novosibirsk, 2001, pp. 170–224. (in Russ.)
- Demkova N. S., Titova L. V.** Iz literaturnogo naslediya pustoozerskikh uznikov: neizvestnaya kompilyatsiya “Se nyne priide chas iskusheniya na vsyu vselennuyu...” [From the Literary Heritage of the Pustozersk Prisoners: Unknown Compilation “The Hour of Temptation Shall Come upon the Entire World...”]. In: Ural’skii sbornik. Istoriya. Kul’tura. Religiya [Ural Collection. History. Culture. Religion]. Yekaterinburg, 2009, iss. 7, pt. 2: Problemy knizhnoi kul’tury [Problems of the Book Culture], pp. 96–108. (in Russ.)
- Guseva A. A.** Svod russkikh knig kirillovskoi pečati XVIII veka tipografii Moskvy i Sankt-Peterburga i universal’naya metodika ikh identifikatsii [A Collection of Russian Cyrillic Books of the 18th Century from Printing Houses in Moscow and St. Petersburg and a Universal Method for Their Identification]. Moscow, Indrik Publ., 2010, 1252 p. (in Russ.)
- Kapterev N. F.** Patriarkh Nikon i ego protivniki v dele ispravleniya tserkovnykh obryadov. Vremya patriarshestva Iosifa [Patriarch Nikon and His Opponents in the Matter of Correcting Church Ceremonies. The Time of the Patriarchate of Joseph]. Moscow, Indrik publ., 2003, 248 p. (in Russ.)
- Oparina T. A.** Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie Kievskoi mitropolii [Ivan Nasedka and Polemical Theology of the Kiev Metropolitanate]. Novosibirsk, Nauka, 1998, 431 p. (in Russ.)
- Oparina T. A.** Chislo 1666 v russkoi knizhnosti serediny – tret’ei chetverti XVII v. [The Number 1666 in Russian Literature of the Middle – Third Quarter of the 17th Century]. In: Chelovek mezhdru Tsarstvom i Imperiei. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii “Chelovek mezhdru Tsarstvom i Imperiei: kul’turno-istoricheskie realii, ideinye stolknoveniya, rozhdenie perspektiv” [Man Between the Tsardom and the Empire. Proceedings of the International Conference “Man between the Tsardom and the Empire: Cultural and Historical Realities, Ideological Clashes, and Birth of Prospects”]. Moscow, 2003, pp. 287–317. (in Russ.)
- Panich T. V.** Ob odnom istochnike “Uveta dukhovnogo” Afanasiya Kholmogorskogo (k teme svyashchenstva i tsarstva v literature vtoroi poloviny XVII v.) [About One of the Sources from the “Canon of the Sacred Texts” by Afanasy Kholmogorsky (On the Theme of the Priesthood and Tsardom in the Literature of the 2nd Half of the 17th Century)]. In: Obshchestvennaya mysl’ i traditsii dukhovnoi kul’tury v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh XVI–XX vv. [Social Thought and Traditions of Spiritual Culture in Historical and Literary Texts of the 16th – 20th Centuries]. Novosibirsk, 2005, pp. 213–222. (in Russ.)
- Smirnov P. S.** Vnutrennie voprosy v raskole v XVII veke. Issledovanie iz nachal’noi istorii raskola po vnov’ otkrytykh pamyatnikam, izdannym i rukopisnym [Internal Problems of the Schism in the 17th Century. Research from the Initial History of the Schism Based on the Newly Discov-

- ered Sources, Published Documents and Manuscripts]. St. Petersburg, Pechatnya S. P. Yakovleva, 1898, 504 p. (in Russ.)
- Sochineniya pisatelei-starobryadtsev pervoi poloviny XVIII veka [Works of Old Believers Writers of the 1st Half of the 18th Century]. Comp. by N. Yu. Bubnov. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2001, 448 p. (in Russ.)
- Zernova A. S.** Knigi kirillovskoi pechati, izdannye v Moskve v XVI–XVII vekakh. Svodnyi katalog [Cyrillic Books Published in Moscow in the 16th – 17th Centuries: Summary Catalog]. Moscow, GBL, 1958, 152 p. (in Russ.)

List of Sources

- Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei [Acts of History, Collected and Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1842, 567 p. (in Russ.)
- Dimitry Rostovsky.** Rozysk o brynskoi vere [Investigation into the Bryn Faith]. Moscow, Tipografiya Sinodal'naya, 1745, 258 p. (in Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830, vol. 5, 784 p.; vol. 6, 820 p. (in Russ.)
- Stefan (Yavorsky).** Znameniya prishestviya antikhristova [Signs of the Arrival of the Antichrist]. Moscow, Pechatnyi dvor, 1703, 167 p. (in Russ.)
- Uvet dukhovnyi [Collection of Sacred Texts]. Moscow, Pechatnyi dvor, 1682, 274 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Сергеевна Гурьянова, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 57222243564

Information about the Author

Natalia S. Gurianova, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 57222243564

*Статья поступила в редакцию 29.04.2024;
одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 13.05.2024
The article was submitted on 29.04.2024;
approved after reviewing on 06.05.2024; accepted for publication on 13.05.2024*

Научная статья

УДК 94(47).05+07

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-21-32

«Интересные дела»: о проблеме казнокрадства в русской армии XVIII – начала XIX века

Татьяна Андреевна Володина

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия

volodina.tatiana2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5390-1089>

Аннотация

На материалах военно-судебных дел Российского государственного военно-исторического архива и нормативно-законодательных источников рассматриваются социокультурные реалии в области имущественных преступлений внутри российской армии. Автор приходит к выводу, что инструменты и практики, служившие ограничителями в расхищении денег и ресурсов, эволюционировали на протяжении нескольких десятилетий. В итоге была сформирована система материальной ответственности виновников, их персонального уголовного и дисциплинарного наказания, которая эффективно дополнялась принципом командирской вертикали в деле возмещения ущерба, что придавало ей особый корпоративный характер.

Ключевые слова

Российская армия, корпорация, военно-судебные дела, казнокрадство, инструменты ограничения, нормы законов, практики применения

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00325 «Российская армия XVIII – начала XX в. как социокультурный феномен» (<https://rscf.ru/project/23-28-00325/>)

Для цитирования

Володина Т. А. «Интересные дела»: о проблеме казнокрадства в русской армии XVIII – начала XIX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 21–32. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-21-32

“Interesting Cases”: On the Problem of Embezzlement in the Russian Army of the 18th – Early 19th Century

Tatiana A. Volodina

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russian Federation

volodina.tatiana2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5390-1089>

Abstract

The article is written mainly on the materials of military court cases from the Russian State Military Historical Archive, as well as regulatory and legislative sources. The author examines property crimes within the Russian army from a socio-cultural perspective. The author concludes that the tools and practices that served as constraints in plundering money and resources have evolved over several decades. The practice of intimidation and capital punishment, which originated under Peter I, very quickly proved to be ineffective. As a result, by the middle of the 18th century,

© Володина Т. А., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 21–32
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 21–32

a system was formed so that, aside from the usual financial liability of the perpetrators, criminal and disciplinary penalties, it was effectively complemented by the principle of the command vertical liability in the matter of compensation for damage, which gave it a special corporate character. A specific attitude towards damage also facilitated this. The claim arose from a specific military unit, not from the treasury. This damage could not be forgiven even by the emperor. Measures such as sequestration of the culprit's real estate and extending material claims to their heirs further reinforced the corporate identity of the regiment's property.

Keywords

Russian army, corporation, military court cases, embezzlement, restriction tools, norms of laws, practices of usage

Acknowledgements

The research was funded by the RSF grant no. 23-28-00325 "The Russian army of the 18th – early 20th century as a sociocultural phenomenon" (<https://rscf.ru/project/23-28-00325/>)

For citation

Volodina T. A. "Interesting Cases": On the Problem of Embezzlement in the Russian Army of the 18th – Early 19th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 21–32. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-21-32

С созданием регулярной армии и флота многократно выросли расходы казны на военные нужды. При Петре I, например, они достигали 60–75 % российского бюджета [Миллюков, 1905, с. 140–142]. А в самом начале XIX в. на армию и флот приходилось около 50 % государственного бюджета, хотя в реальности в связи с военными действиями эта цифра зачастую была еще больше [Печерин, 1896, с. 8–11]. Получалось, что денежные потоки и ручейки пронизывали армию как кровеносные сосуды, а при такой циркуляции многократно возрастала, во-первых, возможность «отворить эту кровь» и направить ее в партикулярное русло, а во-вторых, необходимость пресечь деятельность подобных «цирюльников». Широко известен афоризм Карамзина, который выразил свое мнение о делах в России одним словом – «Крадут». Громадность военных расходов и вердикт Карамзина в совокупности могут на первый взгляд приводить нас к единственному выводу: армия должна была являться крупнейшим порталом казнокрадства и в силу этого снижать свою эффективность и боеспособность. Однако любая система, столкнувшись с проблемами, которые угрожают ее жизнедеятельности, оказывается вынужденной вырабатывать специфические инструменты для обеспечения своего функционирования. Эта сторона повседневной жизни армии, связанная с военным хозяйством и имущественными служебными преступлениями, не становилась предметом изучения в отечественной историографии. Только в последние годы начали появляться первые работы, посвященные этой проблематике [Андрияйнен, 2017; Мацумура, 2019]. В данной статье мы попытаемся на основе архивных источников сформулировать гипотезу, касающуюся проблемы казнокрадства в армии.

Летом 1800 г. в Выборге случилось происшествие скандальное и неприятное. При проведении финансовой ревизии выяснилось, что в военной казне недостает огромной суммы. В фондах РГВИА сохранилось объемное дело, связанное с этим происшествием. Здесь нет протоколов допросов обвиняемых или свидетелей, оно представляет собою скорее экстракт следственных и судебных материалов¹. Внимательное изучение этого кейса позволяет раскрыть некоторые любопытные черты социокультурных реалий армейской жизни.

Деньги хранились в каменной кладовой, располагавшейся в Шлосской крепости (сегодня это Выборгский замок). Внутри стояли опечатанные и запертые на замок сундуки, в каждом из них хранились разные деньги: комиссариатские, провиантские, инженерные, полковые, артиллерийские. Окно в кладовой было забрано решеткой, а возле входной двери (тоже закрытой на замок и опечатанной) круглосуточно стоял часовой. Уйти с поста или заснуть он не мог. Согласно уставу на воротах и по всему пространству крепости были расставлены караульные и часовые, днем и ночью мимо этих постов с проверкой каждые полчаса ходили патрули. Вдобавок часовые постоянно перекликались между собой.

¹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 8. Д. 840.

Дело было в духе Агаты Кристи. Из запертого помещения, куда не мог проникнуть никакой грабитель, исчезли деньги артиллерийского батальона, целых 30 тыс. руб. Сумма немалая. Для понимания масштаба цен укажем, что жалованье поручика в это время составляло вместе со столовыми деньгами 246 руб. в год [Миронов, 2016, с. 48].

Кража открылась неожиданно. Накануне Выборгский военный губернатор генерал-майор и князь Алексей Иванович Горчаков отдал приказание провести ревизию. Когда 2-го июля ревизоры принялись за проверку, выяснилось, что сундук с артиллерийскими деньгами пуст. О краже было немедленно доложено императору, тотчас по высочайшему повелению в Выборг для проведения расследования отправились генерал от артиллерии Корсаков и генерал-адъютант Лопухин. Они пришли к выводу, что украсть деньги мог только «свой» – тот, кто на законном основании имел право входить в хранилище. Непонятна была и дата кражи, это вскрылось всё 2 июля, а когда именно деньги исчезли – было неизвестно. В результате допроса караульных и дежурных офицеров удалось установить, что последний раз в каменную палату входили втроем плац-адъютант поручик Болонин, унтер-цейхвартер Сизов и инженер-капитан Бабурин, и было это 15 июня. Следователи выяснили, что Болонин пользовался полным доверием коменданта крепости Гессе, именно на него была возложена обязанность «вынимания» денег из кладовой. При этом нравы в крепости царили «домашние». Изъятый у плац-майора Филиппа журнал караулов, похоже, заполнялся задним числом, во всяком случае сведения о том, кто стоял на часах возле денежной кладовой разнились с показаниями допрошенных. Ключ и печать от казначейского помещения Болонину в доме коменданта зачастую вручал денщик или некая «женщина, проживавшая у коменданта». Нарушением являлось и то, что Болонин, бывало, эти ключи по два-три дня держал у себя.

Вообще, по мере изучения этого архивного дела возникало смутное ощущение, что где-то эта смесь военно-бытовой патриархальности, незамысловатой простоты и некоторой расхлябанности нам уже встречалась. Ну да, Белогорская крепость в «Капитанской дочке».

Однако Выборг был гораздо крупнее и важнее, гораздо ближе к столице, а сумма украденных денег была слишком велика, так что следствие работало без промедления и проволочек. Уже 18 августа 1800 г. последовала высочайшая конфирмация по этому делу. Император приказал отставить от службы князя Горчакова, исключить его из состава генералитета, а похищенные деньги с него, Горчакова, взыскать. Болонина и Сизова было приказано лишить чинов и написать вечно в рядовые, а коменданта крепости Гессе за «слабое бережение казенного интереса» лишить чинов и дворянского достоинства².

Обратим на это внимание. Суд еще не ответил на вопрос: кто именно, как и когда украл деньги. Все причастные всё еще находятся под арестом. Однако Павел уже отдал приказ возместить ущерб, нанесенный «казенному интересу». Финансовая ответственность была возложена на главного командира, в ведении которого находилась Выборгская крепость.

Очевидно, покрыть такую сумму князю было нереально, а надеяться, что всё как-нибудь утрясется, не приходилось. Похоже, что несколько недель Горчакову пришлось буквально прятаться, недаром из Петербурга полетел циркуляр во все губернские правления с требованием сообщить в военное ведомство сведения: пребывает ли в пределах данной губернии князь Горчаков и находятся ли в ней принадлежащие ему имения. На имения велено было без проволочек наложить секвестр. Губернии рапортовали, что ни о князе, ни о его недвижимости ничего не знают³.

Впрочем, уже осенью пропавшая сумма была внесена в артиллерийскую экспедицию, деньги за Горчакова заплатил тайный советник и кавалер Дмитрий Иванович Хвостов⁴. Хвостов появился в этом деле не случайно. Оба – Хвостов и Горчаков – входили в тесный круг родства и свойства, который был связан с А. В. Суворовым [Виницкий, 2017, с. 57–67]. Кроме того, Хвостов был богат и пользовался благоволением Павла. Он мог быстро достать не-

² РГВИА. Ф. 8. Оп. 8. Д. 840. Л. 5, 11.

³ Там же. Л. 122–146.

⁴ Там же. Л. 101.

обходимую сумму и при случае замолвить перед императором словечко за шурина. Так или иначе, но Горчаков выскользнул из объятий следствия, оставив в руках казны большую сумму денег и поплатившись карьерой. Ущерб казне был возмещен, однако дело оставалось не раскрытым. Военно-судебная комиссия не считала, конечно, что замки на денежных сундуках собственноручно взламывал Выборгский военный губернатор.

Следствие уже начало подумывать о допросе с пристрастием Болонина и Сизова, «ибо без сего средства нет надежды, чтобы они добросовестно признались»⁵. Получается, дворянина Болонина собирались *пытать*. Однако в этот момент в ситуацию вмешался генерал-аудитор князь Салагов. Дело в том, что из Выборга дошли настораживающие вести. Рядовой Михайлов разменял у маркитанта 25-рублевую ассигнацию. Для солдата такие деньги были «выше его состояния», и у следствия сразу же возникли подозрения.

Генерал-аудитор проявил несвойственную своему времени оперативную смекалку и приказал удовлетворить прошения об отпуске для проведения родных, которые подали несколько «подозрительных» солдат этого полка. Одновременно в губернии, куда отправились эти солдаты, были направлены секретные предписания: взять меры к пристальному наблюдению за поведением и образом жизни «отпускников». В результате открылось всё. Попавшие под подозрение солдаты так или иначе «показали деньги»: тот внес 60 руб. в солдатскую артель, другой подарил четвертную своей жене, третий спрятал 200 руб. у квартирной хозяйки, а у рядового Михайлова в Симбирской губернии под полом его деревенской избы нашли закопанными 26 675 руб.

Открылся и способ кражи. Рядовой Никифоров, стоя на часах возле кладовой, заметил, что решетку в окне можно немного отогнуть (один прут был плохо закреплен в кладке), а железный ставень по летнему времени открыт. Мгновенно озаренный идеей, он отогнул решетку, разделся до исподнего и проскользнул в кладовую. В темноте на ощупь отыскал сундук, на котором был навесной замок, а пробой еле-еле держался в дереве. Взяв деньги, солдат выскользнул обратно. Всё это Никифоров проделал минут за двадцать, успев дать отклик соседнему часовому, который стоял от него неподалеку за углом коридора. К следующему проходу патруля Никифоров уже стоял в мундире и амуниции, а в патронной суме у него лежали 30 тыс. руб.

Всего было отыскано и возвращено в казну 28 297 руб. Графу Хвостову вернули деньги, которые он внес в казначейство за Горчакова. Теперь перед следствием встали несколько важнейших вопросов. Кто обязан возместить недостающие 1 703 руб.? Что делать с арестованными офицерами и унтерами, которые всё еще содержались под караулом, а некоторые уже были разжалованы в рядовые и лишены дворянского достоинства? Примечательно, что события 11 марта 1801 г. пришлись как раз на период следствия. Мы помним, как князь Горчаков по приказу Павла был вынужден спешно внести большую сумму в казну просто потому, что Выборгская крепость находилась в его подчинении. Создается впечатление, что главным правилом «интересных дел» (так называли судебные дела об ущербе казенному интересу) являлся принцип: ущерб должен быть возмещен! Возникает вопрос: был ли подобный алгоритм возмещения казенного ущерба проявлением сумасбродства Павла или общепринятой процедурой материальной ответственности командиров для минимизации казнокрадства в армии?

Происшествие в Выборге представляет доказательства в пользу второго варианта. В конце апреля 1801 г. молодой император утвердил новое решение суда. Солдаты, причастные к краже, поехали на каторгу в Сибирь. Болонин и Сизов за «претерпение» были произведены выше чином (капитан и цейхвартер) и получили годовое жалованье «не в зачет» в виде материальной компенсации. Коменданту Гессе было приказано вернуть чин и дворянство, а также отставить от службы с полным пенсионом. Всех остальных арестованных по делу было приказано освободить и вернуть на их должности.

⁵ РГВИА. Ф. 8. Оп. 8. Д. 840. Л. 61.

Казалось бы, при молодом гуманном Александре справедливость восторжествовала. Но в «интересных делах» справедливость имела и другой приоритет – кто-то должен был покрыть казенный ущерб. Логика и иерархия возмещения были следующие. Сначала в возмещение шло имущество тех, кто был прямо причастен к преступлению. В данном случае таковое имущество отыскалось только у солдата Михайлова. В его родной деревне с публичного торгового рынка были проданы лошадь с подводою да ветхий хомут, а вырученные 22 руб. 66 коп. пошли в военное ведомство.

Остаток недостающей суммы по решению суда должны были возместить в равной мере:

- полковник Гильденшмит (артиллерийские деньги хранились в ветхом сундуке с хлипким замком). Правда, Гильденшмит во время следствия скончался, но этот долг переходил на его наследников. Три сына Гильденшмита служили уже подпоручиками в разных полках, вот они-то и обязаны были погашать убыток из своего кармана;
- отставной полковник Гессе (небрежное обращение с ключами от денежной кладовой);
- плац-майор Филипп (упущения в караульных и дежурных журналах, а также незакрытое ставнем окно кладовой).

А если, утверждалось в судебном решении, паче чаяния кто-то из этих офицеров будет заявлять о невозможности оплаты, то по предписанию комиссариатской экспедиции деньги должны были удерживаться из их жалованья и из пенсии отставного коменданта.

Итак, мы можем выделить принципы решения «интересных дел». Главным приоритетом являлось возвращение денег в казну. Возмещение строилось по принципу «снизу вверх». Первым в очереди стоял непосредственный виновник преступления. Если жалованья или средств от распродажи его движимого и недвижимого имущества (в случае его наличия) не доставало, то дальнейшие материальные санкции накладывались на его командиров снизу вверх пропорционально их жалованью.

Даже смерть не освобождала офицера от этого долга, он переходил на его наследников. Послабление могло произойти по случаю коронационных манифестов, когда милости изливались на подданных широкой рекой, одновременно давая вздохнуть судебным, увязавшим в трудных делах. Так и здесь, наследники Гильденшмита были освобождены от платежей по коронационному манифесту от 15 сентября 1801 г. – «Умерших, коих наследники по какому ни есть казенным недоимкам находятся, всех сих Всемиловейше прощаем» (ПСЗ-1, 1830, т. 26, с. 789, № 20011). Майор Филипп и полковник Гессе должны были продолжать погашать казенный ущерб.

Выборгское дело не было каким-то исключением. Большинство «интересных дел» демонстрируют нам подобного рода решения. Приведем лишь несколько примеров. В октябре 1799 г. унтер-офицер Староингерманландского полка Зимин, подобрав ключ к полковому денежному ящику, украл 652 руб. артельных и церковных денег, прихватив еще из цейхгауза черного сукна да фламского полотна. После этого Зимин выписал себе фальшивый паспорт, «подписавши его под руку генерала Римского-Корсакова» и отправился в родные места, в г. Немиров⁶. Всё это произошло в Австрии, во время военных действий против революционной Франции, когда войска второй коалиции вели бои и терпели поражение. Спустя несколько месяцев Зимин сам явился с повинной. Военный суд, как водилось по букве закона, приговорил его к виселице, и точно так же, как происходило на практике, в итоге ограничился шпицрутенами и разжалованием в рядовые. Однако признав, что «покраденных денег взыскать с него и надежды не предвидится», суд вынес вердикт: «как нижние чины, коим те деньги принадлежали, не должны их лишиться, то... иного не остается, как взыскать сию утрату с шефа полка, с командира полка и с ротного командира по пропорции жалованья» (генерал-майор граф Петр Разумовский, полковник Уланиус и капитан Барош)⁷.

Сразу же во все губернии полетел циркуляр с запрещением совершать купчие и закладные на недвижимое имущество упомянутых лиц. А вот дальше началось интересное. Дело в том, что

⁶ РГВИА. Ф. 8. Оп. 10. Д. 23.

⁷ Там же. Л. 18.

в суматохе военных действий 1799 г. выяснить, кто именно командовал и отвечал за полковой обоз в момент кражи, было трудно. Кто-то был уже ранен, кто-то попал в плен к французам, полковник Уланиус еще не командовал полком в октябре 1799 г. Один только капитан Барош быстро и без пререканий внес в полковую казну свою долю компенсации – 63 руб. В 1802 г. генерал-майор Федор Штейнгель, уже успевший выйти в отставку, с удивлением и негодованием обнаружил, что по предписанию Военной коллегии комиссариатское ведомство стало удерживать из его военной пенсии деньги, вычет составил 422 руб.⁸ Штейнгель представил квитанцию о сдаче / приемке полка, выданную 24 августа 1799 г. новым командиром полковником Нечаевым. В ней значилось, что полк к «бывшему в сем полку шефом господину генерал-майору и кавалеру Штейнгелю-второму претензий и взысканий не имеет»⁹. В итоге необходимую сумму в 1805 г. погасил за своего сына (который к тому времени дослужился уже до генерал-майора) надворный советник Андрей Нечаев, а военное ведомство вернуло Штейнгелю 422 руб.¹⁰ И только в сентябре 1805 г. командовавший к тому времени полком генерал граф Буксгевден рапортовал, что «должное количество денег им получено, и нижние чины ими удовольствованы»¹¹.

В этом кейсе необходимо отметить еще один штрих. Среди множества либеральных деклараций, объявленных 2 апреля 1801 г. новым императором, был и манифест «О сложении казенных взысканий», по которому прощались все казенные начеты, не превышающие 1 000 руб. (ПСЗ-I, 1830, т. 26, с. 604, № 19814). Так вот, сукно и полотно, украденные Зиминным, были оценены в 20 руб., и эта сумма была действительно «сложена», т. е. прощена. Но милости манифеста в практике военного ведомства отнюдь не распространялись на деньги, украденные непосредственно у полка¹². Логика здесь можно понять легко: деньги, выданные в полк, уже не являются собственно «государственными», они принадлежат военной части как некой корпорации. И император *не мог* росчерком пера лишать эту военную часть имущества и денег.

В 1793 г. был уличен в растрате церковных денег (на сумму 463 руб.) батальонный казначей поручик Егор Антонов¹³. На публичные торги было выставлено всё его имущество (перины с подушками, платье и сапоги, серебряные часы и лаковый сундук). Впрочем, всё это принесло только 91 руб.¹⁴ Виселица, которая полагалась поручику по силе воинских артикулов (арт. 186, 194) после подачи «мнений», как это было распространено в XVIII в., была заменена разжалованием в рядовые на полгода [Володина, 2023]. Однако по решению военного суда весь остаток суммы должен был возместить из своего кармана командир батальона секунд-майор Сибиряков.

Не менее яркий случай произошел в 1824 г., когда в Ставрополе сформировали сводный батальон из 8 рот разных полков и отправили его на Кавказскую линию. Командование батальоном вручили майору Звягольскому-Мельникову. Пока воинская часть двигалась на Кавказ, командир батальона развернул такую картежную игру, что офицеры проиграли в общей сложности 7,5 тыс. руб. Проиграли они все деньги – путевые, винно-порционные, артельные и собственно солдатские. Офицеры (13 чел.) были арестованы и отправлены под суд. Их имущество и недополученное жалование были конфискованы, однако это покрыло лишь малую долю растраченных денег. Впрочем, еще до окончания следствия генерал-адъютант барон Толь предложил главнокомандующему 1-й армией графу Остен-Сакену выход: взыскать недостающие деньги с полковых и дивизионных командиров «для скорейшего удовлетворения оными нижних чинов, ибо сии начальники при откомандировке рот от пол-

⁸ РГВИА. Ф. 8. Оп. 10. Д. 23. Л. 81–83.

⁹ Там же. Л. 84.

¹⁰ Там же. Л. 112.

¹¹ Там же. Л. 117.

¹² Там же. Л. 116 – 116 об.

¹³ Там же. Оп. 5. Д. 1878.

¹⁴ Там же. Л. 7 – 7 об.

ков должны были избрать благонадежных командиров»¹⁵. В деле сохранился рапорт на имя Остен-Сакена от одного из арестованных офицеров: он жаловался на условия содержания во время следствия. По его словам, все – от командира полка Жилинского до унтеров караульной команды – относились к нему издевательски и всячески притесняли. Ответ командования был пренебрежительно холоден: прихотей арестованного караул выполнять и не должен. Вероятно, командование вполне понимало и разделяло чувства солдат и полковника Жилинского. В глазах нижних чинов растрата их денег была самым большим преступлением командира. А Жилинский, наряду с другими полковниками, по приговору суда вынужден был погашать растрату подчиненного за счет своего жалованья. Состояния полковник не имел, и поэтому просил командование вычитать у него не половину, а только треть из получаемого жалованья.

Жернова военной юстиции молили медленно, но неуклонно. Даже по выходе в отставку можно было совершенно неожиданно оказаться должным казне. Так, в 1773 г. Нарвский карабинерный полк, который участвовал в военных действиях против Барской конфедерации, дислоцировался в Польше. Из сумм контрибуции полку выделили 1 000 золотых голландских червонцев, деньги были предназначены для ремонта лошадей. Деньги вез в Россию полковой корнет, но их у него похитил казак из конвоя князя Петра Михайловича Голицына, который отправился в Краков и лихо всё прогулял, прикинувшись шляхтичем. Корнета арестовали, казака схватили, но оба никак не могли компенсировать казенный убыток, с них взять было нечего¹⁶.

Главный вопрос «интересного дела» – кто будет возмещать убытки – оставался без ответа. Военные решили действовать прямолинейно, командуя русскими войсками в Польше генерал А. И. Романус предложил Военной коллегии взыскать деньги с магистрата Кракова, ибо горожане, судя по материалам следствия, прекрасно понимали, что деньги у них проматывает русский дезертир. Но здесь взволновались дипломаты. Русский посланник в Польше барон Штакельберг урезонивал генерала: «Краковский городской судья нервничает из-за угрозы секвестра. Надо успокоить жителей и не вершить такой суд, не требовать от города зачет за нашего дезертира»¹⁷. В итоге начет был наложен на командиров нарвских карабинеров полковника Карла фон Дикера и подполковника Степана Даниловича Жихарева. Тысячу червонцев посчитали по официальному курсу (2 руб. 70 коп.), и командиры должны были внести в казну каждый свою половину. Следствие указало, что прекрасно понимает мотивы перевозки наличности: командиры полка стремились обменять голландское золото на российские серебряные монеты не по официальному курсу, а по более выгодному, коммерческому, на территории Польши.

Пока суд да дело, Жихарев успел получить звание генерала, выйти в отставку и занять должность правителя Вятского наместничества. И вот там-то в 1780 г. его и настигло известие: из его жалованья половина будет вычитаться в пользу Кригс-комиссариата. Жихарев обратился к вице-президенту Военной коллегии Григорию Потемкину с жалобой, однако получил ответ, что «коллегия удовольствие ему о невзыскании с него денег сделать не может»¹⁸.

Правда, в таком подходе тоже скрывался подводный камень. Если у подсудимого не было имения, то военное правосудие было даже заинтересовано в продолжении его службы офицером, дабы было из чего производить вычеты. Так, в 1775 г. выяснилось, что командир батальона майор Брант растратил на собственные надобности более 1 300 руб. казенных денег: недостача выявилась как в вещах (галуны, пуговицы, кузнечный инструмент), так и в «жалованной сумме» (деньги для выплаты жалованья солдатам). Военная коллегия пребывала в затруднении: 47-летний лифляндец Андрей Брант в службе обрелся с 1751 г. и воевал

¹⁵ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1878. Л. 11–12.

¹⁶ Там же. Д. 108.

¹⁷ Там же. Л. 51.

¹⁸ Там же. Л. 78–80.

под Бухарестом в только что закончившейся войне, однако происходил он из обер-офицерских детей и был *беспоместным*. Если разжаловать майора в рядовые, то он никогда не погасит свой долг перед батальоном. Поэтому окончательный приговор звучал как прагматичный компромисс: возможную сумму взыскать с майора сразу, чина не лишать, лишь обойти один раз производством, а остаток долга погашать, вычитая две трети из его жалованья¹⁹.

Итак, получалось, что возмещение казенного ущерба в армии носило коллективно-корпоративный характер. Материальная ответственность распространялась не только на непосредственного виновника, но и на его командиров. Причем, отвечать приходилось в первую очередь движимым имуществом, затем – жалованьем и недвижимостью. Как можно было ускользнуть от этих санкций? Передача имени жене или фиктивная продажа не спасали. Не помогала и отставка. Не спасала даже смерть.

Так, в 1820 г. генерал-майор Костин угодил под суд. При сдаче Новгородского кирасирского полка новому командиру Васильчикову выявилась огромная недостача на сумму 62 тыс. руб. Сразу же было вынесено решение об аресте недвижимости генерала, но Костин попытался вывести имущество, заложив поместья своей жене и нескольким знакомым. Вскоре после этого Костин умер, а суд вынес решение – описать имения генерала, а доходы с них (более 1 000 руб. в год) направлять на погашение долга перед Новгородским полком. Вдове с малолетними детьми была оставлена половина доходов²⁰. Ни ее прошения на высочайшее имя, ни ходатайства держателей закладных, ни даже апелляции к коронационному манифесту от 22 августа 1826 г. не возымели результата. Военное ведомство усмотрело в закладных на десятки тысяч рублей, подписанных летом 1820 г., лишь попытку «спрятать имущество». А касательно всемиловейшего манифеста, который освобождал наследников умершего человека от уплаты его долгов казне, выдало вердикт: «Претензия сия принадлежит не прямо казне, а следует на пополнение неисправностей по Новгородскому кирасирскому полку... и ежели сложить оную, то помянутый полк придет в совершенное расстройство и упадок»²¹.

Увильнуть от секвестра или конфискации можно было людям иного социального статуса. В 1770 г. вскрылось дело о недостаче провианта в Санкт-Петербургском магазине на 12 тыс. руб.²² Следствие выяснило, что хищения проводились незатейливо и прямолинейно. При отпуске провианта, пока шли отгрузка и пересчет, жившие по соседству профосы просто оттаскивали толику кулей и мешков в кусты, а после всё это продавалось на сторону. Четыре года занимались этим унтеры и сержанты провиантского ведомства, которые служили при складе. За это время все они обзавелись домами, хотя жалованья получали по 40 руб. в год. Заведующий магазином капитан Игренов ничего не знал и не замечал, ему можно было вменить в вину лишь халатность и постоянное похмелье. Как только началось следствие, Военная коллегия обязала всех подпискою, «чтоб им движимого и недвижимого имения отнюдь не продавать и не закладывать»²³. Однако когда к провиантмейстерам пришли описывать имущество, то ничего не нашли. Лошади и коровы сведены со двора, сундуки пустые, в голых стенах торчали лишь гвозди, на которых ранее висели образа, картины и зеркала²⁴.

Воры были прогнаны сквозь строй и сосланы в каторжные работы в Финляндский гарнизон на три года. Капитан Игренов, «в уважение к его долговременной беспорочной службе и к участию в битве при Гросс-Егерсдорфе», от положенного наказания был освобожден; его разжаловали в рядовые и перевели в Выборгский гарнизон. А вот с возмещением было труднее. У непосредственных воров предписывалось продать «имение и дворы, какие най-

¹⁹ РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 201.

²⁰ Там же. Ф. 16231. Оп. 1. Д. 410.

²¹ Там же. Д. 538. Л. 257.

²² Там же. Ф. 8. Оп. 4. Д. 1543.

²³ Там же. Л. 8.

²⁴ Там же. Л. 7.

дуг»²⁵. Только вот найти удалось немного. Следующим шел капитан Игренов, у него с публичного торга продали имущества на 1 200 руб. В очередь на компенсацию вставили и тех, кто покупал краденый провиант (кого удалось выявить). Ну а далее включался принцип «командирской ответственности». Всю остальную часть похищенного суд приговорил взыскать с руководства Главной провиантской канцелярии: генерал-провиантмейстера Николая Алексеевича Хомутова, бригадира Буткевича («что ныне в отставке генерал-поручиком»), полковников Мошкова и Балабана²⁶.

Итак, мы можем выделить среди инструментов, препятствующих казнокрадству в армии, соединение нескольких принципов: 1) возмещение ущерба за счет личных средств непосредственного виновника; 2) при недостатке или отсутствии средств у непосредственного виновника взыскание ущерба возлагалось на его прямых командиров пропорционально их жалованью. Можно назвать это принципом восходящей командирской вертикали. Складывалась эта система нескольких десятилетий. При создании регулярной армии законодатель как будто на ощупь, путем проб и ошибок отыскивал приемлемые инструменты для борьбы с казнокрадством в армии. Так, уже в 1696 г. драгуны-новобранцы подписывали поручную запись, некий армейский аналог круговой поруки (ПСЗ-I, 1830, т. 3, с. 272, № 1564). Несколько десятков человек (прообраз подразделения) должны были подписывать документ, в котором обещали «великому государю службу служить верно и над казной его великого государя дурна и хитрости никакой не учинить, лошадей и ружья и строевого платья не продавать и не терять» [Востоков, с. 18]. На обороте этого документа стояли имена поручителей и объяснение их ответственности за ручаемых. Коренное отличие от принципа командирской вертикали состояло в том, что ответственность возлагалась на отцов, дядьев и братьев рекрутов [Столетие военного министерства, 1902, с. 45]. Долго такой подход продержаться не мог в силу своей низкой эффективности и функциональности.

Однако и идея о материальной ответственности командиров тоже пробивала себе путь медленно, сначала в виде отдельных прецедентов. Яркое впечатление на армию должно было произвести решение военного суда по делу генерала Репнина за проигранное Головинское сражение (1708 г.). Репнин был разжалован в рядовые, а брошенные на поле боя пушки и обозы он должен был возместить за свой счет. Сумма была столь велика, что почти равнялась всему его состоянию (Донесения..., 1886, с. 40).

В резолютивной части военно-судебных дел всегда встречаются отсылки к нормативной базе. Так, например, при ущербе казенному интересу в сентенции всегда упоминаются статьи Военного устава (191, 192, 194) и Морского устава (п. 130), а они однозначно грозили преступнику виселицей. Впрочем, смертная казнь по «интересным делам» никогда не применялась. Прагматические соображения брали верх: какой толк был повесить каптенармуса, продавшего налево замшевые штаны и мундирные пуговицы, или майора, «употребившего на собственные надобности солдатское жалованье»?²⁷

Уже в 1718 г. мы видим попытку решить вопрос погашения ущерба более эффективно; за казенные недоимки и штрафные деньги предписывалось посылать виновных на галеры и «за ту работу зачитать им тех долговых денег на месяц по рублю на человека» (ПСЗ-I, 1830, т. 5, с. 530, № 3140). На первый взгляд получалось эффективно. Капрал Преображенского полка «за снос государственных денег» получал 3 года каторги, а подполковник «за похищение Его Царского Величества казны» отправлялся на галеры «до указу» [Розенгейм, 1878, с. 363–364]. Однако здесь возникали другие проблемы. Если отправлять в Рогервик любого солдата, который пропил мундир и амуницию в кабаке, то возникала угроза треть армии «переквалифицировать» в каторжан. А офицер, присвоивший пару тысяч рублей, исходя из каторжных расценок (12 руб. в год), и до второго пришествия не возместил бы ущерб, нанесенный «казенному интересу».

²⁵ РГВИА. Ф. 8. Оп. 4. Д. 1543. Л. 89.

²⁶ Там же. Л. 92 об.

²⁷ Там же. Оп. 5. Д. 201, 478, 482.

На наш взгляд, основной корпус норм по регулированию «интересных дел» формировался на основе прагматизма и функциональной эффективности. Задача заключалась не столько в устрашении, сколько в создании системы по учету, контролю и возмещению ущерба. Процесс этот занял несколько десятилетий. В судебных делах подобного рода всегда упоминаются Рентмейстерская инструкция (1719 г.), Адмиралтейский регламент (1722 г.), Наказ воеводам, губернаторам и их товарищам (1728 г.) и «Провиантские регулы» (1758 г.).

Рентмейстеры при Петре являлись казначеями, приставленными к хранению наличных денег в губерниях. Они принимали налоги и сборы, выдавали наличность по ассигнациям или прямым распоряжениям воевод и губернаторов. Это касалось гражданского управления, однако в военно-судебных делах использовалась норма, сформулированная в этой инструкции: если рентмейстер «принятые деньги на свои или прочих людей потребности употребил, то надлежит ему издержанное вдвое возратить, и при том фискальское взыскание на него учинено будет» (ПСЗ-I, 1830, т. 5, с. 662, № 3304). Последнее предполагало надзор фискалов при проведении описи и оценки движимого и недвижимого имущества, поступавшего в казну (ПСЗ-I, 1830, т. 4, с. 855, № 2564). Принцип двукратного возмещения ущерба присутствовал в законодательстве и позже – в Наказе воеводам и губернаторам и в Провиантских регулах (ПСЗ-I, 1830, т. 8, с. 94–112, № 5333; Провиантские регулы..., 1792, с. 17). Впрочем, на практике в судебных делах окончательный приговор крайне редко содержал требование двойного возмещения. Прагматики-судьи, очевидно, понимали, что вернуть ворованное в одинарном размере уже будет неплохо.

В Адмиралтейском регламенте подробно прописывались принципы ведения учета денег и материалов: шнуровые книги, запись прихода и расхода, замки и ключи, подписи и печати, ассигнации и квитанции и т. д. и т. п. Там мы находим и норму продажи движимого имущества с публичного торга для возмещения ущерба, при этом вырученные деньги должны были поступать не просто в казну, а именно на счет Адмиралтейства (Гл. I, п. 53) (Регламент благочестивейшего государя..., 1764, с. 17). В «Провиантских регулах» уже четко фиксируется: если у казначея выявится недочет или убыток, и сам он возместить этот ущерб не сможет, то взыскание обращается на его командиров (Провиантские регулы..., 1792, с. 15, 31).

Следует подчеркнуть, что сложившаяся система предполагала некую градацию в уровнях казнокрадства и возмещения ущерба. Чем больше был чин у военного, тем большие возможности оказывались в его распоряжении, чтобы употребить армейские деньги на свои надобности. Однако тем большим он обладал потенциалом, на который могло быть обращено взыскание. Для того чтобы ускользнуть из-под взыскания, нужно было стать своего рода «маргиналом»: расстаться с офицерской службой, не получать военного пенсионера, не служить на штатской должности, не иметь дома, а в доме не иметь приличной обстановки и, наконец, не иметь поместья.

Принцип командирской вертикали при возмещении ущерба способствовал формированию корпоративной солидарности в отношении армейской казны. Можно встретить множество свидетельств снисходительно-терпимого и даже покровительственного отношения военных к отъему имущества у штатских, однако внутри армии постепенно возникал свой специфический взгляд. Капитан, употребивший ротные деньги на собственные нужды, вызывал гнев не только нижних чинов, но и своего командира-полковника, который понимал, что ему придется платить из своего кармана. Усилению этого корпоративного чувства способствовал и принцип возвращения похищенного «по принадлежности». Деньги, взятые у конкретного полка, должны были возвращаться не куда-то в Военную коллегию, а непосредственно в казну этого полка. Право высочайшего помилования распространялось на имперскую казну, но не на казну конкретной воинской части. Учитывая огромность военного бюджета, который циркулировал в виде наличных денег и материальных ресурсов, такие инструменты и практики не могли не появиться в нормативно-правовой базе и играли важную роль в жизни армии.

Список литературы

- Андриайнен С. В.** Смена командира части в системе военного хозяйства русской армии в первой половине XIX века // Научный диалог. 2017. № 4. С. 134–144.
- Виницкий И. Ю.** Граф Сардинский: Дмитрий Хвостов и русская культура. М.: НЛЮ, 2017. 349 с.
- Володина Т. А.** Спасительная сила «мнений»: О практике военных судов в XVIII – начале XIX в. // Новый исторический вестник. 2023. № 3 (77). С. 6–25.
- Востоков А. А.** О делах генерального двора. [Б. м., б. г.] 41 с.
- Мацумура Т.** Экономические связи между офицерами и нижними чинами во 2-й армии в эпоху декабристов // Историческая память России и декабристы. 1825–2015: Сб. материалов Междунар. науч. конф. СПб.; Иркутск, 2019. С. 268–277.
- Милоков П. Н.** Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 892 с.
- Миронов Б. Н.** Жалование офицеров русской армии в XVIII – начале XX века // Военно-исторический журнал. 2016. № 2. С. 45–53.
- Печерин Я. И.** Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 год включительно. СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1896. 220 с.
- Розенгейм М. П.** Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб.: Тип. М. Этингера, 1878. 377 с.
- Столетие военного министерства. СПб.: Тип. М. О. Вольф, 1902. Ч. 1, кн. 1, отд. 1: Главный штаб. Комплектование вооруженных сил в России до 1802 г. 496 с.

Список источников

- Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта // Сборник РИО. 1886. Т. 50. С. 1–347.
- Провиантские регулы: Сочиненные для учрежденной при Обсервационном корпусе комиссии генерала-провиантмейстера генваря дня 1758 года. СПб.: Печ. при Гос. воен. коллегии, 1792. 210 с.
- ПСЗ-I – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отд-ния СЕИВК, 1830. Т. 3. 694 с.; Т. 4. 892 с.; Т. 5. 784 с.; Т. 8. 1020 с.; Т. 26. 888 с.
- Регламент благочестивейшего государя Петра Великого о управлении Адмиралтейства. СПб.: Тип. Морского шляхетного кадетского Корпуса, 1764. 215 с.

References

- Andriainen S. V.** Smena komandira chasti v sisteme voennogo khozyaistva russkoi armii v pervoi polovine XIX veka [Command Change in System Military Economy of the Russian Army in the 1st Half of the 19th Century]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2017, no. 4, pp. 134–144. (in Russ.)
- Matsumura T.** Ekonomicheskie svyazi mezhdru ofitserami i nizhnimi chinami vo 2-i armii v epokhu dekabristov [Economic Relations between Officers and Lower Ranks in the 2nd Army in the Era of the Decembrists]. In: *Istoricheskaya pamyat' Rossii i dekabristy. 1825–2015. Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Russian Historical Memory and the Decembrists. 1825–2015. Collection of Materials of the International Scientific Conference]. St. Petersburg, Irkutsk, 2019, pp. 268–277. (in Russ.)
- Milyukov P. N.** Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo [The State Economy of Russia in the 1st Quarter of the 18th Century and the Reform of Peter the Great]. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1905, 892 p. (in Russ.)
- Mironov B. N.** Zhalovan'e ofitserov russkoi armii v XVIII – nachale XX veka [Salaries of Officers of the Russian Army in the 18th – Early 20th Century]. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military Historical Journal], 2016, no. 2, pp. 45–53. (in Russ.)

- Pecherin Ya. I.** Istoricheskiy obzor rospisei gosudarstvennykh dokhodov i raskhodov s 1803 po 1843 god vklyuchitel'no [A Historical Review of State Revenues and Expenditures from 1803 to 1843]. St. Petersburg, Tipografiya Yu. N. Erlikha, 1896, 220 p. (in Russ.)
- Rozengeim M. P.** Ocherk istorii voenno-sudnykh uchrezhdenii v Rossii do konchiny Petra Velikogo [An Essay on the History of Military Judicial Institutions in Russia before the Death of Peter the Great]. St. Petersburg, Tipografiya M. Ettingera, 1878, 377 p. (in Russ.)
- Stoletie voennogo ministerstva [The Centenary of the Ministry of War]. St. Petersburg, Tipografiya M. O. Volf, 1902, pt. 1, book 1, dep. 1: Glavnyi shtab. Komplektovanie vooruzhennykh sil v Rossii do 1802 g. [The Main Headquarters. Recruitment of the Armed Forces in Russia before 1802], 496 p. (in Russ.)
- Vinitsky I. Yu.** Graf Sardinskii: Dmitrii Khvostov i russkaya kul'tura [Count of Sardinia: Dmitry Khvostov and Russian Culture]. Moscow, NLO Publ., 2017, 349 p. (in Russ.)
- Volodina T. A.** Spasitel'naya sila "mnenii": O praktike voennykh sudov v XVIII – nachale XIX v. [The Saving Power of "Opinions": On the Practice of Military Courts in the Russian Army (18th – Early 19th Century)]. *Novyi istoricheskiy vestnik* [The New Historical Bulletin], 2023, no. 3 (77), pp. 6–25. (in Russ.)
- Vostokov A. A.** O delakh general'nogo dvora [About the Affairs of the General Court]. No place, no date, 41 p. (in Russ.)

List of Sources

- Doneseniya i drugie bumagi chrezvychainogo poslannika angliiskogo pri russkom dvore Charl'za Vitvorta [Dispatches and Other Papers of the English Extraordinary Envoy of the Russian Court Charles Whitworth]. *Sbornik RIO* [Collection of the Russian Historical Society], 1886, vol. 50, pp. 1–347. (in Russ.)
- Proviantskie reguli: Sochinennye dlya uchrezhdennoi pri Observatsionnom korpuse komissii generala-proviantmeistera genvarya dnya 1758 goda [Provisions Regulations: Composed for the Commission of the Proviantmaster General Established at the Observatory Corps in January 1758]. St. Petersburg, Pechatano pri Gosudarstvennoi voennoi kollegii, 1792, 210 p. (in Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830, vol. 3, 694 p.; vol. 4, 892 p.; vol. 5, 784 p.; vol. 8, 1020 p.; vol. 26, 888 p. (in Russ.)
- Reglament blagochestiveishego gosudarya Petra Velikogo o upravlenii Admiralteistva [Regulations of the Most Pious Emperor Peter the Great on the Management of the Admiralty]. St. Petersburg, Tipografiya Morskogo shlyakhetskogo kadetskogo korpusa, 1764, 215 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Андреевна Володина, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 57219194896
WoS Researcher ID AAV-1582-2020

Information about the Author

Tatiana A. Volodina, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 57219194896
WoS Researcher ID AAV-1582-2020

Статья поступила в редакцию 10.04.2024;
одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 28.04.2024
The article was submitted on 10.04.2024;
approved after reviewing on 19.04.2024; accepted for publication on 28.04.2024

Научная статья

УДК 94(47).073

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-33-45

М. М. Сперанский и проблема Комитета министров в первой трети XIX века

Татьяна Васильевна Андреева

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

ta-a.andreeva2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6941-1639>

Аннотация

Статья посвящена изучению позиции М. М. Сперанского в отношении институционального статуса Комитета министров, его места и значения во властной структуре Российской империи в первой трети XIX в. Показано, что взгляды реформатора, обусловленные стратегической целью и конкретными задачами преобразовательной программы, а также внутри- и внешнеполитической ситуацией, эволюционировали от признания определенной роли Комитета министров в государственном управлении через идею упразднения в царствование Александра I как органа, не имевшего законодательно закрепленных функций и дублирующего законосовещательные полномочия Государственного совета, исполнительные и судебные прерогативы Сената до положения о его преобразовании и соединении с предполагаемым Правительствующим Сенатом в правление Николая I.

Ключевые слова

Россия, первая треть XIX в., М. М. Сперанский, Комитет министров, проекты реформы государственного управления, преемственность в правительственной преобразовательной политике

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 23-28-00769 «Документальная память российской государственности: кейс Сперанского. Новые подходы к изучению рукописного наследия»

Для цитирования

Андреева Т. В. М. М. Сперанский и проблема Комитета министров в первой трети XIX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 33–45. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-33-45

M. M. Speransky and the Problem of the Committee of Ministers in the 1st Third of the 19th Century

Tatyana V. Andreeva

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

ta-a.andreeva2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6941-1639>

Abstract

M. M. Speransky's reform projects and notes are integral to understanding the historical development of the Russian state in the early 19th century. They provide valuable insight into the functioning of the Russian Empire's institutions and its modernization. These documents cover the whole range of socio-political, economic and institutional problems, strategic goals, tactical guidelines, the most important directions, successive and distinctive features of the transformative policy of the two reigns – Alexander I and Nicholas I, as well as give an idea of the specifics of reform activities of the managerial elite of this time. “A truly statesman”, Speransky was highly esteemed as a statesman by his peers due to his merging of theoretical expertise and practical administrative skills. This article delves into

© Андреева Т. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 33–45
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 33–45

Speransky's perspectives on the institutional status of the Committee of Ministers within the power structure of the Russian Empire in the first third of the 19th century. It illustrates that his viewpoint on the Committee's role changed based on the reform program's objectives, domestic and foreign political contexts, and strategic goals. Initially, Speransky acknowledged the Committee's role in state administration, but later during the reign on Alexander I contemplated its abolition due to overlapping functions with the State Council and the Senate. Ultimately, he proposed its transformation and integration with the Committee of Ministers.

Keywords

Russia, 1st third of the 19th century, M. M. Speransky, Committee of Ministers, projects of reform of state administration, continuity in the governmental transformative policy

Acknowledgements

The research was carried out within the framework of the RSF grant no. 23-28-00769 "Documentary Memory of Russian Statehood: the Speransky Case. New Approaches to the Study of Handwritten Heritage"

For citation

Andreeva T. V. M. M. Speransky and the Problem of the Committee of Ministers in the 1st Third of the 19th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 33–45. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-33-45

Неопределенность положения Комитета министров в государственной системе Российской империи определяла проблему его институционального статуса и правительственных полномочий в продолжение всей первой трети XIX столетия. Во многом это было связано с реформаторскими установками, оформившимися на заседаниях Негласного комитета еще на стадии разработки министерской реформы в ноябре 1801 – апреле 1802 г. Именно тогда был поставлен вопрос о необходимости межведомственной координации, в силу этого о введении в состав Непременного (Государственного) совета глав проектируемых министерств и процедуре разрешения дел управления, превышающих или выходящих за пределы их полномочий. Членами комитета было высказано единое мнение, что «обыкновенные дела» будут рассматриваться коллективным обсуждением министрами, а вопросы первостепенной важности – в Непременном совете на специально созываемых совещаниях. Собственно, название «Комитет министров» не звучало, поскольку речь не шла о создании нового государственного института в лице органа, имеющего функции объединенного правительства и координирующего деятельность руководителей центральных ведомств, а имелись в виду изменения в составе и принципах деятельности Непременного совета. По сути, формировалась его новая организация, имевшая два состава: один расширенный, состоявший из советников-министров и остальных советников, другой узкий, чисто министерский [Приходько, 2013, с. 119–121].

Результатом деятельности Негласного комитета стал манифест 8 сентября 1802 г. «Об учреждении министерств», окончательно закрепивший в государственной жизни страны принцип отраслевого управления. Было образовано 8 министерств, учреждались должности министров, которые имели право личного доклада императору, но прежде с ним должны были ознакомиться все министры. Согласно манифесту они одновременно являлись членами Непременного совета, могли вносить в него различные дела своего ведомства. Процедура их рассмотрения зависела от статуса дел: «Дела обыкновенные трактуются в Комитете, составленном единственно из них; другие же, особенную важность в себе содержащие, рассматриваются с прочими членами Совета» (ПСЗ-I, 1830, т. 27, № 20406, с. 248).

Так был создан «Комитет господ министров», как его назвал П. А. Валуев, учреждение которого в манифесте не получило законодательного и организационного закрепления, а полномочия не были четко определены. И хотя позже различными постановлениями Комитет приобрел черты высшего административного органа Российской империи, но всё же не стал настоящим правительством России. Обеспечение единства государственной политики оставалось прерогативой верховной власти, которая всегда опасалась появления какого-либо высшего учреждения, обладавшего независимой политической инициативой. Кроме этого, важно было сохранить систему сдержек и противовесов, основными элементами которой являлись Комитет министров и Государственный совет. Именно поэтому всю первую половину XIX в. сохранялась неопределенность в разграничении их компетенций. При этом

в Комитете вопреки манифесту обсуждались не только «дела обыкновенные», но вопросы законодательства, а также насущные государственные дела (рассмотрение смет доходов и расходов, бюджета страны, утверждение штатов министерств и т. д.). И всё же тенденция к дифференциации функций высших учреждений империи определила в большей степени административную специализацию Комитета министров, тогда как собственно Государственный совет сохранял свои доминирующие законосовещательные полномочия [Управленческая элита..., 2008, с. 570–588; Зуев, 2008, с. 143; Ружицкая, 2018, с. 73].

Что касается Комитета министров, то в дореволюционной и советской историографии он определялся не только административным, но и законосовещательным органом, хотя в николаевское царствование «делами законодательного характера» занимался гораздо меньше [Середонин, 1902, т. 1, с. 63–64; т. 2, с. 24–69; Зайончковский, 1978, с. 134–136]. Подобную точку зрения разделял и А. В. Ремнев, который видел в Комитете «самодержавное правительство», представлявшее собой полужаконодательное полуправительственное учреждение [Ремнев, 2010, с. 241; Ружицкая, 2018, с. 58]. В современных исследованиях по истории становления министерской системы в эпоху Александра I и в начале царствования Николая I, а также специально посвященных Комитету министров и Государственному совету в первой половине XIX в., особое внимание уделяется анализу их взаимоотношений. По мнению Л. Ф. Писарьковой, создание Комитета и его вторжение в законосовещательную сферу не могло не сказаться на положении Совета, важнейшей составляющей деятельности которого стали дела судебные, главным образом тяжёлые. В целом же «реформы 1801–1802 гг. не решили важнейшей задачи – они не создали систему управления, построенную на принципе разделения властей» [Писарькова, 2019, с. 19–21]. С точки зрения Н. И. Зуева, хотя Комитет министров рассматривал «дела законодательного свойства», но это было исключением, притом что обсуждались не фундаментальные («коренные») законодательные акты, регулирующие или изменяющие общественные отношения, а частные законы. Причем в николаевское время вопросы, связанные с законодательством, передавались чаще всего в Государственный совет [Зуев, 2008, с. 140–143]. И. В. Ружицкая подчеркивает, что на протяжении первой половины XIX в. взаимоотношения Комитета министров и Государственного совета «не оставались неизменными». При этом отсутствие четкого разграничения их законосовещательных компетенций обусловило «миф о всеилии Комитета министров в *законотворческой сфере*», тогда как в царствование Николая I значение министерского комитета «неуклонно снижалось» [Ружицкая, 2018, с. 73–89]. Главным же посылом всех трех авторов является мысль, что в первой половине XIX столетия не существовало строгого и четкого разграничения функций и полномочий высших государственных учреждений. В силу этого в деятельности Государственного совета, Комитета министров и Сената смешивались законосовещательная, административная и судебная функции.

Именно на этот аспект функционирования государственного управления в России обращал внимание М. М. Сперанский в ряде проектов, носящих обобщающий, теоретико-концептуальный характер. Одной из наиболее важных для реформатора являлась проблема Комитета министров, его места во властной структуре России, постоянных и временных полномочий, взаимоотношений с Государственным советом и Сенатом. Однако в историографической традиции изучения документального наследия Сперанского, посвященного российской государственности, нет специальных работ о его взглядах на Комитет министров. Данная статья имеет целью заполнить эту лакуну.

В современных работах ведущих специалистов по истории реформ в России реформаторская деятельность Сперанского, с одной стороны, рассматривается в общем контексте особенностей российского реформаторского процесса, а с другой – делается акцент на отношении к ней современников и потомков. С. В. Мироненко в обобщающей статье, посвященной выявлению общих и особенных черт в деятельности трех российских реформаторов – Петра Великого, Сперанского и П. А. Столыпина, – к общим чертам относит «модернизационный характер» их преобразовательных инициатив, а также отсутствие или очевидную недоста-

точность «общественной среды, способной быть опорой реализовывавшихся или намечавшихся реформ». Особенным, как справедливо считает историк, был сам контекст эпох, «степень зрелости социальной опоры реформ», «готовность всего общества к модернизационным трансформациям». Согласно «Плану всеобщего Государственного образования», над которым Александр I и Сперанский работали в 1808–1809 гг., Россия должна была превратиться в конституционно-представительную монархию. Однако проект не был реализован. Причины неудачи исследователь видит прежде всего в том, что у реформаторов не было единомышленников и союзников ни в правительственной, ни в общественной среде. «У реформ, необходимость которых осознавалась властью и радикальной частью общества (декабристы), не было широкой социальной базы», – подчеркивает С. В. Мироненко. И здесь важным представляется наблюдение исследователя, что реформы в России часто обуславливались «не уровнем социально-экономического развития, а политическими соображениями», передовые идеи, пришедшие в Россию с Запада, не находили «экономической и социальной готовности страны к реформам» [Мироненко, 2022, с. 59–70].

В статье Л. Ф. Писарьковой, в которой реформаторская программа Сперанского анализируется в сравнительной перспективе с программой коррекции реформ, проведенных в царствование Александра II, также ставится вопрос о социальной основе реформаторства и об изменении общественно-политического климата в пореформенной России по сравнению с эпохой Александра I. Одним из основных авторов так называемых «контрреформ» конца 1880-х – начала 1890-х гг. являлся А. Д. Пазухин, ставший «антигероем» публицистики либерального направления этого времени. Предложенные им «исправительные» преобразования, корректирующие и устраняющие просчеты «смелых реформаторов», были негативно восприняты, как либеральным большинством правящей элиты, так и общественным мнением. Между тем и в начале XIX в. государственные преобразования, проведенные по проектам Сперанского – указы от 3 апреля 1809 г. «о придворных чинах» и от 6 августа 1809 г. «об экзаменах на чин», реформы центрального управления и финансов 1810–1811 гг., вызвали общее недовольство, как в высшем обществе, так и чиновном мире. Как подчеркивает исследовательница, только годы спустя оценка преобразовательной деятельности Сперанского стала меняться. Причем именно в период подготовки и проведения реформ 1860-х – 1870-х гг. произошла актуализация проблемы «Сперанский и его роль в истории российского реформаторского процесса». Этому весьма способствовало издание в 1861 г. книги М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского», вызвавшей общественную дискуссию. Авторы рецензий и откликов на издание отмечали как сильные (прежде всего высочайший интеллектуальный потенциал), так и слабые стороны Сперанского, важнейшими из которых определяли его утопичность и недостаточную компетентность в делах управления. И хотя представители разных политических течений, такие как М. Н. Катков и Н. Г. Чернышевский, «сходились в оценке проектов Сперанского, считая их преждевременными и даже вредными», по мнению Л. Ф. Писарьковой, новые поколения реформаторов с большим вниманием относились к его проективному творчеству, а идеи, которые казались утопичными, в начале XX в. стали воплощаться в условиях другой эпохи. Таким образом, несмотря на негативное отношение современников, Сперанский получил «высокую оценку последующих поколений» и «вошел в историю как великий реформатор», подытоживает свое исследование Л. Ф. Писарькова [2020, с. 160–187].

К подобному выводу приходит и И. В. Ружицкая в статье «“Великий реформатор” или “гениальный бюрократ”»: М. М. Сперанский в общественном мнении начала 1860-х гг.». По мнению исследовательницы, именно период подготовки программы реформ 1860–1870-х гг. характеризуется повышенным интересом к деятельности и реформаторскому наследию Сперанского. При этом формирование представлений общественных и государственных деятелей о его роли и значении в истории российских реформ во многом происходило под влиянием двухтомного сочинения М. А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» (СПб., 1861). Выход в свет биографии реформатора в то время, когда «процесс реформирования им-

перии набирал обороты», стал важным событием в общественно-политической жизни страны и вызвал дискуссию о том, «нужны или России перемены того или иного масштаба». Это было обусловлено тем, что, хотя Корф принадлежал к либеральной, «просвещенной» бюрократии, возникновение которой произошло благодаря усилиям Сперанского, их преобразовательные взгляды не всегда совпадали. Корф, будучи продолжателем кодификационных начинаний реформатора, критиковал его некоторые проекты «как кабинетные, оторванные от жизни или несвоевременные». И всё же, как справедливо указывает И. В. Ружицкая со ссылкой на «Исторический очерк конституционных начинаний в России», подготовленный Корфом для Александра II в 1863 г., Сперанский был «смел до дерзости» в замыслах реформ и гораздо более осмотрителен в их исполнении. Именно поэтому реформатор сам отказался «от полномасштабной реализации своих замыслов» [Ружицкая, 2022, с. 38–45].

Надо думать, это относится и к проблеме Комитета министров. Следует подчеркнуть, что в первые годы своего существования, благодаря регулярному участию и даже председательствованию в нем Александра I (в 1803 г. император участвовал в 43 его заседаниях), Комитет отличался активизацией деятельности и приобрел черты «государственного установления». Поэтому не удивительно, что к этому времени относится первая записка Сперанского, в которой затрагивалась проблема Комитета министров. «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», созданная по повелению императора в 1803 г., была посвящена концептуально-теоретической разработке программы реформ государственного управления в России. По сути данная записка отражает главные принципы правительственной преобразовательной политики в административной сфере всей первой трети XIX в., поскольку в 1826 г. она была вновь востребована, отшлифована Сперанским и легла в основу деятельности Комитета 6 декабря 1826 г.¹ В ее основании лежали концептуальные положения реформатора, не изменившиеся в процессе его проективного творчества в продолжение двух царствований, – «единство управления», «централизация управления», «связь закона с управлением». Взаимосвязь законодательных мероприятий и институциональных преобразований с важнейшим принципом реформаторской политики определяла четкое разграничение законосовещательной, исполнительной и судебной сфер. Однако административная практика вносила свои коррективы. В центральной части записки, обращаясь к анализу «настоящего управления в России», Сперанский подчеркивал, что «первые государственные места» – Государственный совет, Сенат и Комитет министров – «собственной политической силы не имеют», «законодательным телом признаны быть не могут» и являются только «средствами» реализации верховной власти «государя самодержавного». Предметы и «правила действия» во всех трех институциях одинаковы, поскольку они сочетают законосовещательные, исполнительные и судебные полномочия, притом что их взаимоотношения и связи четко не определены. Всё это создает «великие неудобства». В данном контексте реформатор ставил вопрос о необходимости разделения «двух главных родов» управления – «части законодательной» и «власти исполнительной»: «Государственным установлениям, без связи и порядка ныне существующим, дабы дать некоторое между собою отношение, должно разделить предметы их на два главных рода: к одному отнести всё то, что касается до части законодательной, к другому – всё, что принадлежит к власти исполнительной»².

Таким образом, на первом этапе истории Комитета министров (1802–1805 гг.) вслед за Александром I, который в это время рассматривал данное учреждение как орган, который мог бы разрешать административные проблемы быстро и оперативно, и в силу этого лично

¹ Об этом свидетельствуют карандашные пояснения на первом листе документа личного секретаря Сперанского – К. Г. Репинского: «Это первая работа, государем М. М-чу порученная в 1803 году... М. М. Сперанский пересмотрел всё это в 1826 году. NB. Зачерки карандашные все им тогда сделаны... Не делали ли тогда каких-нибудь выписок отсюда для Комитета 6 Дек[абря] 1826, в котором тогда шло дело о государственных учреждениях» (ОР РНБ, Ф. 731. Д. 52. Л. 1).

² ОР РНБ. Ф. 731. Д. 52. Л. 125 – 125 об.

руководил комитетской работой, Сперанский видел в нем составную часть механизма управления страной, которая требовала усовершенствования.

Второй этап деятельности Комитета министров (1805–1808 гг.) характеризуется, с одной стороны, определением в общих чертах предметов и принципов его деятельности, с другой – ослаблением активности, уменьшением количества заседаний, а главное – отсутствием на них Александра I (в 1805 г. император присутствовал только на 4 из 16 заседаний, поскольку был за границей, но и по возвращении в Петербург в 1807 г. их редко посещал). В особых «Правилах» от 4 сентября 1805 г. важнейшим принципом деятельности Комитета определялась установка, что министры имели право вносить в него только те дела, которые они затруднялись решать единолично или которые требовали их согласованной позиции для внесения в Государственный совет, а также представлять свои всеподданнейшие доклады на общее обсуждение (ПСЗ-I, 1830, т. 28, № 21896, с. 1204–1205).

Перед отъездом Александра I и М. М. Сперанского на Эрфуртский конгресс, который проходил 27 сентября – 15 октября 1808 г., по повелению императора был создан нормативный акт, который регламентировал деятельность Комитета министров на период отсутствия главы государства в России. Разработанная Сперанским 31 августа 1808 г. особая «Инструкция Комитету Министров» существенно расширяла его полномочия. В условиях необходимости сохранения государственной безопасности и социально-политической стабильности в стране, а также важности бесперебойного функционирования бюрократической машины Комитету министров передавались дела высшей полиции, которой «цель есть сохранение всеобщего спокойствия и тишины граждан». В этой связи Комитету были даны новые «Правила» деятельности: в обычном режиме он должен был собираться два раза в неделю; место председательствующего занимал поочередно каждый член Комитета в течение четырех заседаний; для обыкновенных собраний министры накануне обязаны были прислать председательствующему записки о делах, которые предлагались для обсуждения; по вопросам, требующим немедленного рассмотрения, следовало созывать чрезвычайные собрания; принятые на заседаниях решения должны были вноситься в журналы, которые составлялись управляющим делами Комитета. По делам же, относящимся к высшей полиции, Комитет, «имея попечение о сохранении общественного спокойствия», через министра внутренних дел получал сведения: о «подозрительных людях», особенно приезжающих в столицу из-за границы; о собраниях и обществах, «могущих подавать на себя подозрение»; о разглашаемых слухах и известиях, «опасение и тревогу наводящих»; о подозрительной переписке. Исходя из полученной информации, если Комитет усматривал, что «спокойствие общественное» может быть нарушено, то обязан был принять «благоразумные меры к восстановлению безопасности». При этом применительно к делам, решение по которым зависело от высочайшего утверждения, но которые «не терпят ни малейшего отлагательства», было сказано: «Государь император дает право Комитету Министров под собственною ответственностию всех, дать разрешение министру и уполномочить его к исполнению необходимых мер». На подлинном документе есть собственноручная императорская резолюция: «Быть по сему. Александр. СПбург. Августа 31 1808» (ПСЗ-I, 1830, т. 30, № 23262, с. 568–570)³.

После возвращения Александра I и сопровождавшего его М. М. Сперанского из Эрфурта в данной «Инструкции» были произведены изменения, прежде всего связанные с делами по высшей полиции. Они были изъяты из ведения Комитета министров, на заседаниях которого император более не председательствовал. В новом нормативном документе «Изменения Инструкции Комитету Министров от 31 августа 1808 г.», разработанном Сперанским 11 ноября 1808 г., подчеркивалось, что поскольку статьи «Инструкции», посвященные государственной безопасности и дающие право Комитету министров разрешать дела, требующие срочных мер, относились только ко времени отсутствия императора в России, то теперь они «не принадлежат уже к предметам его», поскольку каждый министр может «немедленно

³ ОР РНБ. Ф. 731. Д. 88. Л. 1 – 19 об.

докладывать Его Императорскому Величеству», и следует ожидать «высочайшего утверждения». Помимо этого, изменялись «Правила» его деятельности: Комитет должен был собираться один раз в неделю; в случае необходимости чрезвычайного собрания председательствующий министр должен был доложить императору для получения высочайшего повеления (ПСЗ-I, 1830, т. 30, № 23352, с. 679–680) ⁴.

Однако почти месячное отсутствие императора (русская делегация, в которую также входил великий князь Константин Павлович, прибыла в Эрфурт 25 сентября, а вернулась 20 октября 1808 г.) продемонстрировало необходимость создания нового нормативного документа, определявшего предметы и правила деятельности Комитета министров в экстремальных условиях, связанных с бунтами, неповиновениями властям, продовольственным или эпидемическим кризисом. К ноябрю 1808 г. относится «Наказ Комитету Министров на время продолжительного отсутствия Его Императорского Величества». В «чрезвычайных обстоятельствах» Комитету министров вверялась власть, превышающая prerogatives каждого министра, и позволялось действовать «под соединенною их ответственностию чрез Правительствующий Сенат». Данными обстоятельствами определялись: 1) государственная безопасность (опасность вторжения в Россию, возмущения при отправлении рекрутской повинности и сборе податей, крестьянские бунты, эпидемия); 2) народное продовольствие (неурожай, дороговизна предметов первой необходимости). В случае одного из указанных обстоятельств все министры, каждый в своем ведомстве, обязаны были собрать точную информацию и передать ее Комитету, который после обсуждения на чрезвычайном заседании, обязан был принять «все чрезвычайные меры к охранению внутренней безопасности», в том числе использовать военные силы и производить нужные финансовые мероприятия. В конце документа подчеркивалось: «Действие сих положений продолжается до самого возврата Е[го] И[мператорского] В[еличества] в столицу; тогда сами собою они пресекаются, и Комитет возвращается в порядок, уставом его постановленный» ⁵. Как видно, расширение полномочий Комитета министров в 1808 г. носило временный и чрезвычайный характер, а не было последовательной политической линией, направленной на усиление его позиций в системе государственного управления.

Более того, «План всеобщего Государственного образования», над которым Александр I и М. М. Сперанский работали после возвращения из Эрфурта в 1808–1809 гг. и который имел характер поисков общего направления преобразовательной политики [Андреева, 2001, с. 59–70], вообще не предусматривал сохранение Комитета министров как государственного института. В «Плане» речь идет о Государственном совете, Государственной думе, Сенате и министерствах. Причем реформированный Совет определялся высшим органом межведомственной координации («местом средоточия, чрез которое власть державная действует на другие установления»), объединяющим центром, в котором «все действия части законодательной, судной и исполнительной в главных их отношениях соединяются и чрез него восходят к державной власти и из нее изливаются» (Сперанский, 1961, с. 216, 233).

Между тем открытый в намеченный срок 1 января 1810 г. Государственный совет, заменивший собой Непременный, остался только высшим законосовещательным учреждением Российской империи. Вопреки «Плану» Совет не стал «особым органом, венчавшим новую систему государственного управления» и соединявшим императора со всеми ее частями [Писарькова, 2019, с. 22]. В речи Александра I, подготовленной Сперанским и произнесенной императором при открытии Совета, подчеркивалось, что целью реформы было «положить твердое основание одному из важнейших государственных установлений», сделать его «средоточием всех дел высшего управления» ⁶, но этого не произошло.

Именно неполная реализация реформы Государственного совета, как считал Сперанский, т. е. отсутствие учреждения «для общего соображения дел государственных в отношении их

⁴ ОР РНБ. Ф. 731. Д. 89. Л. 1 – 6 об.

⁵ Там же. Д. 91. Л. 1 – 11 об.

⁶ Там же. Д. 80. Л. 1–2.

к части законодательной», определяло «беспорядок и смешение во всех частях управления» [Нольде, 2004, с. 66]. Помимо этого вопреки «Плану» был сохранен Комитет министров. Более того, компетенции Государственного совета и Комитета министров в «Образовании Государственного совета» от 1 января 1810 г. четко не разграничивались. По справедливому мнению И. В. Ружицкой, это было связано с тем, что Сперанский, различая, с одной стороны, законы, а с другой – уставы и учреждения, полагал, что составление первых подлежит ведению законодательной власти, а вторых – исполнительной. Однако поскольку в российском законодательстве в это время не было строго определенного понятия законов, под ними часто понимались административные распоряжения и нормативные акты, то это обуславливало трудности «при разграничении функций различных структур, не только законодательных, но и исполнительных, в практике которых законами нередко называли акты, регулирующие *порядок применения законов*» (особенно это было присуще Комитету министров) [Ружицкая, 2018, с. 58, 80].

Эти важные положения И. В. Ружицкой находят подтверждение не только в «Плане» 1809 г. (Сперанский, 1961, с. 171, 204–206), но и в более ранних записках Сперанского. Так, в «Записке о порядке государственного управления (в частности, в России) и об улучшении организации губернской администрации» 1803 г., являющейся вариантом упоминаемой «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», Сперанский, подчеркивая тесную связь закона с управлением, указывал, что «управление (администрация) во всякой монархии не что другое есть, как исполнение законов», а сам «порядок исполнительный по самому существу и именованию своему есть нечто другое, как способ, каким законы приводятся в действие». При этом реформатор четко отделял законы от (учреждений) регламентов, поскольку первые «имеют предметом отношения постоянные и не переменные», а вторые «простираются на действия и происшествия, непрестанной перемене подлежащие». Именно поэтому составление законов государственных, гражданских, уголовных принадлежит ведению законосовещательной власти, а «учреждения всегда постановляются властью исполнительной»⁷.

Действительно, согласно журналам заседаний Комитета министров 1810 г., на которых утверждались коррективы «к расписанию дел по министерствам», круг вопросов, подлежащих его рассмотрению, в большей степени касался нормативных актов и учреждений. Представленные в Комитет министрами, они касались земельной собственности казенной и частной, городских доходов и расходов, финансовых мер «по разным чрезвычайным случаям», оборотов государственных банков, злоупотреблений и притеснений в отношении казенных крестьян, денежной системы, паспортной политики, а также определений и увольнений чиновников, зависящих от высочайшего утверждения, наград и поощрений им в виде «пенсии»⁸. В циркуляре министрам статс-секретаря Александра I П. С. Молчанова указывалось, что они должны вносить в Комитет министров упомянутые дела без предварительного представления императору, и утверждалось «непременное исполнение» его постановлений⁹.

Однако вскоре под влиянием критики министерской системы Сперанским по повелению Александра I был разработан проект «нового административного устройства министерств», получивший реальное воплощение в двух законодательных актах. 25 июля 1810 г. был обнародован указ «О новом распределении государственных дел в порядке исполнительном», а 25 июня 1811 г. опубликованы «Общее учреждение министерств» и «Наказ министрам». Эти законодательные акты организовывали и упрочивали административную систему Российской империи усилением в ней бюрократического принципа, определением состава и четким установлением круга ведомств министерств, распределением по ним государственных дел, указанием степени власти, полномочий и обязанностей министров, их ответственности, единообразным порядком прохождения дел.

⁷ ОР РНБ. Ф. 637. Д. 758. Л. 15 – 16 об.

⁸ Там же. Ф. 731. Д. 92. Л. 1–18; Д. 94. Л. 1–6.

⁹ Там же. Д. 93. Л. 1.

В этой ситуации положение Сената в прежнем его значении со смешением в нем суда и управления, а главное – совместное сосуществование с Комитетом министров, дублирующим его полномочия, было уже невозможно. Необходимость связать Сенат с новыми министерствами, важность его адаптации к ним обусловили проект сенатской реформы 1811 г., основные положения которой изложены М. М. Сперанским во «Введении к образованию Сената» и нашли отражение в официальных материалах особого Комитета при Государственном совете, работавшем в 1810–1811 гг. и состоявшем из председателей его департаментов. Именно в данном Комитете обсуждался проект Сперанского о разделении Сената на Правительствующий и Судебный. В «Проекте учреждения Правительствующего Сената» реформатор предлагал сделать его «верховным сословием управления в империи», средоточием всех его частей. Сенат должен был состоять из «государственных министров» и представлять в себе все министерства в «соединенном их действии». Предметом «общих дел исполнительных» Правительствующего Сената определялись все государственные дела, 1) превышающие пределы власти, вверенной отдельным министрам, 2) не принадлежащие ни к какому министерству, 3) требующие высочайшего разрешения, 4) а также те, которые по действующему законодательству ему уже принадлежали. Помимо этого, все нормативные документы, связанные с порядком управления, а также с удостоверением прав и преимуществ разных состояний и сословий также вносились на его рассмотрение. Производство дел поручалось статс-секретарям под надзором министра, «управляющего письмоводством». Дела поступали в виде манифестов, указов, высочайших повелений, докладов и представлений министров, а также прошений частных лиц, содержащих жалобы на «начальства, Сенату подчиненные». Вопросы, связанные с тайной или чрезвычайными обстоятельствами, должны были докладываться отдельными министрами, но «в совокупном присутствии» всех министров¹⁰. Как видно, Комитет министров, согласно данному проекту Сперанского, должен был быть поглощен Правительствующим Сенатом. Обсуждавшийся в том же 1811 г. не только в Комитете председателей, но и Общем собрании Государственного совета проект сенатской реформы хотя и был поддержан большинством советников, но так и не был реализован.

Позже Комитет 6 декабря 1826 года, главная цель деятельности которого состояла в «пересмотре государственного устройства и управления» и подготовке программы институциональных преобразований, а основными принципами реформаторской политики являлись преемственность и системность, вновь вернулся к рассмотрению проекта преобразования Сената также в контексте проблемы Комитета министров. На одном из первых заседаний 22 декабря 1826 г. при обсуждении недостатков и неудобств в деятельности высших государственных учреждений, главным из которых указывалось смешение исполнительной и судебной «частей» в деятельности Государственного совета, Комитета министров и Сената, был поставлен «коренной вопрос»: «Нужны ли сии три установления, и нет ли каких-либо неудобств в настоящем их образовании». По мнению Комитета, необходимо было сделать высшим судебным органом только Сенат и назвать его «Судебным», а его правительственные функции вверить «особенному Правительствующему Сенату». Он определялся «одним из верховных установлений империи», которому вручались «высшие дела управления, превышающие власть, данную одному министру». В его состав должны были входить министры, главноуправляющие, а также назначаемые императором лица «под общим именем сенаторов» (Сборник..., 1891, т. 74, с. 7–9).

Подготовка сенатской реформы 1827 г., в которой совершенно четко просматривается преемственность с проектом 1811 г., была вновь поручена Сперанскому, о чем свидетельствуют писарские копии проектов реформатора 1827 г. – «Проект учреждения Правительствующего Сената» и «Проект учреждения Судебного Сената», имеющие подзаголовок «Работа Комитета 6 декабря 1826 года» и карандашную правку реформатора. Что касается Правительствующего Сената, то его «высочайше дарованная власть» ограничивалась только

¹⁰ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Д. 9. Ч. 13. Л. 1–57.

делами управления и надзора за действием подведомственных ему учреждений. Важнейшими его функциями также определялись «признание и охранение» прав и преимуществ различных состояний и сословий, а также предварительное обсуждение преобразовательных предложений министров, которые затем поступали на высочайшее рассмотрение¹¹.

Надо думать, идея создания Правительствующего Сената была обусловлена стремлением Николая I ограничить «самовластие» министров и сконцентрировать все правительственные функции в одном органе под непосредственным ведомством и руководством самодержца. Об этом свидетельствует резолюция императора на журнале заседания Комитета 6 декабря от 4 января 1827 г., объявленная на заседании 12 января 1827 г., «что Комитет Министров или по новому предположению Правительствующий Сенат заниматься должен точным исполнением представленного ему или повеленного изданными постановлениями» (Сборник..., 1891, т. 74, с. 32).

Между тем проект создания Правительствующего Сената, который рассматривался как новый Комитет министров, ставил вопрос о сущности и функциональности «старого» Комитета министров. Вопрос об его устройстве, организации деятельности и полномочиях обсуждался в Комитете 6 декабря в 1827, 1830 гг. Заседание 9 февраля 1827 г. было посвящено рассмотрению основных недостатков Комитета министров как в устройстве, так и в производстве дел. При обсуждении подчеркивалось, что Комитет министров – «учреждение новое, о коем не объявлено никаким манифестом и которое по существу своему и первоначальному назначению долженствует быть просто собранием министров для совещания о некоторых общих мерах». Однако постепенно он приобрел законосовещательные, исполнительные и судебные функции, что привело к падению действенности административной системы. В этой ситуации предлагалось преобразование Комитета министров и соединение его с предполагаемым Правительствующим Сенатом (Сборник..., 1891, т. 74, с. 60–62).

В этой связи Сперанским 10 февраля 1827 г. была подготовлена записка «Об изменениях в организации Комитета Министров». В ней реформатор писал, что учреждение Комитета министров не было основано на законодательном акте с определением «пространства и пределов» его полномочий. Он был создан только для докладов министров императору «в совокупном их присутствии» по делам, требующим общего рассмотрения. В предметах его смешаны все части государственной системы – законосовещательная, исполнительная, судебная. При этом «роды дел», подлежащие его рассмотрению, не были определены с точностью, а в порядке производства дел допущена медленность и «многословность бесполезная», что нашло отражение в мемориях Комитета министров. Всё это требует «преобразования сего установления и соединения его с Пр[авительствующим] Сенатом»¹².

В «Записке о необходимых изменениях в ведении дел и составлении меморий Комитета Министров» от 24 октября 1830 г. Сперанский подчеркивал, что в Комитете дело излагается «двукратно» – при докладе министра и в мемории, но поскольку «заседание Комитета Министров есть не что иное, как заочный доклад каждого министра государю в присутствии первых, следовательно, здесь истинный докладчик есть министр, а правитель дел есть редактор временный в Комитете. Поскольку смешение сих двух должностей в одном лице... всегда было источником медленности и беспорядка», то предлагалось, как «первый шаг к порядку», сделать докладчиком не только в Комитете, но и в мемории заочно министра¹³.

Заключением о необходимости преобразования Комитета министров и его соединения с Правительствующим Сенатом Сперанский завершает сюжет о Комитете министров и в «Обзрении гражданских установлений» 1827 г., указывая, что «к составу Сената принадлежит Комитет Министров», поскольку «в собственном смысле он есть нечто иное, как отдельное присутствие Первого Департамента Сената», действующее на основании «особенных правил» и дублирующее его функции. Самостоятельное же существование Комитета

¹¹ ОР РНБ. Ф. 637. Д. 750. Л. 1 – 116 об.

¹² Там же. Ф. 731. Д. 102. Л. 1 – 3 об.

¹³ Там же. Д. 98. Л. 1 – 3 об.

министров, «сей отдельный образ его бытия, как мера временная, был необходим», но как «установление постоянное он должен быть соображен с первыми и коренными понятиями о Сенате и министерствах». Без этой связи и единства «всегда будут в нем разные неудобства» и бесполезное разделение государственных дел в разных установлениях, их двойное рассмотрение и в Комитете министров, и в Сенате¹⁴. Но, как известно, сенатский проект 1827 г. не был реализован, а Комитет министров сохранился в его неопределенном институциональном статусе.

Итак, анализ преобразовательных проектов и записок Сперанского в контексте проблемы Комитета министров в первой трети XIX в. дает основание сделать следующие выводы.

1. Отношение Сперанского к институциональному статусу Комитета министров, его роли в российской государственности менялось в зависимости от позиции императора, стратегической цели и конкретных задач реформаторской программы, а также внутри- и внешнеполитической ситуации.

2. В течение первой трети XIX в. взгляды Сперанского эволюционировали от признания определенной роли Комитета министров в государственном управлении через идею его упразднения в царствование Александра I до положения о преобразовании и соединении с предполагаемым Правительствующим Сенатом в правление Николая I.

3. При всех особенностях и отличительных чертах тактики прослеживается безусловное сходство в преобразовательной политике Александра I и Николая I, нашедшей отражение в проектах и записках Сперанского, посвященных проблеме Комитета министров и основанных на принципах преемственности и совершенствования существующих государственных институтов.

Список литературы

- Андреева Т. В. Александр I и М. М. Сперанский: еще раз о «Плане всеобщего Государственного образования» 1809 года // Английская набережная, 4: ежегодник С.-Петерб. науч. об-ва историков и архивистов. СПб., 2001. С. 41–75.
- Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
- Зуев Н. И. Комитет министров в первой половине XIX в. Магадан: Ноосфера, 2008. 206 с.
- Мироненко С. В. Три российских реформатора (К 250-летию юбилею М. М. Сперанского) // Вестник Моск. ун-та. Серия 8. История. 2022. № 6. С. 59–70.
- Нольде А. Э. М. М. Сперанский. Биография. М.: Моск. школа полит. исслед., 2004. 304 с.
- Писарькова Л. Ф. Государственное управление в первой трети XIX в.: становление министерской системы. М.: Новый хронограф, 2019. 416 с.
- Писарькова Л. Ф. М. М. Сперанский и А. Д. Пазухин: судьба реформаторов и реформ в России // Россия XXI. 2020. № 3. С. 160–187.
- Приходько М. А. Негласный комитет и разработка административных реформ в России в начале XIX века // Власть, общество, армия: от Павла I к Александру I. Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2013. Т. 11. С. 119–129.
- Ремнев А. В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: РОССПЭН, 2010. 511 с.
- Ружицкая И. В. Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 312 с.
- Ружицкая И. В. «Великий реформатор» или «гениальный бюрократ»: М. М. Сперанский в общественном мнении начала 1860-х гг. // Российская история. 2022. № 4. С. 38–45.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 731. Д. 938. Л. 11 об., 33 – 33 об.

- Середонин С. М.** Исторический обзор деятельности Комитета министров. СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1902. Т. 1. 360 с.; Т. 2. 373 с.
- Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917. СПб.: Лики России, 2008. 695 с.

Список источников

- ПСЗ-I – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отд-ния СЕИВК, 1830. Т. 27. 1122 с.; Т. 28. 1328 с.; Т. 30. 1404 с.
- Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Гос. тип., 1891. Т. 74. 487 с.
- Сперанский М. М.** Проекты и записки / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 244 с.

References

- Andreeva T. V.** Aleksandr I i M. M. Speransky: eshche raz o “Plane vseobshchego Gosudarstvennogo obrazovaniya” 1809 goda [Alexander I and M. M. Speransky: Once Again about the “Plan of Universal State Education” of 1809]. In: Angliiskaya naberezhnaya, 4: ezhegodnik Sankt-Peterburgskogo nauchnogo obshchestva istorikov i arkhivistov [English Embankment, 4: Yearbook of the St. Petersburg Scientific Society of Historians and Archivists]. St. Petersburg, 2001, pp. 41–75. (in Russ.)
- Mironenko S. V.** Tri rossiyskikh reformatora (K 250-letnemu yubileyu M. M. Speranskogo) [Three Russian Reformers (To the 250th Anniversary of M. M. Speransky)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya* [Bulletin of Moscow University. Series 8: History], 2022, no. 6, pp. 59–70. (in Russ.)
- Nolde A. E.** M. M. Speransky. Biografiya [M. M. Speransky. Biography]. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2004, 304 p. (in Russ.)
- Pisarkova L. F.** Gosudarstvennoe upravlenie v pervoi treti XIX v.: stanovlenie ministerskoi sistemy [State Administration in the 1st Third of the 19th Century: The Formation of the Ministerial System]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2019, 416 p. (in Russ.)
- Pisarkova L. F.** M. M. Speransky i A. D. Pazukhin: sud’ba reformatoren i reform v Rossii [M. M. Speransky and A. D. Pazukhin: The Fate of Reformers and Reforms in Russia]. *Rossiia XXI* [Russia. XXI], 2020, no. 3, pp. 160–187. (in Russ.)
- Prikhodko M. A.** Neglasnyi komitet i razrabotka administrativnykh reform v Rossii v nachale XIX veka [The Privy Committee and the Development of Administrative Reforms in Russia in the Early 19th Century]. In: *Vlast’, obshchestvo, armiya: ot Pavla I k Aleksandru I. Trudy Istoricheskogo fakul’teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Power, Society, Army: From Paul I to Alexander I. Proceedings of the History Department of St. Petersburg State University]. St. Petersburg, 2013, vol. 11, pp. 119–129. (in Russ.)
- Remnev A. V.** Samoderzhavnoe pravitel’sтво: Komitet ministrov v sisteme vysshego upravleniya Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [The Tsarist Government: The Committee of Ministers in the System of Supreme Administration of the Russian Empire (2nd Half of the 19th – Beginning of the 20th Century)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 511 p. (in Russ.)
- Ruzhitskaya I. V.** Gosudarstvennyi sovet pri Nikolae I: osobennosti funktsionirovaniya [The State Council under Nicholas I: Peculiarities of Functioning]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018, 312 p. (in Russ.)
- Ruzhitskaya I. V.** “Velikii reformator” ili “genial’nyi byurokrat”: M. M. Speransky v obshchestvennom mnenii 1860-kh gg. [“Great Reformer” or “Brilliant Bureaucrat”: M. M. Speransky

in Public Opinion in the Early 1860s]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2022, no. 4, pp. 38–45. (in Russ.)

Seredonin S. M. Istoricheskii obzor deyatel'nosti Komiteta ministrov [Historical Overview of the Activities of the Committee of Ministers]. St. Petersburg, Kantselyariya Komiteta ministrov, 1902, vol. 1, 360 p.; vol. 2, 373 p. (in Russ.)

Upravlencheskaya elita Rossiiskoi imperii. Istoriya ministerstv. 1802–1917 [Managerial Elite of the Russian Empire. History of Ministries. 1802–1917]. St. Petersburg, Liki Rossii Publ., 2008, 695 p. (in Russ.)

Zaionchkovsky P. A. Pravitel'stvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX v. [The Government Apparatus of Tsarist Russia in the 19th Century]. Moscow, Mysl' publ., 1978, 288 p. (in Russ.)

Zuev N. I. Komitet ministrov v pervoi polovine XIX v. [Committee of Ministers in the 1st Half of the 19th Century]. Magadan, Noosfera Publ., 2008, 206 p. (in Russ.)

List of Sources

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya SEIVK, 1830, vol. 27, 1122 p.; vol. 28, 1328 p.; vol. 30, 1404 p. (in Russ.)

Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, 1891, vol. 74, 487 p. (in Russ.)

Speransky M. M. Proekty i zapiski [Projects and Notes]. Ed. by S. N. Valk. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1961, 244 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Васильевна Андреева, доктор исторических наук
WoS Researcher ID AAE-9846-2019

Information about the Author

Tatyana V. Andreeva, Doctor of Sciences (History)
WoS Researcher ID AAE-9846-2019

*Статья поступила в редакцию 15.04.2024;
одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 25.07.2024
The article was submitted on 15.04.2024;
approved after reviewing on 10.07.2024; accepted for publication on 25.07.2024*

Научная статья

УДК 94(47).072/073+336

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-46-56

Государственный кредит России в первой трети XIX века и внешние денежные рынки

Сергей Константинович Лебедев

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

lebsk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0619-6169>

Аннотация

Рассматриваются политика финансовой администрации Российской империи, проекты внешних займов, состав кредиторов, положение русского государственного кредита на международных денежных рынках от наполеоновских войн до начала 1830-х гг., в период их нестабильности, связанной с войнами и революциями в Европе. По документам Комитета финансов в Российском государственном историческом архиве и Собрания по истории финансов в России в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки впервые рассмотрены предложения иностранных банкирских домов по займу 1831 г. под залог казенной меди, о чем свидетельствует переписка придворного банкира Л. Штиглица с министром финансов Е. Ф. Канкриным. Специальное внимание обращено на связь внешних займов России, посредником в которых выступал Л. Штиглиц, с деятельностью его торгового дома в сфере кредитования внешней торговли. Относительный упадок Амстердама как мирового денежного рынка после наполеоновских войн и неуклонное возвышение Лондона не отражалось в первой трети XIX в. на привилегированном положении нидерландских банкиров Норе & Со как эмитентов внешних государственных займов России.

Ключевые слова

Россия, государственный кредит первой трети XIX в., М. М. Сперанский, Е. Ф. Канкрин, Л. Штиглиц, Гоппе и Ко, практика русских займов на европейских денежных рынках

Для цитирования

Лебедев С. К. Государственный кредит России в первой трети XIX века и внешние денежные рынки // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 46–56. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-46-56

State Credit of Russia in the 1st Third of the 19th Century and Foreign Money Markets

Sergey K. Lebedev

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russian Federation

lebsk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0619-6169>

Abstract

The article delves into the problem of Russian public debt and the interaction of its financial administration with foreign creditors in the first third of the 19th century. Existing literature appears to lack a comprehensive overview of the negotiations between the Russian government and foreign banks for loans during this period, in contrast to the wealth of publications on government and railway securities in the later part of the 19th and early 20th centuries. The primary

© Лебедев С. К., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 46–56

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 46–56

objective of the author is to present projects of external loans and the makeup of creditors in connection with the empire's public credit policy during the period of instability resulting from wars and revolutions in the early 19th century. To accomplish this, the author references sources such as the Finance Committee journals in the Russian State Historical Archive and materials from the Collection on the History of Finance in Russia in the Manuscript Department of the Russian National Library. Of particular significance is the correlation between Russia's foreign loans, facilitated by Ludwig Stieglitz (court banker since 1828), and the activities of his company, L. N. Stieglitz and Co., which held a prominent position in Russia owing to its trade volume. Information gleaned from sources regarding both successful and unsuccessful foreign loans to Russia suggests that during tumultuous periods in capital markets due to the wars of the early 19th century and revolution of 1830, the government received offers not only from top bankers but also from firms with weaker credit. The Russian financial administration, for its part, sought to maintain stable long-term ties with traditional markets, with the best of foreign financiers. The author also underscores the pivotal link between the mediation of Russian state credit and the foreign trade activities of Ludwig Stieglitz's firm. In 1831, Hamburg capitalists proposed utilizing the entire exported government copper, rather than the customs revenues of the Russian Baltic ports, as collateral for a loan, with the stipulation that the copper be handled by L. Stieglitz's trading house. Commencing at least in 1838, Stieglitz initiated the dispatch of substantial quantities of copper to his personal account and to a joint account with the Rothschild frères, Paris; the Rothschild frères evolved into world bankers and substantial metal traders (copper and nickel) and invested in the transport infrastructure of many countries, including Russia, by the mid-19th century. And despite the growth of London's financial importance since the beginning of the 19th century and the gradual decline of Amsterdam, attempts by British competitors to undermine the monopoly position of the bankers Hope and Co. in the issue of Russian loans in the early 1830s did not meet with success.

Keywords

Russia, financial and economic policy, state credit in the 1st third of the 19th century, M. M. Speransky, E. F. Kankrin, L. Stieglitz, Hope & Co, practice of Russian loans in European money markets

For citation

Lebedev S. K. State Credit of Russia in the 1st Third of the 19th Century and Foreign Money Markets. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 46–56. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-46-56

Заграничная часть государственного долга России и взаимодействие финансовой администрации с иностранными кредиторами – одна из наиболее значительных политических и экономических проблем истории империи. Недостаток свободных средств в экономике и сравнительная дороговизна кредита в стране стимулировали обращение на внешние денежные рынки правительство и частных предпринимателей на протяжении всего периода Нового времени. В литературе [Блиох, 1882; Бржеский, 1884; Министерство финансов..., 1902] нет полной картины переговоров с иностранными банками об условиях займов первой трети XIX в., как это сделано в публикациях по эмиссиям государственных и железнодорожных бумаг второй половины XIX – начала XX в. [Мигулин, 1900¹; Русские финансы..., 1926; Ананьич, 1970; Ананьич, Лебедев, 1999; Лебедев, 2003].

Хронология этой статьи включает абрис займов России времен наполеоновских войн [Ананьич, Лебедев, 1991] и завершается семилетней паузой (1833–1840) во внешних займах, которая служит верхней границей рассматриваемого периода. Наше внимание привлекают проекты внешних займов, состав кредиторов в связи с политикой империи в сфере государственного кредита в период нестабильности денежных рынков, вызванной войнами и революциями первой трети XIX в. С этой целью обратимся к источникам информации в журналах Комитета финансов в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и материалам Собрания по истории финансов в России в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Впервые специальное внимание мы уделим связи внешних займов России, посредником в выпуске которых выступал Людвиг Штиглиц (с 1828 г. придворный банкир), с деятельностью в сфере внешней торговли его фирмы «Л. Н. Штиглиц и Ко»², занимавшей первое место в России по обороту 1830 г. на сумму 30 млн руб. [Томпстон, 2008, с. 342].

¹ Эта книга его трехтомника была представлена на соискание степени доктора финансового права.

² 1 июля 1829 г. торговый дом барона Штиглица «Л. Штиглиц и Ко» в С.-Петербурге после заключения мира с Портой открыл в Одессе отделение во главе с управляющим компаньоном И. Г. Гари (I. G. Gary) и доверенным

Для русских внешних займов особое значение имел Амстердам. В 1713–1763 гг. в Амстердаме выпускалось в среднем по 4 млн гульденов в год иностранных займов (всего на 200 млн гульденов и почти исключительно английских и австрийских). В 1763–1780 гг. динамика выросла до 8,3 млн гульденов в год по займам других стран (преимущественно Дании, Швеции, германских государств и России). Ведущей фирмой Амстердама, посредничавшей в этот период в учете векселей и размещении бумаг иностранных займов, был основанный в 1734 г. торговый и банкирский дом Гоппе (Hoppé & Co) [Buist, 1974]. Между 1788 и 1793 гг. при его посредничестве в Амстердаме были выпущены 18 русских государственных займов. В 1800 г. 70 иностранных займов 14 стран котировались на амстердамской бирже [Cassis, 2006, p. 25–27].

В начавшемся XIX в. Амстердам всё более уступал первенство Лондону и Парижу. В период наполеоновских войн среднегодовая сумма займов, выпущенных в Амстердаме, упала до 5–10 млн гульденов. Если в конце XVIII в. в Амстердаме выпускалось займов в год до 20 млн гульденов, то между 1814 и 1860 г. – в среднем по 7,5 млн гульденов, и всего в этот период было эмитировано бумаг на 345 млн гульденов. На долю русских займов Гоппе пришлось из этой суммы большая часть – 312 млн гульденов [Ibid.]. Современники приписывали падение значения Амстердама как важнейшего денежного рынка наполеоновским войнам и французской оккупации. С 1813 г. Амстердам несколько восстановился, но так более и не стал торговым и финансовым мировым центром.

В декабре 1798 г. в Петербурге было подписано соглашение о британских субсидиях в сумме 225 тыс. ф. ст. первоначально и по 75 тыс. ф. ст. ежемесячно для войны стран Второй коалиции против Наполеона. Речь шла о двух экспедиционных армиях: 45-тысячной англо-русской для вторжения в Голландию, другой, 60-тысячной, – для русско-австрийских операций в Северной Италии. Войска А. В. Суворова достигли успеха в Северной Италии, а высадка русского десанта в Голландии потерпела поражение [Лебедев, 2013, с. 429, 432, 439]. В ходе войны войска Франции последовательно ослабляли инфраструктуру, ориентированную на Лондон, особенно болезненным ударом стал контроль французов над важнейшими пунктами учета торговых обязательств континента: Амстердамом и Гамбургом (который был разрушен). Англия, со своей стороны, захватила у союзной Франции голландской Батавской республики Южную Африку. Британские субсидии оставались единственным внешним источником финансирования русского государственного бюджета в это время [Ананьич, Лебедев, 1991].

Екатерининская финансовая система просуществовала около столетия. Она подверглась модификации при стороннике классической экономической теории М. М. Сперанском³, который после смерти А. И. Васильева в 1807 г. и до 1810 г. (когда министром стал Д. А. Гурьев) практически стоял во главе финансового ведомства и в дальнейшем оказывал влияние [Марней, 2023, с. 151; Романов, 2023, с. 175–187] на политику в финансово-кредитной сфере (в письмах высшим чиновникам и выступлениях в Комитете финансов в 1834–1839 гг.) [Министерство финансов..., 1902, с. 216–217].

Граф Е. Ф. Канкрин, возглавлявший Министерство финансов в 1823–1844 гг., склонялся к протекционизму и инфляционизму (в отношении ассигнаций он противостоял М. М. Сперанскому и Д. А. Гурьеву по изъятию из обращения ассигнаций путем займов, в том числе в рентной форме, и привязки русской кредитной валюты к серебру) [Марней, 2002, с. 131, 137, 144–152]. Е. Ф. Канкрин был практиком, а народное хозяйство России и экономическая

П. Поэлем (Pierre Poel). С открытием навигации 1830 г. в Одессе ожидали 150 кораблей (L. Stieglitz et Cie, Odessa – Thuret & Cie, Paris. 28.2/12.3.1830 // Archives Nationales, Paris. 68 AQ 121); ср. свидетельство А. А. Половцова [Лизунов, 2014, с. 79, 485].

³ Александр I находился под влиянием И. Бенстама и А. Смита. Он повелел перевести и издать их тексты. М. М. Сперанский был женат на англичанке, приятельнице брата И. Бенстама. Сотрудники Сперанского М. А. Балугьянский и Л. Х. Якоб держались теории Адама Смита, как и адмирал граф Н. С. Мордвинов, также участвовавший в подготовке «Финансового плана» 1810 г. [Нормано, 2010, с. 383–385].

политика давали материал континентальной исторической школе экономистов о том, что британская модель не универсальна. Е. Ф. Канкрин занимался проблемами военной экономики и опубликовал несколько работ на эту тему [Нормано, 2010, с. 424–425; Цвайнерт, 2008, с. 82–167]. Е. Ф. Канкрин стремился избегать заграничных займов, но войны империи вынуждали его обращаться к внешним заимствованиям. При Канкрине в 1828–1843 гг. было выпущено два 5 %-х и три 4 %-х займа. Первые три займа 1828–1832 гг. выпускались для покрытия расходов на войны с Персией, Турцией и Польшей [Мигулин, 1899, с. 123–127]. А всего в 1820–1855 гг. Россия выпустила 13 внешних займов на 346 млн руб.⁴

В справке, подготовленной, вероятно, в конце 1824 – начале 1825 г., для Ф. П. Вронченко⁵, директора новообразованной Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, обозначены займы, выпущенные на европейских денежных рынках с марта 1815 по август 1824 г. За эти почти 10 лет выпустили займы 30 городов и стран: Австрия, Англия, Нидерланды, Парма, Франция, Саксония, Париж, Португалия, Пруссия, Дания, Ганновер, Норвегия, Испания, Баден, Неаполь, Лейпциг, Сицилия, Колумбия (получившая независимость от Испании в 1810 г., в марте 1822 и 1824 гг. выпустила ценных бумаг на 7,25 млн ф. ст. (или 95,7 млн гамбургских банковых марок – валюты Гамбургского банка), Франкфурт-на-Майне, Гессен-Дармштадт, Чили (в 1810 г. получила независимость от Испании), Перу (независимость от Испании получила в июле 1821 г. и выпустила заем на 1,2 млн ф. ст. (т. е. 14,75 млн гамбургских банковых марок) в октябре 1822 г.), фиктивная южноамериканская страна Пояис (Royaïs) эмитировала в Лондоне облигаций на 200 000 ф. ст. (т. е. 2 625 000 гамбургских банковых марок), Сардиния, Мальтийский орден, Мексика, Ангальт-Кётен, Бразилия, Греция и Буэнос-Айрес⁶. Из общей суммы выпущенных в Европе ценных бумаг на 6 218 150 982 гамбургских банковых марок русские займы составили 251 226 875 марок⁷.

В записке 21 января 1826 г. императору Николаю I «Обозрение кредитной системы Российской империи»⁸ Е. Ф. Канкрин отметил тесную связь государственного и частного кредита: «Попечительное» (т. е. протекционистское) правительство должно «утверждать» кредит государственный и поддерживать частный. Все срочные и бессрочные долги в 1825 г. по Государственной долговой книге составляли: голландских гульденов – 47 100 000; золотых рублей – 20 620; рублей серебром – 88 656 312; ассигнациями – 253 632 410 руб. Вся сумма государственных долгов в пересчете на ассигнации равнялась примерно 675 936 059 руб.⁹ (курс составлял примерно 3,5 руб. ассигнациями за 1 руб. серебром).

В 1818–1819 гг. Царство Польское, созданное после победы над Наполеоном, безуспешно пыталось через варшавского банкира Самуила Френкеля выйти со своими займами на рынки Гамбурга и Берлина (условия были тяжелы: 6 % годовых, и Френкель требовал себе 2 % комиссионных). В 1824 г. планировался заем в Париже, в 1825 г. посол России князь Х. А. Ливен вел переговоры о займе на 42 млн злотых в Лондоне с банкирским домом Райт и Ирвинг. С санкции императора Александра I Френкель в том же 1825 г. обратился и к домам Лаффит и Ко в Париже, Гоппе и Ко в Амстердаме, Гольдшмидт и Ко в Лондоне, но получил отказ по причине недостаточной репутации польского правительства. Наконец, в декабре 1829 г. 5 %-й заем под гарантию Российской империи был выпущен группой банкирских домов Берлина, Гамбурга, Дрездена, Франкфурта-на-Майне, Парижа, Вены, С.-Петербурга, Одессы, Познани. Третий займа предоставил Польский банк. Но средства по этому займу достались участниками восстания 1830 г. [Правилова, 2006, с. 50–52, 64, 390–391].

⁴ РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 119. Л. 1.

⁵ «Uebersicht der in den Jahren 1815 bis 1824 in Europa stattgefundenen Staats-Anleihen» // ОР РНБ. Ф. 484. Д. 202. Л. 1, 15 об. – 16. На титульном листе помета: «Его Прев[осходительству] Фед. Павл.» Вронченко // Там же. Л. 1.

⁶ ОР РНБ. Ф. 484. Д. 202. Л. 16.

⁷ Там же. Подсчитано автором по ведомости «Abstract».

⁸ Там же. Д. 31. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 8 об.

Растущую нестабильность денежных рынков в 1830 г. отражают ответы на вопрос Канкрин о влиянии на цены фондов предпринятого им уменьшения процентов по русским и иностранным капиталам в казенных банках: Гарман и Ко в Лондоне признавали, что возможность вкладов в банки по 5 %, когда в других странах проценты снижались, имела следствием рост депозитов, тем более, что они были порой выгоднее прибылей в ряде отраслей торговли. Гоппе и Ко даже воскликнули: «Мы можем лишь аплодировать мудрости принятой меры, вновь доказывающей обширность ресурсов, которые находятся в распоряжении Министерства финансов могущественной Российской империи»¹⁰. Снижение процентов в казенных банках вызвало повышение цен на русские фонды, особенно на 6 %-е, номинированные в ассигнациях. Их цена выросла до 78 за 100; котировка гамбургских 5 %-х сертификатов превысила паритет и достигла 102,25 за 100; цена старых займов, размещенных через Гоппе, выросла со 105 $\frac{3}{8}$ до 105,5 за 100; новых – до 105,25 за 100. В то же время рост котировок государственных облигаций остановился в Лондоне и Париже, и там даже появились симптомы спада. А биржа Амстердама переживала оживление от спекуляции, главным образом из Берлина¹¹.

В апреле 1831 г. придворный банкир Л. Штиглиц сообщал Е. Ф. Канкрину о выполнении его поручения узнать в Гамбурге и других местах Германии, возможно ли в короткий срок собрать минимум 2 млн гамбургских банковых марок. Такой аванс, по словам Штиглица, был уже обеспечен, и после того как правительство примет решение, на рынках Германии «займутся расширением подписки до максимума» при умеренной банковской провизии в 1,5 %¹². (Заметим, что для польского займа Френкель требовал 2 %.)

Тогда же Ф. П. Вронченко представил Е. Ф. Канкрину записку (которую он получил от Штиглица) с приложением условий капиталистов из Гамбурга по 5 %-му займу в 2–6 млн гамбургских марок (до 9 млн руб. ассигнациями) под залог казенной меди «в штыках» (на полях Канкрин написал: «будет до 460 000 пудов»)¹³ до ее продажи, которая оставалась бы в распоряжении Штиглица¹⁴. Погашение этого займа было предусмотрено четырьмя равными долями в 1832–1835 гг.¹⁵ На проектируемый заем предварительно подписались (в гамбургских марках): Paréin [Parém] & Co (400 000); Conrad Heinrich Donnert (200 000); Lutteroth & Co (200 000); Salomon Klein (400 000); W. von Halle (100 000); De Chapeaurouge & Co (50 000); H. L. Hesse (50 000); F. A. G. Grote (100 000); John Welh. [Wilh.] Rücker (50 000); L. H. Boux (100 000); F. M. Mutzenbecker (50 000); Jacob Oppenheimer (100 000). Всего минимум на 1,8 млн гамбургских марок¹⁶. Взамен за счет русского правительства контрагентам выдавались бы трехмесячные векселя. В Гамбурге выдачу векселей на участников операции часто употребляли Дания и Пруссия (она в тот момент заключала подобную сделку в Гамбурге через прусский государственный банк Seehandlung).

После рассмотрения вопроса об этом займе в Комитете финансов¹⁷, Е. Ф. Канкрин ответил Л. Штиглицу, что он «проверил это важное дело со всем вниманием», представил императору, который поручил выразить Штиглицу «высочайшее благоволение» за его усилия и сообщить, что это предложение, «будучи затратным для казны, не может быть принято»¹⁸. Е. Ф. Канкрин не устраивали проценты с банковской комиссией и другими расходами (в год около 8,5 % и более). Кроме того, если Министерство финансов в течение трех лет не успеет продать медь, то оно должно было выплатить авансы из других источников. При этом дом

¹⁰ «Выписка из писем банкиров Гарман и Ко и Гоппе и Ко о понижении банковых процентов» 30.1–20.2.1830 // ОР РНБ. Ф. 484. Д. 48. Л. 1–5.

¹¹ Выписка из письма Гоппе и Ко 20.1.1830 // ОР РНБ. Ф. 484. Д. 48. Л. 3 об., 5, 6.

¹² Там же. Д. 33. Л. 7 об.

¹³ Проект займа. 6.5. 1831 // Там же. Л. 19 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 2.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ Журнал Комитета финансов 1.5.1831 // РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 24. Л. 1 – 6 об.

¹⁸ Е. Ф. Канкрин – Л. Штиглицу (написано Ф. П. Вронченко, черновик). 1.5.1831 // ОР РНБ. Ф. 484. Д. 75. Л. 1.

Штиглиц и Ко должен был быть ответственным перед кредиторами как за залог, так и за платежи¹⁹. Вообще Канкрин заинтересовался возможностью получить заем под залог не проданной меди, но рассчитывал, что операцию можно будет провести на более выгодных условиях. Об этом шла речь в Комитете финансов²⁰. Однако краткосрочная кредитная операция под залог казенной экспортируемой меди не состоялась.

В анонимной записке (очевидно, Штиглица) «*Observations particulières*» (которую мы относим к 1831 г.) по поводу нового займа в Голландии отмечалось, что поскольку амстердамские банкиры Гоппе и Ко вкладывали в самые критические сроки наиболее значительные суммы – собственно, все свои средства в интересах России – и в течение многих лет вели операции императорского двора, то «кажется справедливым... заключить заем от имени этого дома, если он того пожелает». Автор записки выразил желание «охотно лично отправиться за границу для необходимых договоренностей относительно участников сделки и прочего, при твердом условии предоставить преимущество в операции господам Гоппе и Ко. Такой voyage мне кажется необходимым, поскольку невозможно уладить всё это по переписке»²¹. Уже 8 мая Комитет финансов рассматривал письмо от Гоппе и Ко и от Н. М. Ротшильда из Лондона с предложениями внешних займов. Е. Ф. Канкрин, между прочим, отметил, что военные расходы в 1831 г. доходили до 127 млн руб., а имелось и ожидалось поступлений лишь до 56 млн руб. Дефицит составлял около 70 млн руб.²² Ротшильд предлагал открыть продолжение займа, который, впрочем, произвел в свое время на публику невыгодное впечатление, в то время как Гоппе предлагал новую серию Третьего 5 %-го займа в 20 млн руб. на серебро на выгодных казне условиях (с общими расходами более 6 ¼ %; Гоппе было предложено 2 % провизии с нарицательной цены реализованных билетов займа), что и было одобрено Комитетом финансов²³. Было решено «банкиру Ротшильду отвечать отклонительно», объяснив, что еще до его предложения правительство решилось на другие меры, от которых было бы отступать неудобно²⁴. 14 октября 1831 г. Канкрин получил письмо из Лондона от Н. М. Ротшильда с предложением займа на 5 млн ф. ст. и просьбой указать условия эмиссии. Комитет финансов отметил, что даже в случае окончания займа у Гоппе и Ко нужды в новом займе нет, к тому же сам Ротшильд не указал своих условий. Поэтому Ротшильду деликатно ответили, что «правительство предоставляет себе воспользоваться его услугами по другому случаю»²⁵.

По данным на 6 ноября 1831 г., в Берлине обращались: 5 %-й серебряный заем, размещенный через британского Ротшильда, 5 %-й серебряный заем Беринга и Гоппе; Второй 5 %-й Голландский заем, Польские облигации по 300 гульденов. В Гамбурге: 6 %-е ассигнации; займы Ротшильда, а также Беринга и Гоппе; Третий 5 %-й заем и польские облигации. В Амстердаме: 6 %-е ассигнации; займы Ротшильда, а также Беринга и Гоппе; Третий 5 %-й заем; Первый и Второй Голландские займы. В Лондоне, где капиталисты неохотно инвестировали в иностранные ценности, из русских облигаций котиrowался лишь 5 %-й заем Ротшильда²⁶, который был наиболее популярной русской ценной бумагой на всех перечисленных денежных рынках.

9 ноября 1831 г. Ф. П. Вронченко, заметив повышение фондов, выступил с запиской о введении единообразной системы погашения государственных бессрочных долгов. Он предложил Е. Ф. Канкрину направить ее, «испросив на то Высочайшее соизволение, или в Особом секретный о займе комитет или в Комитет финансов, или же прямо, для выигрывания време-

¹⁹ ОР РНБ. Ф. 484. Д. 32. Л. 3–5.

²⁰ Журнал Комитета финансов 1.5.1831 // РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 24. Л. 4–6.

²¹ ОР РНБ. Ф. 484. Д. 220. Л. 1.

²² РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 24. Л. 8.

²³ Журнал Комитета финансов 14.5.1831 // Там же. Л. 18, 26. За вычетом расходов по этому займу из 20 млн руб. было получено 79,32 %.

²⁴ Журнал Комитета финансов 8.5.1831 // Там же. Л. 8 об. – 9.

²⁵ Журнал Комитета финансов 26.10.1831 // Там же. Д. 25. Л. 1–2.

²⁶ «Сравнительное исчисление российским фондам». 8.11.1831 // ОР РНБ. Ф. 484. Д. 34. Л. 2.

ни, в Государственный Совет»²⁷, т. е. во все инстанции. Но настроение денежных рынков менялось, и Третий 5 %-й заем, в силу общего понижения фондов в Европе, за вычетом расходов принес казне из 20 млн руб. всего 79,32 % (или 15 864 000 руб.) [Бржеский, 1884, с. 196].

23 апреля 1832 г. Канкрин обратился к Гоппе и Ко с предложением Четвертого 5 %-го займа на 20 млн руб. серебром. Банкиры ответили, что открыть заем теперь или вскоре было бы весьма поспешно, так как значительная часть Третьего займа оставалась в руках первых покупателей. Поскольку необходимо их содействие и при новом займе, то им следует осторожно внушить, чтобы они прежде продали остающиеся у них бумаги. Прибегнув к эзопову языку, Гоппе, говоря о революции 1830 г., предлагали выпускать заем не постепенно, но единовременно. Успех сделки зависел от того, «не последует ли в Европе какой-либо перемены к худшему. Сколь ни желательны перемены к лучшему, но при разгорячении умов в нижнем и частию в среднем классе во многих странах, нельзя льститься возвращением состояния безопасности и спокойствия»²⁸. Кроме того, голландское правительство, если противоречия с Бельгией не прекратятся, в конце года могло обратиться или к новым займам, или к «принужденным контрибуциям»²⁹. При прежних займах предусматривались обстоятельства войны. «Трудность предвидеть... происшествия в такое время, когда не одна мудрость и умеренность правительств управляет судьбою Европы, заставляет прибегнуть к другим условиям для успокоения спекуляторов фондами, так как брожение умов во Франции, в Англии и других землях может иметь самое гибельное последствие для общего спокойствия и для коммерческих и финансовых дел»³⁰.

В августе 1832 г. Комитет финансов рассматривал также планы 5 %-го займа на 20 млн руб. от банкиров Франка и Башвица, предложивших спекулятивную операцию, на которую правительство не могло согласиться. Комитет финансов полагал выдать им в вознаграждение за издержки и труды по 800 червонцев³¹. Другой план, подписанный банкирами Райт и Ко, Поттером Макуином и Диасом Корвалло (Wright & Co, J. Potter Macqueen Esqr, J. Diaz Corvalho Esqr), о 4 %-м займе на 6 млн ф. ст. представил в Петербурге английский путешественник Рис. В приложенной записке отмечалось, что многие английские капиталисты из аристократической партии желали доверить свои деньги преимущественно российскому правительству. Заем планировалось реализовать не ниже 80 за 100, с 3,5 % банковской комиссии³². Этот проект отличала умеренность процентов (5 $\frac{1}{3}$ %) сравнительно с предыдущим займом в 6,07 %, впрочем, по мнению Комитета финансов, следовало уменьшить комиссию. Всё же главное затруднение состояло в полной неизвестности русскому правительству состоятельности подписавших контракт лиц, и особенно важно было иметь гарантию при понижении фондов ввиду возможных «происшествий в политическом быту Европы»³³. Кроме того, принятие этого контракта «было бы некоторым образом оскорбительно для банкиров Гоппе»³⁴, которые были готовы выпустить новый заем. К октябрю 1832 г. в Лондоне уже были собраны сведения о Райте, Макуине и Корвалло. Райт имел большие обороты, твердую репутацию и доверие католических семей из среды высшей аристократии. Диас Корвалло был вовсе не известен, а Поттер Макуин, бывший некогда членом Парламента и владельцем недвижимостей, обанкротился. Всё же правительство сомневалось в успехе займа у Гоппе при политическом положении Голландии (вступившей в 1830 г. в столкновение с французскими интервентами и потерявшей в 1832 г. Антверпен). В Лондон был послан русский чиновник,

²⁷ ОР РНБ. Ф. 484. Д. 34. Л. 1 – 1 об.

²⁸ Выписки из письма Гоппе 1832 г. // РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 27. Л. 2 об. – 3 об.

²⁹ Там же. Л. 3 об. – 4.

³⁰ Там же. Л. 6 об.

³¹ Там же. Л. 15 об. – 18 об., 26 об. – 29. Было отклонено и предложение о займе в виде лотереи, поступившее от корреспондентов Штиглица (Там же. Л. 33 об. – 34 об.).

³² Там же. Л. 19–22.

³³ Там же. Л. 30 – 30 об.

³⁴ Там же. Л. 31.

а послу князю Х. А. Ливену были даны полномочия заключить заем с Райтом, Макуином и Корвалло. В случае, если заем в Лондоне не состоится, операция переходила бы к Гоппе в Голландии³⁵. В Лондоне предложения о займе сделали также Ротшильд, Говер и Ко, Ирвинг и Ко (с Райтом и Ирвингом Ливен вел в 1825 г. переговоры о польском займе – см. выше), но к тому времени Гоппе и Ко уже начали операцию, и Четвертый 5 %-й заем был выпущен в Амстердаме через Гоппе и Ко по цене 87,02 за 100 [Бржеский, 1884, с. 197].

Информация источников о реализованных и несостоявшихся внешних займах России свидетельствует о том, что в периоды турбулентности на рынках капиталов во время войн первой трети XIX в. и революции 1830 г. услуги правительству предлагали не только первоклассные банкиры, но и фирмы с более слабым кредитом. Финансовая администрация России, со своей стороны, стремилась сохранять стабильные многолетние связи с традиционными рынками, с лучшими из иностранных финансистов. В деятельности придворного банкира Л. Штиглица мы видим связь посредничества в сфере русского государственного кредита с внешнеторговыми оборотами его фирмы. В 1831 г. гамбургские капиталисты предложили использовать в качестве залога под заем не таможенные доходы русских балтийских портов (что было распространенной практикой), а всю совокупность экспортной казенной меди, которая должна была быть сосредоточена в руках торгового дома Л. Штиглица. Во всяком случае по меньшей мере с 1838 г. (дата первого письма паришскому дому Ротшильдов, с которыми мы ознакомились, но далеко не первого по времени), Штиглиц отправлял большие партии штыковой меди на свой и на общий с Ротшильдами счет³⁶, которые стали к середине XIX в. мировыми банкирами и крупнейшими торговцами металлами (медью и никелем), а также инвесторами в транспортную инфраструктуру многих стран, в том числе России. И, несмотря на рост финансового значения Лондона с начала XIX в. и постепенного упадка Амстердама, попытки британских конкурентов подорвать монопольное положение банкиров Гоппе и Ко в выпуске русских займов в начале 1830-х гг. не достигали цели.

Список литературы

- Ананьич Б. В.** Россия и международный капитал. 1897–1914. Л.: Наука, 1970. 316 с.
- Ананьич Б. В., Лебедев С. К.** Контора придворных банкиров в России и европейские денежные рынки (1798–1811 гг.) // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С. 125–147.
- Ананьич Б. В., Лебедев С. К.** Международные банковские консорциумы для выпуска облигаций российских железнодорожных обществ до 1914 года // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 434–460.
- Блиох И. С.** Финансы России XIX столетия. История – статистика. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. Т. 1. 292 с.
- Бржеский Н.** Государственные долги России. Историко-статистическое исследование. СПб.: Типо-лит. А. М. Вольфа, 1884. 360 с.
- Лебедев С. К.** С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М.: РОССПЭН, 2003. 528 с.
- Лебедев С. К.** Англо-русская экспедиция в Голландию 1799 г. Дневник участника из России // Санкт-Петербург – Нидерланды: XVIII–XXI вв. СПб., 2013. С. 417–442.
- Лизунов П. В.** Петербургские купцы, фабриканты и банкиры Штиглицы. СПб.: Алетейя, 2014. 608 с.

³⁵ РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 27. Л. 37 – 41 об., 46.

³⁶ Только судя по одному письму, Штиглицы отгрузили на корабли 4 700 пудов меди в порты Европы (L. Stieglitz & Co – Rothschild frères, 21.6. 1838 (н. ст.) // Коллекция Е. В. Ширяева.

Мы благодарим Е. В. Ширяева, позволившего ознакомиться с его коллекцией писем Л. Штиглица паришскому дому Ротшильдов. Архив Rothschild frères был частично разграблен во время германской оккупации Парижа в период Второй мировой войны, и часть документов попала на антикварный рынок.

- Лизунов П. В.** Банкиры Российского императорского двора второй половины XVIII – начала XIX в. // Экономическая история: Ежегодник. 2022. М., 2023. С. 173–229.
- Марней Л. П.** Финансовая политика России в первой четверти XIX века // Экономическая история: Ежегодник. 2001. М., 2002. С. 117–171.
- Марней Л. П.** Проекты М. М. Сперанского и их роль в развитии финансов Российской империи в первой половине XIX в. // Петербургский исторический журнал. 2023. № 2 (38). С. 145–154.
- Мигулин П. П.** Русский государственный кредит (1769–1899). Опыт историко-критического обзора. Харьков: Типо-лит. «Печатное Дело» кн. К. Н. Гагарина, 1899. Т. 1. 626 с.; 1900. Т. 2. 594 с.; СПб., 1901. Т. 3, вып. 1. 438 с.
- Министерство финансов. 1802–1902. СПб.: Экспед. заготовки гос. бумаг. 1902. Ч. 1. 640 с.
- Нормано Дж. Ф. (Левин И. И.).** Дух российской экономической науки // Левин И. И. Акционерные коммерческие банки в России. М., 2010. С. 359–511.
- Правилова Е. А.** Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М.: Нов. изд-во, 2006. 456 с.
- Русские финансы и европейская биржа в 1904–1906 гг. / Материал подгот. к печати Б. А. Романовым. М.; Л.: Моск. рабочий, 1926. 400 с.
- Романов П. К.** «Мысль Вашу я понимаю совершенно...»: роль М. М. Сперанского в процессе подготовки денежной реформы 1839–1843 гг. // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3 (39). С. 175–187.
- Томпстон С. Р.** Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование / [Пер. с англ. Ю. А. Петрова]. М.: РОССПЭН, 2008. 471 с.
- Цвайнерт Й.** История экономической мысли в России, 1805–1905. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2008. 410 с.
- Buist M. G.** At spes non fracta. Hope & Co., 1770–1815: Merchant Banker and Diplomats at Work. The Hague: Springer, 1974. 724 p.
- Cassis Y.** Les Capitales du Capital. Histoire des places financières internationales 1780–2005. Genève: Éditions Slatkine, 2006. 455 p.

References

- Ananich B. V.** Rossiya i mezhdunarodnyi kapital. 1897–1914 [Russia and International Capital. 1897–1914]. Leningrad, Nauka, 1970, 316 p. (in Russ.)
- Ananich B. V., Lebedev S. K.** Kontora pridvornyykh bankirov v Rossii i evropeiskie denezhnye rynki (1798–1811 gg.) [Office of Court Bankers in Russia and European Money Markets (1798–1811)]. In: Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii [Problems of the Socio-economic History of Russia]. St. Petersburg, 1991, pp. 125–147. (in Russ.)
- Ananich B. V., Lebedev S. K.** Mezhdunarodnye bankovskie konsortsiumy dlya vypuska obligatsii rossiiskikh zheleznodorozhnykh obshchestv do 1914 goda [International Banking Consortia for Issuing Bonds of Russian Railway Companies before 1914]. In: Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii XIX–XX vekov [Problems of Socio-economic and Political History of Russia in the 19th – 20th Centuries]. St. Petersburg, 1999, pp. 434–460. (in Russ.)
- Blioch I. G.** Finansy Rossii v XIX stoletii. Istoriya – statistika [Finances of Russia in the 19th Century. History – Statistics]. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1882, vol. 1, 292 p. (in Russ.)
- Brzhesky N.** Gosudarstvennye dolgi Rossii. Istoriko-statisticheskoe issledovanie [Government Debts of Russia. Historical and Statistical Research]. St. Petersburg, Tipolitografiya A. M. Volfa, 1884, 360 p. (in Russ.)
- Buist M. G.** At spes non fracta. Hope & Co., 1770–1815: Merchant Banker and Diplomats at Work. The Hague, Springer, 1974, 724 p.

- Cassis Y.** Les Capitales du Capital. Histoire des places financières internationales 1780–2005. Genève, Éditions Slatkine, 2006, 455 p.
- Lebedev S. K.** Sankt-Peterburgskii Mezhdunarodnyi kommercheskii bank vo vtoroi polovine XIX veka: evropeiskie i russkie svyazi [St. Petersburg International Commercial Bank in the 2nd Half of the 19th Century: European and Russian Connections]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003, 528 p. (in Russ.)
- Lebedev S. K.** Anglo-russkaya ekspeditsiya v Gollandii v 1799 g. Dnevnik uchastnika iz Rossii [Anglo-Russian Expedition to Holland in 1799. Diary of a Participant from Russia]. In: Sankt-Peterburg – Niderlandy: XVIII–XXI vv. [St. Petersburg – Netherlands: 18th – 21st Centuries]. St. Petersburg, 2013, pp. 417–442. (in Russ.)
- Lizunov P. V.** Peterburgskii kuptsy, fabrikanty i bankiry Stieglitzy [St. Petersburg Merchants, Manufacturers and Bankers Stieglitz]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2014, 608 p. (in Russ.)
- Lizunov P. V.** Bankiry russkogo imperatorskogo dvora vo vtoroi polovine XVIII – nachale XIX v. [Bankers of the Russian Imperial Court of the 2nd Half of the 18th – Early 19th Century]. In: Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik. 2022 [Economic History: Yearbook. 2022]. Moscow, 2023, pp. 173–229. (in Russ.)
- Marney L. P.** Finansovaya politika Rossii v pervoi chetverti XIX veka [Financial Policy of Russia in the 1st Quarter of the 19th Century]. In: Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik. 2001 [Economic History: Yearbook. 2001]. Moscow, 2002, pp. 117–171. (in Russ.)
- Marney L. P.** Proekty M. M. Speranskogo i ikh rol' v razvitii finansov Rossiiskoi imperii v pervoi polovine XIX veka [The Role of Michael Speransky's Projects in the Finance Development of the Russian Empire in the 1st Half of the 19th Century]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [Saint-Petersburg Historical Journal], 2023, no. 2 (38), pp. 145–154. (in Russ.)
- Migulin P. P.** Russkii gosudarstvennyi kredit (1769–1899). Opyt istoriko-kriticheskogo obzora [Russian Debt (1769–1899). Experience of Historical-critical Review]. Kharkov, Tipolitografiya "Pechatnoe Delo" knyazya K. N. Gagarina, 1899, vol. 1, 626 p.; 1900, vol. 2, 594 p.; St. Petersburg, 1901, vol. 3, iss. 1, 438 p. (in Russ.)
- Ministerstvo finansov. 1802–1902 [Ministry of Finance. 1802–1902.]. St. Petersburg, Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1902, pt. 1, 640 p. (in Russ.)
- Normano J. F. (Levin I. I.)** Dukh russkoi ekonomicheskoi nauki [The Spirit of Russian Economics]. In: Levin I. I. Aktsionernye kommercheskie banki v Rossii [Joint-Stock Commercial Banks in Russia]. Moscow, 2010, pp. 359–511. (in Russ.)
- Pravilova E. A.** Finansy imperii: den'gi i vlast v politike Rossii na natsional'nykh okrainakh, 1801–1917 [Finances of Empire: Money and Power in Russian Politics on the National Borderlands, 1801–1917]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006, 456 p. (in Russ.)
- Romanov P. K.** "Mysl' Vashu ya ponimayu sovershenno...": rol' M. M. Speranskogo v protsesse podgotovki denezhnoi reformy 1839–1843 gg. ["I Understand Your Idea Completely...": The Role of M. M. Speransky in the Process of Preparing the Monetary Reform of 1839–1843]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [Saint Petersburg Historical Journal], 2023, no. 3 (39), pp. 175–187. (in Russ.)
- Russkie finansy i evropeiskaya birzha v 1904–1906 gg. [Russian Finance and the European Stock Exchange in 1904–1906]. Prep. for publ. by B. A. Romanov. Moscow, Leningrad, Moscovskii rabochii Publ., 1926, 400 p. (in Russ.)
- Thompson S. R.** Rossiiskaya vneshnyaya trgovlya XIX – nachala XX v.: organizatsiya i finansirovanie [Russian Foreign Trade of the 19th – Early 20th Centuries: Organization and Financing]. Trans. by Yu. A. Petrov. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 471 p. (in Russ.)
- Zweinert J.** Istoriya ekonomicheskoi mysli v Rossii, 1805–1905 [History of Economic Thought in Russia, 1805–1905]. Moscow, GU VSHE Publ., 2008, 410 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Сергей Константинович Лебедев, доктор исторических наук
WoS Researcher ID AAO-4266-2020

Information about the Author

Sergey K. Lebedev, Doctor of Sciences (History)
WoS Researcher ID AAO-4266-2020

*Статья поступила в редакцию 22.04.2024;
одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 30.07.2024
The article was submitted on 22.04.2024;
approved after reviewing on 10.07.2024; accepted for publication on 30.07.2024*

Научная статья

УДК 94(47).073+336

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-57-68

Проблема внутреннего обращения иностранной монеты в России в 30-е годы XIX века

Павел Константинович Романов

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

pavel81292@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-8199-1728>

Аннотация

Рассматриваются проблемы внутреннего обращения иностранной монеты и ее взаимосвязи с российской валютой в 30-е гг. XIX в. Анализируется подход финансового управления к главной проблеме – корреляции курсов российской и иностранных монет и возможности допуска зарубежных валют в официальные сделки. В статье делается вывод о том, что финансовое управление во главе с Е. Ф. Канкриным не рассматривало обращение иностранной монеты как угрозу для российской денежной системы и не желало принимать кардинальных мер, за исключением отдельных персоналий во главе с императором Николаем I.

Ключевые слова

Николай I, Е. Ф. Канкрин, иностранная монета, ассигнации, российская монета

Для цитирования

Романов П. К. Проблема внутреннего обращения иностранной монеты в России в 30-е годы XIX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 57–68. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-57-68

The Problem of Internal Circulation of Foreign Coins in Russia in the 1830s

Pavel K. Romanov

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russian Federation

pavel81292@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-8199-1728>

Abstract

The monetary circulation of the Russian Empire in the 1st half of the 19th century went through several stages: from silver monometallism to the assignation monetary system and back to silver monometallism. The assignation monetary system, established in 1812, represented a unique phenomenon of world monetary circulation. The issue of internal circulation of foreign coins persisted throughout this period. Despite the prohibition of the internal circulation of foreign coins at the inception of the first silver monometallism in 1810, this regulatory decree was not consistently enforced, leading to the illicit circulation and accumulation of foreign coins. The 1830s emerged as a pivotal period during which the challenges associated with internal circulation significantly disrupted monetary turnover. Notwithstanding these obstacles, the financial management, led by Finance Minister E. F. Kankrin, demonstrated reluctance to implement drastic measures. The analysis concludes that the financial management under E. F. Kankrin did not perceive the circulation of foreign coins as a substantial threat to the Russian monetary system and exhibited hesitation in pursuing radical interventions, save for certain individuals aligned with Emperor Nicholas I.

© Романов П. К., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 57–68

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 57–68

Keywords

Nicholas I, E. F. Kankrin, foreign coin, assignats, Russian coin

For citation

Romanov P. K. The Problem of Internal Circulation of Foreign Coins in Russia in the 1830s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 57–68. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-57-68

В 30-е гг. XIX в. в России действовала ассигнационная денежная система, основанная на положениях манифеста 9 апреля 1812 г., главным постулатом которого был пункт: «Во всем пространстве империи счеты и платежи с издания сего основывать на государственных банковых ассигнациях» (ПСЗ-I, 1830, т. 32, № 25080, с. 281). При этом финансовое управление поощряло выпуск монет из благородных металлов. Министр финансов Д. А. Гурьев в 1818 г. отмечал: «У нас дальнейшее умножение звонкой монеты в обращении необходимо» (Архив Государственного Совета, 1881, стб. 584).

Сменивший Д. А. Гурьева в 1823 г. на посту министра финансов Е. Ф. Канкрин продолжил развивать данную тенденцию. Вместе с тем ассигнационный массив был зафиксирован в 1817 г. и со следующего года эмиссия ассигнаций прекратилась. В 1818–1822 гг. проводилась кампания по их изъятию из обращения. Совокупность данных предприятий спровоцировала распространение монет во внутреннем денежном обращении и, как следствие, понижение их ценности, тогда как ассигнации начали медленно дорожать.

Параллельно с российской валютой в обращении находилось значительное количество монет других государств, помимо региональных выпусков, которые также воспринимались современниками как иностранная монета. В разных регионах Российской империи, в зависимости от их экономического развития и географического положения, во внутреннем обращении циркулировали в разных объемах монеты различных государств, номиналов и эпох. При этом точного представления о количестве и ценности иностранных монет у финансового управления не существовало. Наглядным примером этого может стать прецедент при сборе сведений о ценности турецкой монеты, когда было необходимо получить контрибуцию по результатам Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. На запрос Е. Ф. Канкринина управляющий Одесской конторой Коммерческого банка П. И. Шмит отвечал: «Хотя монеты сии куплены по курсу, существующему в Одессе, но таковой курс, по изъяснению одесского гоф-маклера, никогда не бывает постоянен: понижается, когда желают продать, и возвышается, когда ищут купить, и что при всем моем старании я не мог приискать большего количества сих монет, ибо с некоторого времени перестали они быть в общем обращении»¹. Однако к 1830-м гг. экономическое развитие России, увеличение потребности в денежных знаках обусловили увеличение масштабов внутреннего обращения иностранных денег. М. М. Сперанский отмечал: «Как скоро ассигнации начали возвышаться, появились везде во внутренних наших губерниях значительные массы серебра и золота, и своего, и иностранного; особливо с 1831 г., на всех ярмарках везде было серебро и золото и весьма мало ассигнаций» (Сперанский, 1895, с. 25).

При этом участие иностранных монет в официальных операциях было запрещено еще в манифесте 20 июня 1810 г. В параграфе 19 отмечалось: «С сего времени, то есть с 1811 года, счет на иностранную монету, как-то: на ефимки, талеры, злотые и тому подобное, во всех делах внутренних прекращаются» (ПСЗ-I, 1830, т. 31, № 24264, с. 217). В параграфе 21 было следующее положение: «С 1812 года ход и привоз иностранной мелкой разменной монеты, под общим именовании биллона известной, вовсе запрещается» (ПСЗ-I, 1830, т. 31, № 24264, с. 217). Однако, как показала практика, данные положения негласно игнорировались, что зафиксировано в представленной в Государственный совет 18 декабря 1833 г. записке Е. Ф. Канкринина: «Примером тому может служить билон в Остзейских и некоторых западных губерниях, обращение которого запрещено в 1812 г., несмотря на многократные

¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 3. Д. 465. Л. 7 – 7 об.

повторения и на самую конфискацию, низкопробная монета не переставала быть в ходу, и наконец, правительство в 1827 г., убедившись в бесполезности всех принятых против того мер, предоставило на волю каждому принимать оную, наблюдая только с своей стороны за не ввозом оной вновь»².

Параллельно с проблемой ввоза зарубежных денежных знаков регулярно обострялся вопрос внутренней корреляции курсов российских и иностранных монет, ценность которых зачастую сильно разнилась. А. Д. Друян отмечал: «Распространение иностранной монеты по курсу, не соответствующему ее внутренней стоимости, имело чрезвычайно важный и, быть может, неожиданный для купцов результат: начался рост лажа, или, иначе говоря, рост “монетной оценки” серебряного рубля и вообще монеты российского чекана» [Друян, 1941, с. 14]. И. И. Кауфман подчеркивал: «Лажи существовали не только на монету и на ассигнации, но существовали отдельные лажи на различные виды монеты и на ассигнации различных достоинств. И все эти многообразные лажи в различных местностях были различные, разнообразясь до бесконечности» [Кауфман, 1909, с. 84]. Простонародные курсы и лаж являлись такими изъянами ассигнационной денежной системы, которые правительству было необходимо постоянно контролировать. Они способствовали развитию спекуляций, от чего страдали по большей части крестьяне, составлявшие основную часть податного населения Российской империи, а также подрывали основы ассигнационной денежной системы, всё менее соответствовавшей актуальным веяниям в мире российских финансов. Осложнял контроль со стороны правительства и тот факт, что зарубежные деньги циркулировали в частных сделках и фактически на добровольной основе. Таким образом, к 1830-м гг. перед финансовым управлением возникла проблема внутреннего обращения иностранной монеты, которую нужно было решить таким образом, чтобы поддерживать охранительный тон экономической политики Е. Ф. Канкрин.

Сам же глава министерства финансов Е. Ф. Канкрин смотрел на проблему обращения иностранной монеты так же, как и на простонародные курсы и лаж. Он считал их обусловленными социальным фактором, созданными деятельностью спекулянтов и менял, не требующих риска и кардинальных перемен в финансовом устройстве. Свои мысли министр финансов ясно изложил в докладе Николаю I, сделанном 14 мая 1834 г.: «1. При возрастающем благосостоянии России без сомнения народные сделки требуют большей массы денег. Недостаток их по мере потребности и при выгодной заграничной торговле, постепенно дополняется иностранной монетой. Сие имеет место уже многие годы; разность состоит только в том, что прежде иностранная монета поступала на Монетный двор для перечека, а в течение последних годов спекуляторы, с помощью простонародных курсов и пользуясь легковерием простого народа, а часто обманывая и притесняя оный, успели пустить сию монету в общее обращение по высшей против ее достоинства цене, каковое превосходство у французских 20-ти франковых монет составляет до 16-ти копеек золотом. Злоупотребление другого рода состоит в том, что в Москве платили простому народу маловесными червонцами или так называемыми арабчиками, что, однако, должно признать обстоятельством отдельным... 4. Хождение иностранной монеты само по себе не есть важное неудобство, особливо теперь, когда обращение их более и более уравнивается с их достоинством, и главные убытки уже понесены. Вся запутанность в денежном обращении происходит от простонародных курсов, то есть, что серебряному рублю не дается курс биржевой, а умственный с прибавлением лажа на ассигнации, хотя, впрочем, по расчету простонародные курсы подходят весьма близко к биржевым»³.

Как видно, он даже расценивал расширение объемов обращения иностранных монет как показатель экономического благосостояния России, что не лишено оснований. В историографии также имеется направление, рассматривающее обращение иностранной монеты как положительный признак состояния российской экономики. П. П. Мигулин отмечал: «Этой

² РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 754. Л. 11 об. – 12.

³ ОР РНБ. Ф. 484. Д. 77. Л. 2–4.

последней поступило к нам (из заграницы) за 20 лет с 1814–1834 гг. 522 милл. золотом и серебром; наглядное доказательство благоприятного в это время для России торгового и платежного балансов» [Мигулин, 1896, с. 15]. А. Д. Друян также связывал положительный торговый баланс с увеличившимся объемом ввоза иностранной монеты. Он приводит следующие данные: превышение ввоза над вывозом составило в 1829–1834 гг. 25,9 млн руб. ассигнациями, тогда как в период 1825–1829 гг. оно составляло 4,3 млн руб. [Друян, 1941, с. 14]. Современный исследователь А. Н. Дубянский в работе, посвященной деятельности Е. Ф. Канкрин, в качестве одной из причин прилива иностранной монеты в Россию выделил выгодный процент по депозитам в российских банках [Дубянский, 2019, с. 106].

При этом отдельных исследований, посвященных проблеме внутреннего обращения иностранных монет в 1830-е гг., выявить не удалось. В работах с привлечением широкого круга историографии, посвященных отношениям Е. Ф. Канкрин с императором Николаем I, его деятельности на посту министра финансов и экономическим взглядам, вопрос внутренних оборотов иностранной монеты не освещен [Мухамедина, 2012; Мондэй, 2014].

Однако в 1830-е гг. внутренние обороты иностранной монеты становились всё более проблематичными. Отрицательный эффект превалировал над положительным из-за стремительного роста разности курсов. 28 июля 1833 г. министр финансов делал доклад императору, в котором было отмечено, что «Московские купцы, в числе 19 человек, в прошении к министру финансов изъясняют, что непомерно распространившееся количество иностранных золотых и особенно французских 40 и 20 франковых монет, произвело в делах коммерческих перемену и стеснение: лаж на ассигнации в Москве возвысился до 12 ½ %, а иностранная монета, на покупку которой ассигнации извлекаются из внутреннего обращения, до того умножилась, что российской золотой и серебряной монеты почти совсем не видно по торговле. По сим обстоятельствам кредит сокращается; ибо продавец не желает получать монету за товар, а покупатель не смеет дать обязательства на ассигнации, которые в продолжение 7 месяцев возвысились на 2 ½ %. Столь значительная разность в цене ассигнаций против обыкновенного хода монеты и частое значительное изменение лажа весьма затрудняют всякое коммерческое предприятие. По мнению московских купцов, сего бы не должно последовать, если бы выгода отпускать российскую монету за границу и получать вместо оной иностранную низшего достоинства, не понуждали некоторых негоциантов заниматься сим торгом по преимуществу»⁴. На просьбу московского купечества запретить свободное обращение иностранной монеты Е. Ф. Канкрин высказался против данной меры, ссылаясь на то, что он «в ожидании, что иностранная монета, чрез частые предостережения, мало по малу придет в настоящую соразмерность с ее ценностью, полагал бы за лучшее воздержаться от принятия каких-либо по сему предмету мер»⁵. В том же году для информирования подданных и снижения спекулятивного движения был опубликован табель с внутренними курсами на иностранную монету (ПСЗ-II, 1834, т. 8, № 6273, с. 364–365).

Сделанные шаги не способствовали решению проблем. Данный вопрос стал предметом пристального внимания императора. Николай Павлович велел Особому комитету рассмотреть вопрос о полном запрещении внутреннего обращения иностранной монеты, хотя бы временно, но Комитет на заседании 18 августа 1833 г. солидаризировался с позицией министра финансов. Однако император в 30-е гг. XIX в. уже не был дилетантом в вопросах финансов и пытался разобраться в денежном устройстве, знакомясь с разнообразными мнениями, сам. Результатом этого стало представление первого из зафиксированных авторских проектов императора, датированного 18 декабря 1833 г. Данный проект рассматривался на заседании Государственного совета 31 декабря 1833 г. Николай I предлагал: «1. Запретить решительно ввоз всякой иностранной монеты, кроме голландских обыкновенных червонцев. 2. Вместе с тем объявить срок, к которому ход иностранной монеты решительно запретить во всей империи. 3. Назначить размен оной по действительной стоимости массами не менее

⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 754. Л. 2 – 2 об.

⁵ Там же. Л. 4 об. – 5.

100 р. серебром и не выменивать на ходячую монету или на ассигнации, но на билеты Государственного казначейства. 4. Всю выменянную монету обращать в Монетный двор для перчеканки. 5. Так как нет сомнения, что в простом народе за сим останется еще помянутая монета, то по прошествии некоторого времени, когда по всему вероятно внос на обмен больших сумм прекратится или значительно уменьшится, объявить дозволение выменивать и меньшие суммы и до 5 руб., дабы сим способом извлечь и остальную иностранную монету. Мне кажется, что способ сей прост, облегчителен для всех и выгоден будет для казначейства»⁶.

В данном проекте заметны последовательность, осторожность и системность при проведении преобразования, характерные для государственной деятельности Николая Павловича. Однако Государственный совет отклонил предложение императора, ориентируясь на позицию Е. Ф. Канкрин. Министр финансов аргументировал свое несогласие тем, что «назначение определенного срока для обмена помянутой монеты на российскую сопряжено также с большими неудобствами: ибо, с одной стороны, нет сомнения, что одно объявление сего срока произвело бы весьма чувствительное понижение цены на иностранную монету, и все те, у которых она ныне находится на руках, не имея возможности отдать оную, или в С. Петербурге прямо на Монетный двор, или в Москве в Пробирную палату, принуждены были бы продавать ее менялам даже ниже внутреннего ее достоинства, а с другой стороны, Монетный двор, будучи не в состоянии удовлетворять в скором времени всех приносителей, так как вся масса иностранных монет, в России находящихся, неизвестна, должен был бы назначать для платежей отдаленные сроки, что возбудило бы вящее неудовольствие в публике»⁷.

Точных сведений собрано не было, что усложнялось неофициальностью обращения иностранных монет. Однако попыток сбора таких сведений министерством финансов не зафиксировано. Относительно выкупа иностранной монеты Е. Ф. Канкрин также занимал категоричную позицию. Он отмечал, что «на билеты казна обязана платить проценты, между тем как выкупленные на оные иностранные монеты должны бы оставаться долгое время без обращения»⁸. При этом выкупать зарубежные монеты на беспроцентные бумаги министр финансов также не был согласен, парируя отсутствием интереса у публики к такой операции. Это нашло отражение в его дискуссии по этому поводу с К. Ф. Друцким-Любецким, который предлагал создать особое учреждение для обмена иностранной монеты с фиксированным курсом, «чтобы все сословия в государстве нашем заблаговременно могли знать разницу внутреннего достоинства монет иностранных в сравнении с нашей и ведали бы, о том, что за иностранную могут получить всегда, по мере стоимости ее, нашу звонкую монету или ее представителя»⁹.

Также К. Ф. Друцкий-Любецкий допускал открытие эмиссии ассигнаций ради выкупа иностранной монеты из обращения и считал, что «предшествовавшие узаконения сему не препятствуют»¹⁰. На это Е. Ф. Канкрин парировал выдвинутым им предложением о наложении пошлины в 1 % на привозимую иностранную монету для уменьшения внутренней ценности зарубежных монет, которая до этого времени ввозилась беспошлинно, что выступало, по мнению Е. Ф. Канкрин, поводом к спекуляциям. Однако Департамент экономии настоял на сохранении свободного размена, не согласившись на введение пошлины: «...установление сей пошлины, не говоря о некотором доходе казны, быв слабым противодействием монетным спекуляциям, подстрекаемым выгодой большого лажа, возродило бы только покушение тайного ввоза, что учреждение сей пошлины и неразлучные с оной меры фискальства послужили еще к стеснению благонамеренных иностранных покупателей, привозящих за наши товары серебро и золото, и, может быть, отзывались бы понижением цены

⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 754. Л. 12 об. – 13.

⁷ Там же. Л. 14 об.

⁸ Там же. Л. 15.

⁹ ОР РНБ. Ф. 484. Д. 55. Л. 11 об. – 12.

¹⁰ Там же. Л. 14.

их товаров»¹¹. Таким образом, министр финансов отмечал: «Министерство финансов не было против обмена, и предложение князя Любецкого, если не клонится к принужденному обмену, не заключает в себе ничего нового. Я даже согласился в Государственном совете доставить в Москву значительную сумму денег российского чекана для вымена, но приметить должно, что обмен иностранной монеты на российскую не представляет приносителям вообще какой-либо пользы, а тем, кои приняли сию монету свыше ее достоинства, убыток»¹². Также глава финансового ведомства был против учреждения особого банка для обмена иностранной монеты, «ибо учредить банк, который бы выпускал бумажные деньги и по востребованию выменивал бы их на иностранную монету, значило бы не истребить сию монету из обращения, а дать оной гражданство; и что делать с той монетой, которая будет вновь прибывать? К особенным и непреодолимым затруднениям такового предположения принадлежит и то, что иностранные деньги суть разного звания и достоинства и что нет возможности делать обмен в пятистах казначействах, если же оный делать на некоторых токмо пунктах, то сие будет вредно кредиту сих бумаг»¹³.

В приведенном выше фрагменте министр финансов поднял еще одну важную проблему – корреляции курсов российской и иностранной монеты. В обращении находились деньги разных эпох, пробы, веса и изношенности, что также влияло на их внутреннюю ценность. При этом иностранная монета фигурировала неофициально в частных операциях на таких же условиях и часто принималась тождественно с российской, хотя качество таких монет зачастую было значительно хуже. Данная проблема ярко представлена в работе известного купца В. А. Кокорева, который был противником денежной реформы 1839–1843 гг. в том числе из-за превышения качества российских монет над иностранными: «И потекла русская жизнь широкой, но мутной струей по графе расхода, и стали мы жить, признавая наименьшим знаком ценности рубль серебра; тогда как Франция жила и ныне живет, несмотря на богатство ее почвы, приносящей доходность четыре раза в год (виноград, шелковицу, пшеницу и фрукты) на единицу (франк), сравнительную с нашим четвертаком, т. е. в 25 копеек ценности; а Германия на единицу (марка), равняющуюся нашим трем гривенникам. И стали наши меняльные столы на столичных, губернских и уездных рынках, обремененные массою екатерининских империалов и полуимпериалов и французских (по тогдашнему народному выражению) золотых лобанчиков и горами петровских и екатерининских целковых и австрийских талеров, освобождаться от этих тяжелых грузов, и потекли эти грузы туда, где завистливо смотрели на богатства России, и зажили мы бойко, весело, укладывая в карманах не тяжелые ноши золота и серебра, а легкие бумажные знаки кредитных билетов» (Кокорев, 2005, с. 19–20).

Что касается фиксации твердого курса иностранных монет, то и здесь министр финансов получил поддержку Государственного совета еще при обсуждении данного вопроса на заседании 31 декабря 1833 г.: «...важные затруднения встречаются для допущения к приему иностранной монеты в платеж податей; ибо для сего надлежало бы определить сей монете постоянную цену, соразмерно с внутренним ее достоинством; но таковая цена была бы крайне убыточна для тех, которые приняли оную по высшей цене, и потому каждый стал бы всячески уклоняться от взноса оной в казну»¹⁴. Данный аргумент финансового управления можно считать наиболее обоснованным, что будет доказано впоследствии результатом поступлений иностранной монеты в казну.

Следующий тезис, который использовался Е. Ф. Канкриным и Государственным советом при их сопротивлении решительным шагам по исследуемой проблеме, была практика приема иностранной золотой монеты на вес. На заседании Государственного совета 11 июня 1834 г. отмечалось, что «иностранная монета не признана законом ходячей в России, не принимает-

¹¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 754. Л. 19.

¹² ОР РНБ. Ф. 484. Д. 77. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 10 об. – 11.

¹⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 754. Л. 14.

ся в платежи ни в казну, ни в кредитные установления и потому обращается у нас собственно в виде товара, что червонцы, как и вообще золотая монета, в целом свете принимается на вес, — доказательство, что нигде не существует уверенности в неизменности их веса, который независимо от порчи умышленной, подвергается уменьшению и от естественной причины, от долговременного обращения»¹⁵. Из приведенного фрагмента еще раз можно сделать вывод о том, что финансовое управление в целом не видело значительного ущерба для государства, как и министр финансов, считая, что такая монета обращается только в частных сделках, т. е. по взаимному согласию, а значит, не является причиной для кардинальных перемен в денежном обращении. В связи с этим 23 июня 1834 г. вышел сенатский указ, согласно которому подтверждалась необязательность участия иностранных монет в финансовых операциях, оно допускалось только по взаимному желанию сторон (ПСЗ-II, 1835, т. 9, № 7218, с. 654–655). Таким образом, следует заключить, что в 1820–1830-х гг. финансовое управление с разной долей обоснованности причин было против серьезных изменений в устройстве обращения иностранной монеты и предлагало оперировать исключительно контролем и некоторыми паллиативными мерами, за исключением отдельных персоналий во главе с императором Николаем I, которые на тот момент были вынуждены отступить.

Несмотря на то, что финансовое управление старалось публиковать сводные таблицы с курсами и по возможности изымать иностранную монету по внутренней ее ценности на рубли, отправлять на Монетный двор для апробации и передела в российскую монету, всё более отчетливо становилось, что данных мер недостаточно, и причины жалоб продолжали оказывать негативный эффект. В связи с этим 25 июня 1834 г. вышел именной указ, дозволявший «по всем уездным казначействам прием от тех, которые пожелают, в счет следующих платежей по податям: подушной, на водяные и сухопутные сообщения, оброчной и за право винокурения, иностранной монеты до третьей части временно, на один год, с 1-го сентября сего 1834 по 1-е сентября 1835 года, по тем ценам и на тех условиях, кои в прилагаемой таблице изложены, или с будущего года при установлении податного курса означены будут» (ПСЗ-II, 1835, т. 9, № 7221, с. 656). При этом стоит подчеркнуть, что фразу «от тех, которые пожелают» добавил лично император Николай в монаршей резолюции на журнале Финансового комитета 22 июня 1834 г.¹⁶ Данное уточнение является дополнительным штрихом к портрету императора, желавшего проводить свои преобразования осторожно и последовательно. Как уже было сказано, будучи сторонником решительных изменений, но в то же время прекрасно понимая неофициальность хождения иностранных монет, император желал подчеркнуть добровольность объявленной кампании и увидеть промежуточный результат.

Если по поводу проекта императора 1833 г. об изъятии иностранных монет объяснения Е. Ф. Канкрин носили скорее охранительно-предположительный характер в связи с боязнью долгового обременения государства, то в вопросе приема монет в казну по обозначенному государством курсу позиция императора во многом совпадала с ранее озвученными доводами его оппонентов о необходимости добровольности такой операции в связи с возможными убытками для населения. Как видно из журнала Комитета министр финансов с трудом решился на принятую меру. «Впрочем, он не может не приметить, что на таковой прием решается только потому, что между тем успел он придумать некоторые особые обороты»¹⁷. В связи с этим можно предположить, что император вновь поднимал вопрос о выкупе иностранной монеты, так как в журнале заседания Комитета, которое проходило в монаршем присутствии, зафиксировано, что Е. Ф. Канкрин вновь категорически отверг идею выкупа иностранной монеты на процентные бумаги, боясь возрастания казенного обременения. «Что касается до предположения выменивать сверх того сии деньги на билеты Государственного казначейства или на какие-либо депозитальные билеты, то надлежит взять в уважение, что мера сия сопряжена с платежом процентов, кои пожирают в 25 лет самый капитал, и что если

¹⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 754. Л. 21.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 484. Д. 79. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 6.

бы смотреть на сию меру, как на средство для составления запаса звонкой монеты, то по опытам в министерстве финансов известно, что в военное время всегда труднее было доставать бумажные деньги на множество чрезвычайных внутренних расходов, нежели металлы. Кроме того в настоящее время, когда выпускаются 4 серии новых билетов и 2 серии старых еще не выменаны, представляется неудобным умножить вновь количество бумажных знаков ценности; почему безопаснее обождать последствий вымена иностранной монеты на наши звонкие деньги и приема их в подати. Выпустить же таковые билеты без процентов значило бы просто умножить массу не фондированных ассигнаций»¹⁸. В юбилейном издании министерства финансов отмечено, что данный указ был принят «для ускорения передела в российскую монету находившейся в огромном количестве в народном обращении монеты иностранной» [Министерство финансов..., 1902, с. 235]. Это утверждение также не соответствовало представлениям финансового управления 1830-х гг. об умеренных объемах иностранных монет внутри России.

Согласно указу 25 июня 1834 г. было решено, что иностранная золотая монета будет приниматься в подати весом, а серебряная – по внутреннему курсу, а далее вся масса направляться в Монетный двор для передела в российскую монету. Это поставило перед финансовым управлением задачу решить вопрос о ремедиуме иностранных денег. 24 июня 1834 г. начальник Санкт-Петербургского Монетного двора Е. И. Еллерс относился к товарищу министра финансов Ф. П. Вронченко: «Ведомость иностранным золотым и серебряным монетам поверена на Монетном дворе в отношении к весу, пробе и цене и оказалась согласна с выведенным по опытам Монетного двора средним внутренним достоинством каждой монеты. О ремедиуме в означенных иностранных монетах точного сведения по Монетному двору не имеется. По сему предмету считаю долгом изложить некоторые соображения. При выделке нашей монеты допускается ремедиум у полуимпериала одна доля = 3, 39 коп. золотом, или 0,67 %, у рубля 4 доли = 0,85 коп. серебром, или 0,85 % более или менее против узаконенного веса; сим вес ее при выпуске в народное обращение уравнивается. Таковой ремедиум можно бы принять в основание и для приема иностранной монеты, но как она назначается не для обращения, а для передела в российскую монету, то должна быть записываема по Монетному двору в приход как металл, т. е. тем весом и пробой, какие в принятой монете действительно окажутся. Если при приеме ее допустить ремедиум, то предположить можно, что будут приносить большей частью монету такую, которая легче означенного в ведомости веса. Казна понесет в сем случае неминуемый убыток. К отвращению сего было бы полезнее не допускать ремедиума при приеме иностранной монеты. Если же правительство решилось на некоторые по сей части операции пожертвования, то при приеме иностранной монеты можно допустить соответственный здешнему ремедиум, и именно: у кружка золотой монеты одну долю, у серебряной четыре доли менее означенного в ведомости веса, кроме цванцигера, у которого, против 20-ти копеечника, две доли. Причем поставить приемщикам в обязанность наблюдать, чтобы сложный вес нескольких кружков подходил сколько можно ближе к означенному в ведомости. По сим уважениям не осмеливаясь сделать решительного о ремедиуме заключения и отметки в ведомости, предаю обстоятельство сие на разрешение Вашего Превосходительства, с возвращением доставленной ведомости»¹⁹.

Можно заключить, что неимение на Монетном дворе сведений о ремедиуме доказывает тот факт, что финансовое управление во главе с Е. Ф. Канкриным и не предполагало приступать к кампании официального приема иностранной монеты с целью ее изъятия из обращения, а принятый указ был вынужденной мерой. В итоге рекомендации Монетного двора были приняты, и представленный им внутренний курс был опубликован. Возможные убытки при принятии серебряной монеты казна решила взять на себя еще на заседании Финансового

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 484. Д. 79. Л. 6–7 об.

¹⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 3. Д. 624. Л. 1–3.

комитета 22 июня 1834 г.: «Убыток, произойти могущий от недовеса серебра на Монетном дворе, должен по необходимости падать на счет казны»²⁰.

Далее министр финансов сделал несколько технических распоряжений относительно приема иностранных монет: «Для избежания же неудобства от неровного счета дозволяется принимать и несколько рублями на ассигнации более третьей части, не делая в том платильщикам никаких затруднений»²¹. Государство при этом было заинтересовано в приеме только полновесной добротной монеты, что исключало прием сознательно испорченных серебряных монет и золотых ниже допустимого ремедиума, а «дабы казначеи оную знали, привешивать к каждой таковой монете посредством пробития дыры припечатанный к нитке ярлык»²².

Кампания по приему иностранной монеты в подати не принесла желаемых результатов. Как отмечал 22 сентября 1836 г. Е. Ф. Канкрин, полемизируя с Департаментом экономии Государственного совета об усилении передела иностранной монеты в российскую и об ограничении ее обращения различными способами, «она допускаема была к приему в подати целый год, но едва ли оной поступило несколько сот штук; в Московскую же и С. Петербургскую пробирные палатки, кроме обрезанных червонцев, внесено сей монеты весьма мало. Что касается до С. Петербурга, то хотя по большим торговым оборотам привозится оной сюда из чужих краев значительное количество, но таковой привоз есть следствие выгодной торговли, а отнюдь не недостатка в деньгах. Если же кое-где и жалуются, что нет денег, то сие не происходит от недостатка в обращающихся знаках ценности, но от недостатка оборотов, частного кредита и временной стагнации или остановки, по недостатку ли продажных предметов или по другим обстоятельствам» (Материалы об устройстве денежной системы..., 1896, с. 22–23).

Тем не менее, министр финансов вновь предлагал Государственному совету запретить обращение иностранных монет, кроме как по опубликованному в 1836 г. табелю (ПСЗ-II, 1837, т. 11, № 9106, с. 445–446). Е. Ф. Канкрин был по-прежнему убежден в ограниченном количестве в оборотах иностранной монеты и объяснял ее обилие тем, что «это происходит главнейше от того, что всякий скорее оную сбывает, чем российскую» (Материалы об устройстве денежной системы..., 1896, с. 24). Признав провал приемной кампании 1834–1835 гг., глава министерства финансов в октябре 1837 г. в качестве паллиативной меры вновь был готов начать прием в казну иностранной монеты по указанным казной ценам, что зафиксировано в его вторичном объяснении с Департаментом экономии: «Министр финансов весьма готов разрешить вновь прием оной в подати по обнародованной Правительствующим Сенатом табели, на что и просит разрешения Совета» (Материалы об устройстве денежной системы..., 1896, с. 29). Готовность министра финансов начать новый прием иностранной монеты в подати была зафиксирована и ранее в делопроизводственных ведомственных документах. На просьбу Тверской казенной палаты принять в казну поступившие в уплату шоссейного сбора 11 штук 20-франковых монет рукой директора общей канцелярии министерства финансов А. М. Княжевича было написано, что министр финансов согласен, «тем более, что в скором времени последует разрешение на прием в казну иностранной монеты. 4 августа 1837»²³. Таким образом можно сделать вывод, что финансовое управление было вновь готово только к умеренным шагам, показавшим ранее свою неэффективность.

Однако разрешения проблемы в 1830-е гг. так и не последовало, конец десятилетия пришелся на обсуждение и реализацию денежной реформы 1839–1843 гг., введшей в России новую денежную систему серебряного монометаллизма и кредитных билетов. Что касается дальнейшего решения проблем внутреннего обращения иностранной монеты, то данный вопрос был зафиксирован в обзоре 20-летнего управления министерством финансов Е. Ф. Канкриным в 1843 г.: «Запрещение же хода сих монет, впрочем добротных и особенно испан-

²⁰ ОР РНБ. Ф. 484. Д. 79. Л. 6.

²¹ Там же. Д. 80. Л. 1 об.

²² Там же. Л. 5.

²³ РГИА. Ф. 565. Оп. 4. Д. 14037. Л. 2.

ских пиастров, не признано удобным. Напротив того, желательно искоренить в Остзейских и Западных губерниях хождение множества биллона разной выделки и Польского Царства. Но как Государственный совет не решился согласиться на принятие для сего сильных мер и удовольствовался существующим запрещением привоза, то сия монета не перестает ходить, вероятно умножается, может содействовать к извлечению из государства добротной монеты и даже дать повод к водворению фальшивого еще худшего биллона»²⁴.

Однако стоит отметить, что проблема внутреннего обращения иностранной монеты не была особенностью только российского денежного устройства. Как отмечает современный исследователь Е. А. Правилова, «Российская империя к середине XIX века не имела однородной и единой системы денежного обращения, не являясь, впрочем, исключением среди других стран. Как мы знаем, исключение разнообразия денежных единиц, выведение из обращения иностранных и региональных денег было достигнуто в большинстве стран Европы лишь к концу столетия» [Правилова, 2006, с. 313].

В заключение отметим, что проблема внутреннего обращения иностранных монет в 30-е гг. XIX в. в Российской империи имела ряд особенностей, связанных со спецификой устройства ассигнационной денежной системы и взглядами тогдашнего министра финансов. Е. Ф. Канкрин предполагал не касаться без надобности либо принимать исключительно паллиативные меры для решения проблем внутреннего обращения иностранных монет. Выдающийся ученый экономист Е. Ф. Канкрин специфически воспринимал проблемы простонародных курсов и лажа, а вместе с тем, как следствие, и проблемы внутреннего обращения иностранной монеты. Он видел их созданными исключительно человеческим фактором, деятельностью спекулянтов и менял. Он считал, что они не стоят того, чтобы стать причиной кардинальных изменений финансового устройства Российской империи и подвергать риску его охранительную экономическую политику по накоплению государственных богатств. Многие положения данной концепции не лишены оснований, однако в данном вопросе министерством финансов не предпринимались даже попытки сбора информации посредством статистических и агентурных данных. Сторонники решительных преобразований во главе с императором Николаем I в вопросе изменений внутреннего обращения иностранной монеты были вынуждены отступить перед созданной пассивной системой поведения финансового управления. Если в вопросе переустройства денежной системы сторонникам реформ в ключевые для российской финансовой истории 30-е гг. XIX столетия удалось победить, то проблема внутреннего обращения иностранных монет так и осталась нерешенной.

Список литературы

- Друян А. Д.** Очерки по истории денежного обращения России в XIX веке. М.: Госфиниздат, 1941. 128 с.
- Дубянский А. Н.** Идеи камерализма в экономической политике Е. Ф. Канкрин // *Terra Economicus*. 2019. Т. 17, № 4. С. 95–112.
- Кауфман И. И.** Из истории бумажных денег в России. СПб.: Тип. «Север», 1909. 292 с.
- Мигулин П. П.** Регулирование бумажной валюты в России. Харьков: Тип. и лит. Зильберберг, 1896. 28 с.
- Министерство финансов 1802–1902. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902. Ч. 1. 640 с.
- Мондэй К.** Национальная идентичность и экономическая наука: Е. Ф. Канкрин в русском общественном сознании // *Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 5: Экономика*. 2014. Вып. 3. С. 86–112.
- Мухамедина Ш.** Уроки реформ: Е. Ф. Канкрин и его оппоненты // *Вестник Финанс. ун-та*. 2012. № 5 (71). С. 62–71.

²⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 70. Л. 251.

Правилова Е. А. Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М.: Новое изд-во, 2006. 456 с.

Список источников

- Архив Государственного совета. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1881. Т. 4: Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента Государственной экономии. 950 с. 1872 стб.
- Кокорев В. А.** Экономические провалы. М.: Об-во купцов и промышленников России, 2005. 336 с.
- Материалы об устройстве денежной системы (извлеченные из дела Государственного Совета 1837–1839 гг.). СПб.: Гос. канц., 1896. 275 с.
- ПСЗ-I – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 31. 941 с.; Т. 32. 1135 с.
- ПСЗ-II – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1834. Т. 8. 833 с.; 1835. Т. 9. 888 с.; 1837. Т. 11. 896 с.
- Сперанский М. М.** Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкрин. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1895. 57 с.

References

- Druyan A. D.** Ocherki po istorii denezhnogo obrashcheniya Rossii v XIX veke [Essays on the History of Monetary Circulation in Russia in the 19th Century]. Moscow, Gosfinizdat Publ., 1941, 128 p. (in Russ.)
- Dubyansky A. N.** Idei kameralizma v ekonomicheskoi politike E. F. Kankrina [The Ideas of Cameralism in Economic Policy of E. F. Cancrin]. *Terra Economicus*, 2019, vol. 17, no. 4, pp. 95–112. (in Russ.)
- Kaufman I. I.** Iz istorii bumazhnykh deneg v Rossii [From the History of Paper Money in Russia]. St. Petersburg, Tipografiya “Sever”, 1909, 292 p. (in Russ.)
- Migulin P. P.** Regulirovanie bumazhnoi valyuty v Rossii [Regulation of Paper Currency in Russia]. Kharkov, Tipografiya i litografiya Zilberberg, 1896, 28 p. (in Russ.)
- Ministerstvo finansov 1802–1902 [Ministry of Finance 1802–1902]. St. Petersburg, Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1902, pt. 1, 640 p. (in Russ.)
- Mondey Ch.** Natsional’naya identichnost’ i ekonomicheskaya nauka: E. F. Kankrin v russkom obshchestvennom soznanii [National Identity and Economics: Georg Cancrin in the “Russian School” of Economic Thought]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika* [St. Petersburg University Journal. Series 5: Economic Studies], 2014, iss. 3, pp. 86–112. (in Russ.)
- Mukhamedina Sh.** Uroki reform: E. F. Kankrin i ego opponenty [Lessons of Reforms: Egor Frantsevich Kankrin and His Opponents]. *Vestnik Finansovogo universiteta* [Bulletin of the Financial University], 2012, no. 5 (71). pp. 62–71. (in Russ.)
- Pravilova E. A.** Finansy imperii: den’gi i vlast’ v politike Rossii na natsional’nykh okrainakh. 1801–1917 [Finances of the Empire: Money and Power in Russian Politics on the National Outskirts. 1801–1917]. Moscow, Novoe izdatel’sтво, 2006, 456 p. (in Russ.)

List of Sources

- Arkhip Gosudarstvennogo soveta [Archive of the State Council]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. kantselyarii, 1881, vol. 4. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I (s 1810 po 19 noyabrya 1825 g.). Zhurnaly po delam Departamenta Gosudarstvennoi

- ekonomii [The Reign of Emperor Alexander I (from 1810 to November 19, 1825). Journals on the Affairs of the Department of State Economy], 950 p., 1872 col. (in Russ.)
- Kokorev V. A.** Ekonomicheskie provaly [Economic Failures]. Moscow, Obshchestvo kuptsov i promyshlennikov Rossii, 2005, 336 p. (in Russ.)
- Materialy ob ustroistve denezhnoi sistemy (izvlechenye iz dela Gosudarstvennogo Soveta 1837–1839 gg.) [Materials on the Structure of the Monetary System (Extracted from the Case of the State Council of 1837–1839)]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya kantselyariya, 1896, 275 p. (in Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. kantselyarii, 1830, vol. 31, 941 p.; vol. 32, 1135 p. (in Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoree [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2nd Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. kantselyarii, 1834, vol. 8, 833 p.; 1835, vol. 9, 888 p.; 1837, vol. 11, 896 p. (in Russ.)
- Speransky M. M.** Zapiska o monetnom obrashchenii grafa Speranskogo s zamechaniyami grafa Kankrina [A Note on the Coin Circulation of Count Speransky with Remarks by Count Kankrin]. St. Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma, 1895, 57 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Павел Константинович Романов, аспирант

Information about the Author

Pavel K. Romanov, Postgraduate Student

*Статья поступила в редакцию 29.04.2024;
одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 30.07.2024
The article was submitted on 29.04.2024;
approved after reviewing on 10.07.2024; accepted for publication on 30.07.2024*

Научная статья

УДК 94(571):323.325+342.25

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-69-80

**«Старшина судит за деньги, писарь пишет за вино»:
злоупотребления должностных лиц
крестьянского самоуправления Томской губернии
на страницах газеты «Жизнь Алтая» (1911–1914 годы)**

Мария Александровна Резникова

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

sharshova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2294-7134>

Аннотация

Рассматривается проблема злоупотреблений служебным положением должностных лиц органов крестьянского самоуправления в Томской губернии, которые нашли отражение на страницах газеты «Жизнь Алтая». Автор изучила 1 111 номеров газеты за 1911–1914 гг. В 109 из них имеются публикации о волостных старшинах, волостных писарях, сельских старостах, сельских писарях, сотских и десятских. Всего в пяти заметках приведены положительные характеристики, в остальных случаях речь идет о нарушениях. Автор приходит к выводу, что публикация обличительных заметок в газете способствовала привлечению внимания к проблеме обеспечения кадрами органов местного крестьянского самоуправления. Должностные лица были вынуждены публиковать опровержения, корректировать свое поведение, чтобы сохранить занимаемую должность. В случаях грубых и неоднократных злоупотреблений, вышестоящие власти назначали проверки, по результатам которых, как правило, увольняли крестьян с должности.

Ключевые слова

пореформенная Россия, история Сибири, крестьянское самоуправление, волостной сход, сельский сход, волостной писарь, волостной старшина, сельский староста, сельский писарь, злоупотребление служебным положением

Для цитирования

Резникова М. А. «Старшина судит за деньги, писарь пишет за вино»: злоупотребления должностных лиц крестьянского самоуправления Томской губернии на страницах газеты «Жизнь Алтая» (1911–1914 годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 69–80. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-69-80

“The Foreman Judges for Money, the Clerk Writes for Wine”: Abuses of Power by Officials of the Peasant Self-Government of the Tomsk Governorate on the Pages of the Newspaper “Altai Life” (1911–1914)

Mariia A. Reznikova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

sharshova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2294-7134>

Abstract

The author examines the problem of authority abuse by officials of peasant self-government bodies in the Tomsk Governorate. While numerous studies have explored this topic, they have usually relied on statistical reports and materials from ethnographic expeditions as primary sources. Unfortunately, periodicals have been underutilized as historical sources due to the challenges of collecting and processing substantial amounts of information. Consequently, valuable insights into the maladministration of local authorities have been overlooked, as newspapers contain a wealth of related data. To address this gap, the author of the article studied all 1 111 issues of the daily newspaper “Life of Altai” from 1911 to 1914. Among these issues, 109 (10 %) contained publications about officials, including volost foremen, volost clerks, village headmen, village clerks, sotskii, and desyatskii. Only five of these notes had positive characteristics, while the rest discussed minor shortcomings and gross violations. The article concludes that the newspaper’s accusatory publications drew attention to the problem of providing personnel for local peasant self-government. Officials were forced to publish refutations and adjust their behavior to maintain their positions. In cases of gross and repeated abuses, higher authorities ordered inspections, the results of which, as a rule, dismissed the peasants from their positions. The author proved that the newspaper “Life of Altai” was an effective means of combating abuses by rural and volost officials.

Keywords

post-reform Russia, history of Siberia, peasant self-government, volost assembly, village assembly, volost clerk, volost foreman, village headman, village clerk, abuse of authority

For citation

Reznikova M. A. “The Foreman Judges for Money, the Clerk Writes for Wine”: Abuses of Power by Officials of the Peasant Self-Government of the Tomsk Governorate on the Pages of the Newspaper “Altai Life” (1911–1914). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 69–80. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-69-80

История крестьянского самоуправления в Российской империи привлекала внимание исследователей на протяжении не одного столетия. Фокус исследований менялся в разные периоды от изучения экономических, социальных функций общины до ментальности крестьянства. В последние десятилетия всё чаще историки ставят вопрос о социальном облике того или иного должностного лица и его влиянии на деятельность вверенного учреждения.

В исследованиях органов местного крестьянского самоуправления советского и постсоветского периода подробно рассмотрен функционал волостных старшин и писарей, в меньшей степени – сельских старост. Начиная с 2010-х гг. интерес исследователей к должностным лицам волостного и сельского крестьянского самоуправления усилился. Детально рассмотрены правовые аспекты их деятельности. Часто историки опираются на законодательные акты и в меньшей степени используют делопроизводственную документацию и этнографические исследования XIX – начала XX в. На основе анализа прав и обязанностей волостных старшин, сельских старост, волостных и сельских писарей, волостных судей, сборщиков податей и других выборных должностных лиц, большинство из них приходят к выводу, что, несмотря на четкую регламентацию их деятельности, не всегда состав сельской администрации соответствовал предъявляемым требованиям [Бурлова, 2010; 2011; Залюбовская, 2012; Попов, 2014; Никитина, 2014; 2015; Гермизеева, 2019; Кривченков, 2022].

При этом некоторые авторы отмечают, что крестьяне не хотели избираться на должности, так как это было невыгодно [Александров, 2019] или они воспринимались в крестьянской среде в качестве «начальства» [Бурлова, 2010; Никитина, 2015]. Отдельного внимания исследователей заслуживает должность писаря, прежде всего волостного [Ремнев, Суворова, 2005; Никитина, 2014; Резникова, 2021; Попп, 2022]. Авторы сходятся во мнении, что волостные писари были профессионалами, но негативные личные качества не позволяли им вписаться ни в корпорацию чиновников, ни в среду крестьян.

Что касается различных злоупотреблений со стороны сельских и волостных должностных лиц, то они так или иначе упоминаются в публикациях, посвященных их деятельности и в целом функционированию системы местного самоуправления. Исследователи, как правило, обращаются к статистическим, этнографическим материалам и мемуарам, и лишь единицы используют периодическую печать в качестве источника для характеристики правонарушений [Почеревин, 2013; Попп, 2023]. Но обращение к газете «Жизнь Алтая» показывает, насколько ценны сведения, которые в ней содержатся. Ведь в ней публиковались не только короткие заметки о нарушениях должностных лиц крестьянского самоуправления, но и целые журналистские расследования. Действующие лица публиковали опровержения и вступали в дискуссию. Стоит отметить, что по публикациям заметок в газете сложно оценить степень достоверности содержащихся в них сведений. Однако реакция официальных органов на подобного рода публикации и следующие за ними проверки должностных лиц свидетельствуют о том, что корреспонденты «Жизни Алтая» были достаточно объективны в своих оценках.

Газета «Жизнь Алтая» не раз использовалась в качестве источника по изучению различных аспектов истории г. Барнаула и Томской губернии: функционирования воспитательных, образовательных и культурных учреждений, благотворительных организаций, развитию коммерческих учреждений и кампаний [Тишкина, 2013; Мананникова, 2018]. В качестве иллюстрации деятельности органов крестьянского самоуправления данную газету использовал уже упоминавшийся Е. В. Почеревин [2013]. Автором настоящей статьи осуществлена сплошная выборка заметок из газеты «Жизнь Алтая» за 1911–1914 гг., касающихся деятельности должностных лиц сельского самоуправления. Хронологические рамки обусловлены годом начала издания газеты и началом Первой мировой войны. Со второй половины 1914 г. содержание газеты претерпело некоторые изменения: в рубриках, в которых публиковалось большинство заметок о нарушениях и злоупотреблениях должностных лиц, теперь в основном встречались сведения о призрении солдатских жен, хлебозалогах и других вопросах жизнеобеспечения запасных нижних чинов и членов их семей.

Газета «Жизнь Алтая» – ежедневное периодическое издание, основанное предпринимателем, депутатом Государственной думы В. М. Вершининым. Являлась самым крупным и авторитетным изданием в Барнауле и на Алтае. Газета имела либерально-демократическую направленность и учитывала интересы различных слоев читателей. Редакция «Жизни Алтая» объявила о своем закрытии в конце 1917 г. из-за разногласий с властями. В 1918 г. предпринимались попытки возобновить издание, но после публикации нескольких номеров, издание прекратило свое существование окончательно.

Чаще всего зарисовки из жизни крестьянства публиковались в рубрике «По Сибири», реже в рубриках «Корреспонденции» и «Местная жизнь». Подсчитав количество заметок, в которых упоминается деятельность сельских и волостных писарей, сельских старост, сборщиков податей и др. (см. таблицу), мы увидели, что в 9–12 % номеров эта тема так или иначе затрагивалась. Из всей совокупности заметок (109) большинство касалось различных правонарушений (104), и лишь в пяти описывались ситуации, которые положительно характеризовали деятельность должностных лиц.

Количество публикаций о должностных лицах
в газете «Жизнь Алтая» (1911–1914 гг.)
The number of publications about officials
in the newspaper “Altai Life” (1911–1914)

Год	Количество номеров, шт.	Упоминания о должностных лицах	
		шт.	%
1911	287	29	10,10452962
1912	289	35	12,11072664
1913	287	23	8,013937282
1914	248	22	8,870967742
Всего	1111	109	9,810981098

Таблица сост. по: (Жизнь Алтая, 1911, № 1–287; 1912, № 1–289; 1913, № 1–287; 1914, № 1–248).

Как правило, авторы подписывали свои заметки. Из 109 заметок в 68 % (74 публикации) случаев автор так или иначе обозначал себя, в остальных 32 % (35 публикаций) авторы не указывались. Однако проследить принадлежность тех или иных очерков одному автору достаточно сложно. Чаще других встречаются заметки С. Современного из Змеиногорского уезда. Всего им было опубликовано семь заметок в 1912–1914 гг. Четыре заметки опубликованы Степным в 1914 г., по три заметки – Посторонним (1911–1912 гг.), Проезжим (1912 г.), по две заметки – С. Corbeau (1912 г.), Горемыкой (1912 г.), Дядей Митяем (1912 г.), Деревенским (1914 г.). В остальных случаях фамилии и псевдонимы не дублировались. Иногда указывалась формулировка «от наших корреспондентов» или автор не назывался вовсе. Часто встречаются следующие подписи: крестьянин, местный житель, обыватель. Мы не можем утверждать, что авторство принадлежит одному и тому же человеку, как и то, что один автор не мог подписывать свои очерки разными именами. Так, например, заметка о писарях, которые смогли себе построить дома, не уступающие купеческим, в с. Усть-Чарышская пристань, подписана корреспондентом Устином Чарышским (Жизнь Алтая, 1912, № 65, с. 3). Здесь мы видим, что псевдоним явно образован от названия села.

С. Современный, опубликовавший под своим авторством наибольшее число заметок в газете, освещал проблемы жителей Змеиногорского уезда. Основное его внимание было направлено на борьбу со злоупотреблениями волостного писаря Горшкова, более трех лет ведущего дела Колыванской волости. Первая его публикация в № 75 за 1912 г. повествует о ситуациях, которые вынудили крестьян четырех сел Колыванской волости выделиться в отдельную волость: стрелял в мужиков из револьвера, загоняя под телегу и заставляя на протяжении 20 верст по 10 раз запрягать и выпрягать лошадей; стрелял в доме бывшего сельского писаря Фарафонова; заставлял ямщика ездить в совершенно противоположные стороны, не давая передышки лошадям; сажал крестьян в каталажку и держал там до 15 суток, заставляя их работать на его усадьбе и не выдавая кормовых (после следствия он выдал многим эти кормовые задним числом). Также он присваивал себе 10 % со штрафов за самовольную порубку леса, которые полагались сельским писарям. Один из сельских писарей, посмеявшийся оставлять эти деньги себе, был отстранен от должности (Жизнь Алтая, 1912, № 75, с. 3). О сборе процентов за различные услуги писарем Горшковым упоминалось на страницах газеты «Жизнь Алтая» еще в 1911 г. Автор заметки не указан, но, вполне вероятно, им мог оказаться С. Современный. В данном случае комиссия взималась за переводы денег переселенцам, которые проходили через волостное правление (Жизнь Алтая, 1911, № 238, с. 3). Не гнушались вымогательством денег за различные услуги и помощники воло-

стного писаря Горшкова, которые также удостоились внимания корреспондентов газеты (Жизнь Алтая, 1911, № 245, с. 4; № 262, с. 5).

Не менее серьезное влияние Горшков имел и на волостной суд. Корреспондент отмечал, что заседания суда, как правило, сопровождалось «гулянками». Но, по свидетельству местных жителей, судьи не брали ни капли спиртного в рот только в тех случаях, когда письмоводителем на заседаниях бывал писарь Колыванской волости Горшков. Однако в его присутствии судьи впадали в другую крайность: «они действительно сидят трезвые, но безмолвные, как манекены, не принимая участия в рассмотрении дел, их дело только подписать решения, составленные по единоличному усмотрению волостного писаря». Автор заключает, что именно поэтому суд и не пользовался здесь доверием населения (Жизнь Алтая, 1911, № 281, с. 3). Следует отметить, что все заметки о Горшкове и его помощниках, опубликованные в 1911 г., не имеют авторства, но по стилистике очень похожи на С. Современного.

Волостной писарь Горшков удостоился внимания не только С. Современного, но и других корреспондентов. В № 140 за 1912 г. опубликована заметка под названием «Сомнительное дело», посвящена она деятельности Колыванской маслодельной артели. Около полутора лет дела в артели шли хорошо, пока к делу не подключился волостной писарь Горшков. Вместе с доверенным артели Лужанским они начали вести «закулисную работу»: покупали здания, торговые предприятия, нанимали служащих и т. п. И всё это наперекор большинству артельщиков и членов совета. Один из членов совета подал заявление о выходе из числа уполномоченных, не желая быть пешкой в руках Лужанского и Горшкова. Какого же было его удивление, когда он получил бумагу, подписанную волостным старшиной и волостным писарем. «Только один Горшков и мог додуматься, что совет уполномоченных артели и колыванское волостное правление нечто однородное, целое и нераздельное», – резюмирует автор (Жизнь Алтая, 1912, с. 4).

Все эти нарушения и злоупотребления не остались без внимания властей. В заметке под названием «Вздохнули свободнее!» сообщалось об увольнении колыванского писаря Горшкова 8 мая 1912 г., чьи «фокусы» не прошли даром. В наследство его преемнику осталось 2 тыс. неисполненных бумаг, которыми почти месяц занимались писари трех соседних волостей с помощниками (Жизнь Алтая, 1912, № 140, с. 3).

Но и на этом история с волостным писарем Горшковым не закончилась. В 1913 г. С. Современный снова публикует корреспонденцию о нем. Из нее выясняется, что он был уволен по постановлению Томского губернатора, а после проведения в конце ноября 1912 г. учета всех волостных дел вскрылись многочисленные финансовые махинации. За 1909–1911 гг. сомнению подверглись расходы на сумму 2 555 руб. 47 коп. Многие внесенные в расход суммы не имели оправдательных документов; значились выдачи денег дважды по одному документу; имелись выплаты из волостных сумм по частному долгу; передачи контрактов не тому подрядчику, с которым изначально заключался договор; запись в приход цифрами меньших сумм, чем были указаны прописью и т. п. А в 1910 г. писарь исправил в волостном приговоре сумму своего жалования с 1 900 руб. на 2 000 руб., получив благодаря такому подлогу дополнительные 100 руб. (Жизнь Алтая, 1913, № 20, с. 3).

Завершив свою миссию по изобличению волостного писаря Горшкова, С. Современный занялся другими проблемными персонами Змеиногорского уезда. В № 137 за 1912 г. описывается ситуация с волокитой по вопросу заключения контракта на содержание лошадей. Корреспондент обвинял в этом сельских старосту и писаря, которые никак не могли приготовить нужные переписи и другие формальные бумаги, несмотря на то что одна треть от стоимости контракта уже была внесена крестьянами. «Недосужестъ же нашего старосты заключается в том, что он каждый день с похмелья...» – заключает корреспондент (Жизнь Алтая, 1912, № 137, с. 3).

В другом номере С. Современный сетовал на то, что крестьяне вынуждены разбирать на сельском сходе разные незначительные нарушения и проступки, семейные разделы с участием «завсегдатаев-собутельников, которые являются единственными судьями и вершите-

лями сельских расправ». А всё это происходило, по его мнению, потому, что заседания волостных судов проходили не чаще четырех раз в год. Сельские и волостные должностные лица плохо исполняли свои обязанности, вследствие чего прошения разбирались очень долго (Жизнь Алтая, 1912, № 141, с. 3). А в с. Краснощековском Змеиногорского уезда крестьянин, избравшийся на должность старосты, начал сводить счеты с односельчанами за прошлые обиды. Он вламывался в дома в пьяном виде, угрожал тюрьмой, вымогал водку и выписывал постановления о заключении под стражу за нарушение тишины и спокойствия (Жизнь Алтая, 1912, № 142, с. 3).

Особого внимания С. Современного в 1914 г. удостоился сельский писарь с. Харловского Гурьев. Корреспондент заявил о «подвигах» Гурьева и призывал его опровергнуть их публично. В его заметке выделено девять основных пунктов: 1. Каждый год Гурьев получал прибавку к жалованию благодаря угощению крестьян водкой и заочному вписыванию их в протокол. 2. На сельских сходах крестьяне боялись высказывать возражения, так как за любое неосторожное слово следовала расплата – кутузка. 3. Принуждал сельских старост выписывать постановления об аресте на двое суток по три-четыре раза подряд, что позволяло держать крестьян в катажке при волостном правлении по неделе и более. 4. Брал мзду с ямщиков, а тех, кто не платил, бесконечно гонял по разным поручениям. 5. При исполнении решений волостного суда действовал исключительно в своих интересах. 6. Ездил в соседнее село со своей сожительницей по личным делам. 7. Кричал и оскорблял крестьян, если те являлись с какой бы то ни было просьбой в неурочное время. 8. При проведении переписи по землеустройству по «закону» Гурьева крестьяне, находившиеся в отлучке, теряли право на надел земли. Но по его же «закону» это право получали обратно за определенную плату. 9. Волостной суд по делу о содержании крестьянки ее зажиточным сыном присудил тому выплачивать ей по три руб. в месяц. Но получить крестьянка ничего не могла, так как «писарь гонит ее в шею и говорит, что у сына нечего продать, а все бумаги и переписки исправляет по своему усмотрению...» (Жизнь Алтая, 1914, № 9, с. 3).

В данном случае мы видим, как С. Современный изменил свой подход к делу. Он уже не публиковал разрозненные заметки об одном писаре, а собрал сразу все известные ему случаи в одном очерке.

Уже в № 17 за тот же год под авторством С. Современного вышла заметка, в которой описывалась ситуация борьбы с эпидемией оспы в с. Харловском. Фельдшер, прибывший для проведения вакцинации крестьян, никак не мог приступить к исполнению своих обязанностей, так как все сельские власти были заняты проводами сельского писаря, покидавшего свой пост. Не совсем понятно, шла ли речь о ранее упоминавшемся Гурьеве или о ком-то другом, но больше заметок С. Современного о нем не было.

Следующим по частоте упоминаний в газете «Жизнь Алтая» за исследуемый период оказался волостной старшина Черемновской волости Барнаульского уезда Назар Васильевич Филиппов. Корреспондент С. Corbeau сообщал, что Филиппов вступил в должность в 1912 г. после службы в качестве сельского старосты с. Зиминского. По результатам своей службы получил от крестьянского начальника часы в награду за успешный сбор податей. Автор заметки сетовал, что жители с. Черемновского уже почувствовали на себе «крутые меры» по взысканию податей, которые применял старшина (Жизнь Алтая, 1912, № 63, с. 5).

Уже в следующей заметке за авторством того же корреспондента звучат более серьезные обвинения, хоть и не напрямую. Описывается волостной сход, состоявшийся в с. Черемновском 1 августа 1912 г. В повестку входило три вопроса: 1. Выборы в Государственную Думу; 2. Выборы казначея взамен обвиненного в краже общественных денег казначея Жданова; 3. Избрание уполномоченных для взыскания денег с виновных. Первым вопросом сход не особо интересовался, кандидатов выбрали механически. А вот по второму вопросу разгорелась бурная дискуссия. Крестьяне были явно недовольны волостным старшиной. Кража денег из волости казалась им странной, так как почему-то они были оставлены прямо перед кражей казначею, а не заперты в ящике, ключ от которого имелся только у старшины. Кре-

стьяне заявляли, что не будут избирать нового казначея, пока волостной старшина не внесет в кассу украденные деньги. Окончательно растерявшись, волостной старшина достал наградные часы как доказательство своих заслуг по службе, но присутствующие только высмеяли его за это действие. Посовещавшись, крестьяне решили всё же избрать казначея, так как «нельзя же изменить предписание начальника». От рассмотрения последнего вопроса сход отказался со следующей формулировкой: «Пусть сам старшина уплатит деньги, а мы их в расход не примем» (Жизнь Алтая, 1912, № 185, с. 5).

25 ноября на страницах газеты вновь выходит заметка с Филипповым в главной роли. Старожил с. Кольванского Черемновской волости припоминал старшине различные «промахи» по службе. Выяснилось также, почему Назар Филиппов так любил ездить к ним в село и по несколько дней оставаться на земской квартире. В начале ноября 1912 г. разгулявшиеся новобранцы решили прихватить с собой даму «легкого поведения», которой не оказалось дома. А так как в деревне достаточно трудно что-либо скрыть, выяснилось, что эта дама находилась на земской квартире. Новобранцы выломали дверь и застigli волостного старшину врасплох. Он не растерялся, тут же подал жалобу крестьянскому начальнику и перенес земскую квартиру к другому хозяину, несмотря на то что она была сдана с общественных торгов. Автор надеялся, что на предстоящем волостном сходе, который должен был состояться 29 ноября 1912 г., будет поставлен вопрос об отстранении от должности «нравственного старшины» (Жизнь Алтая, 1912, № 263, с. 5).

Всеобщая огласка действий волостного старшины Филиппова принесла свои плоды. На очередном волостном сходе он был отстранен от должности. На сход явился полицейский урядник с сотскими и десятскими, благодаря чему сход был фактически сорван. Крестьяне всё-таки успели отстранить волостного старшину от должности, которого взялся защищать перед сходом урядник. В этот же день двое уполномоченных отправились к крестьянскому начальнику в Барнаул с приговором об увольнении старшины и разрешении избрать нового. После их возвращения 2 декабря 1912 г. был проведен новый сход, на который также пытался прорваться урядник со своим «легионом». На этот раз им не удалось этого сделать, и вся повестка была рассмотрена в обычном порядке (Жизнь Алтая, 1912, № 277, с. 3).

Бывали случаи, когда даже одна публикация в газете могла лишить крестьянина должности. Обыватель из с. Белоглазово Змеиногорского уезда в № 284 за 1912 г. описывает махинации местного сельского писаря А. С. Кожевникова. При внесении крестьянами податей он вписывал в книгу прихода меньшие суммы. Например, крестьянка Жабина внесла 10 руб., а в книгу было записано лишь 7 руб. И подобные случаи происходили и с другими неграмотными крестьянами, которые не могли указать на ошибку при внесении записей в книгу. Благодаря таким удачным махинациям у писаря появились выездные сани и лошадь, на которых писарь разъезжал со своей супругой по улицам села (Жизнь Алтая, 1912, № 284, с. 3). Публикация данной заметки произвела нужный эффект: волостные власти назначили ревизию дел сельского управления. Оказалось, что они велись небрежно и беспорядочно не только самим Кожевниковым, но и его предшественниками. В денежных книгах кроме частых исправлений встречались и пропуски сразу десятков номеров, в которых должны были быть вписаны денежные корешки и квитанции. В окладной книге у многих домохозяев не были проставлены оклады податей, в графе получения денег имелось много поправок. В расходных книгах часто не указывалось, на что были потрачены те или иные суммы. Результаты ревизии вынудили волостное правление взять сельского писаря Кожевникова под стражу. В дальнейшем он был отстранен от должности с переводом в другую деревню. Автор корреспонденции предполагал, что все эти нежелательные явления происходили вследствие того, что действия сельских писарей плохо контролировались. Согласно распоряжению крестьянского начальника, учет действий писарей должен был производиться два раза в месяц, но на практике он бывал не более трех раз в год. За время между проведением ревизий писари могли меняться, и тогда нарушения, которые допускал предшественник, оставались без последствий (Жизнь Алтая, 1913, № 24, с. 3).

Но не всегда за сериями публикаций в газете следовало увольнение неугодных должностных лиц. Корреспондент Степной, опубликовавший под этим именем четыре заметки в 1914 г., посвятил их все старшине Решетовской волости Барнаульского уезда. Серию публикаций открывает заметка о волостном сходе, прошедшем 8 декабря 1913 г., на котором избирались должностные лица на 1914 г. Обсуждался также и вопрос об увеличении жалования волостному писарю и волостному старшине. Решено было прибавить писарю 100 руб. в год, а старшину оставить на прежнем окладе. Решение схода сильно огорчило последнего. Реакция не заставила себя долго ждать. Волостной старшина Колесник начал вызывать и допрашивать выборных, чтобы выяснить, кто больше других требовал на сходе не увеличивать старшине жалование. Он заключил, что больше всех кричал бывший сельский староста Бугай. В тот же день на него был составлен акт об аресте на три дня при волостном правлении за нарушение тишины и спокойствия во время волостного схода. В нем также утверждалось, что Бугай кричал на старшину и плевал ему в лицо (*Жизнь Алтая*, 1914, № 15, с. 4). А уже 4 февраля 1914 г. волостной старшина вместе с заведующим местной церковно-приходской школой священником отцом Иваном Балыковым пришли в школу во время утренней молитвы. Учителям они объяснили, что пришли допросить учеников о том, читал ли им учитель К. корреспонденцию о волостном старшине, опубликованную в № 15 «Жизни Алтая». Тот самый учитель в разговоре с заведующим отметил, что подобные допросы «не соотносятся с педагогическими взглядами» и могут подорвать авторитет учителя перед учениками. Старшину подобные доводы не убедили, и он начал задавать вопросы ученикам, не дожидаясь окончания разговора. Выведенный из себя учитель вывел старшину из класса, за что впоследствии получил выговор от заведующего. Степной уточнил в своей заметке, что некоторые ученики действительно читали этот номер, так как учитель отдавал прочитанные газеты детям на обложки (*Жизнь Алтая*, 1914, № 34, с. 3).

Но помимо выговора от заведующего учитель получил в довершок преследование от волостного старшины. В начале марта 1914 г. в его семье случилось горе: жена родила мертвого ребенка. Волостной старшина утверждал, что погребение ребенка являлось незаконным, так как об этом не было заявлено священнику. 6 марта 1914 г. он решил устроить дознание по этому делу. В волостное правление были вызваны все бабушки, которые ухаживали за женой учителя во время родов, школьный сторож и некоторые другие крестьяне. Также старшина решил вызвать на допрос и жену учителя, которая еще «не поднималась с постели». Только благодаря вмешательству сотника и других крестьян, удалось убедить старшину оставить в покое больную женщину. В волостное правление был вызван и сам учитель, но он отказался идти на допрос. На следующий же день учитель был вызван в сельскую сборную, где ему вручили под расписку постановление волостного старшины об аресте на два дня при волости заслушание (*Жизнь Алтая*, 1914, № 75, с. 4).

Мы не знаем, чем закончилась эта история противостояния волостного старшины и учителя. Если старшина и подвергся каким-либо взысканиям, то информация эта не была опубликована до конца 1914 г. При этом, как показывают предыдущие примеры, реакция в подобных случаях обычно была достаточно оперативной. Вероятно, волостной старшина продолжил службу, устанавливая свои порядки в селе.

Однако, отстранение от должности – не самое страшное последствие для должностных лиц сельского самоуправления. На страницах № 6 за 1913 г. сообщалось об убийстве крестьянина Червякова в с. Лешачьи Озера Барнаульского уезда. Он был застрелен из ружья в своем доме в ночь на 23 декабря 1912 г. Убийца успел скрыться. Предполагали, что убийство было связано со служебной деятельностью. В бытность свою кандидатом в старосты Червяков был очень строг и взыскателен, сажал в каталажку крестьян за неуплату податей, чем и нажил себе много врагов (*Жизнь Алтая*, 1913, № 6, с. 3). Этот случай, конечно, является скорее исключением из правил, но сам факт убийства говорит нам о том, что поведение должностных лиц могло побудить крестьян применять крайние меры для своей защиты.

Помимо уже упомянутых примеров на страницах «Жизни Алтая» размещены и другие свидетельства нарушений и злоупотреблений писарей, старшин и старост. Все они повествуют о самоуправстве, пьянстве, бездействии сельских и волостных властей. Не всегда в них указаны конкретные фамилия, а иногда авторы приводят примеры и вовсе без указания должностей, говоря о халатности «начальства».

Подводя итог, следует сказать, что в начале XX в. газета «Жизнь Алтая» стала своеобразной площадкой для решения актуальных проблем населения Томской губернии. Неравнодушные жители имели возможность во всеуслышание заявить о своих проблемах и рассчитывать на их решение. Иногда для этого требовалась всего одна публикация, а иногда корреспонденты на протяжении нескольких лет старались привлечь внимание к определенной персоне. Положительным итогом являлось увольнение того или иного лица с занимаемой должности. Не всегда авторам корреспонденций удавалось этого добиться. Но, вполне вероятно, многие крестьяне, занимавшие общественные должности, старались вести себя более сдержанно после публикаций обличительных заметок, чтобы сохранить свой авторитет и не привлекать внимание вышестоящих властей. Также мы не можем утверждать, что сельские и волостные писари, сельские старосты и волостные старшины, о злостных нарушениях которых когда-либо упоминалось на страницах «Жизни Алтая», были отстранены от должности после публикаций в газете. Но тех сведений, которые имеются в нашем распоряжении, достаточно, чтобы утверждать, что газета «Жизнь Алтая» являлась эффективным средством борьбы с произволом сельских и волостных властей.

Список литературы

- Александров Н. М.** Сельские старосты в пореформенной России (права, обязанности, место в социуме) // Институт общинного самоуправления в социальной жизни многонационального крестьянства волго-уральского региона (XVIII в. – 20-е гг. XX в.): Материалы Всерос. науч. конф. Казань, 2019. С. 20–29.
- Бурлова Г. В.** Сельский староста: полномочия и деятельность во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Тамбовской и Рязанской губерний) // Вестник Тамбов. гос. ун-та. 2010. № 5 (85). С. 81–86.
- Бурлова Г. В.** Правовые аспекты деятельности волостных и сельских должностных лиц крестьянского самоуправления во второй половине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14). С. 47–52.
- Гермизеева В. В.** Должностные лица органов крестьянского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Омские социально-гуманитарные чтения – 2019: Материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2019. С. 133–137.
- Залюбовская Т. А.** Деятельность должностных лиц крестьянского самоуправления в Забайкальской области в конце XIX – начале XX века // Вестник Бурят. гос. сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова. 2012. № 2 (27). С. 115–121.
- Кривченко Г. В.** Хотел ли смоленский крестьянин быть сельским старостой? (К вопросу о крестьянском самоуправлении в Смоленской губернии) // Изв. Смолен. гос. ун-та. 2022. № 1 (57). С. 150–163.
- Мананникова П. Е.** Воспитательные, образовательные и культурные учреждения Алтайского округа по материалам газеты «Жизнь Алтая» // История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты: Сб. ст. по материалам XV Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2018. С. 27–30.
- Никитина Н. П.** Волостные писари в социальном пространстве псковской деревни второй половины XIX – начала XX в. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2014. № 41. С. 42–49.

- Никитина Н. П.** Волостные старшины в системе крестьянского самоуправления и социальном пространстве псковской деревни (вторая половина XIX – начало XX в.) // Органы государственной власти и местного самоуправления: традиции и современность (к 150-летию земской реформы в России): Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Псков, 2015. С. 138–147.
- Попов С. А.** Должность писаря в структуре крестьянского самоуправления Вологодской губернии в конце XIX – начале XX века // Вестник Чуваш. гос. ун-та. 2014. № 1. С. 56–61.
- Попп И. А.** Волостной писарь в судебной бюрократии: мифы и реальность пореформенной России // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 1. С. 185–203. DOI 10.15826/qr.2022.1.666
- Попп И. А.** Повседневная судебная деятельность чусовских волостных судей Пермской губернии в середине 1880-х и начале 1890-х гг. // Вестник Оренбург. гос. пед. ун-та. Электронный научный журнал. 2023. № 3 (47). С. 228–244. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/15_47_2023.pdf. DOI 10.32516/2303-9922.2023.47.15
- Почеревин Е. В.** Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX в. – 1917 г.). Бийск: АГАО, 2013. 285 с.
- Резникова (Гордеева) М. А.** Социальный облик волостного писаря в Томской губернии (конец XIX – начало XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 1. С. 75–86. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-75-86
- Ремнев А. В., Суворова Н. Г.** Волостной писарь: слуга двух господ или хозяин сибирской деревни // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2005. С. 282–311.
- Тишкина К. А.** Газета «Жизнь Алтая» как источник по истории работы благотворительных организаций Барнаула в годы Первой мировой войны // Диалог культур и цивилизаций: Материалы XIV Всерос. с международным участием науч. конф. М., 2013. С. 151–153.

Список источников

Жизнь Алтая. 1911. № 238, 245, 262, 281; 1912. № 63, 65, 75, 137, 140, 141, 142, 185, 263, 277, 284; 1913. № 6, 20, 24; 1914. № 9, 15, 34, 75.

References

- Aleksandrov N. M.** Sel'skie starosty v poreformennoi Rossii (prava, obyazannosti, mesto v sotsiуме) [Village Clerks in Post-reform Russia (Rights, Responsibilities, Place in Society)]. In: Institut obshchinnogo samoupravleniya v sotsial'noi zhizni mnogonatsional'nogo krest'yanstva volgo-ural'skogo regiona (XVIII v. – 20-e gg. XX v.) [The Institute of Community Self-Government in the Social Life of the Multinational Peasantry of the Volga-Ural Region (18th Century – 1920s)]. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Kazan, 2019, pp. 20–29. (in Russ.)
- Burlova G. V.** Sel'skii starosta: polnomochiya i deyatelnost' vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (po materialam Tambovskoi i Ryazanskoi gubernii) [A Rural Elder: Authorities and Activity in the 2nd Half of the 19th – Beginning of the 20th Centuries (Based on the Materials of the Tambov and Ryazan Provinces)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Bulletin of the Tambov University], 2010, no. 5 (85), pp. 81–86. (in Russ.)
- Burlova G. V.** Pravovye aspekty deyatelnosti volostnykh i sel'skikh dolzhnostnykh lits krest'yanskogo samoupravleniya vo vtoroi polovine XIX v. [Legal Aspect of District and Village Peasant Self-Administration Officials Activity in the 2nd Half of the 19th Century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice], 2011, no. 8 (14), pp. 47–52. (in Russ.)

- Germizeeva V. V.** Dolzhnostnye litsa organov krest'yanskogo samoupravleniya v Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [District and Village Peasant Self-Administration Officials in Western Siberia at the End of the 19th – Beginning of the 20th Centuries]. In: Omskie sotsial'no-gumanitarnye chteniya – 2019: Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Omsk Social and Humanitarian Readings – 2019. Proceedings of the 12th International Scientific and Practical Conference]. Omsk, 2019, pp. 133–137. (in Russ.)
- Krivchenkov G. V.** Khotel li smolenskii krest'yanin byt' sel'skim starostoi? (K voprosu o krest'yanskom samoupravlenii v Smolenskoii gubernii) [Did the Smolensk Peasant Want to be a Rural Headman? (To the Question of Peasant Self-Government in the Smolensk Governorate)]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia of the Smolensk State University], 2022, no. 1 (57), pp. 150–163. (in Russ.)
- Manannikova P. E.** Vospitatel'nye, obrazovatel'nye i kul'turnye uchrezhdeniya Altaiskogo okruga po materialam gazety "Zhizn' Altaya" [Educational, Upbringing and Cultural Institutions of the Altai District Based on Materials from the Newspaper "Altai Life"]. In: Istoriya, politologiya, sotsiologiya, filosofiya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [History, Political Science, Sociology, Philosophy: Theoretical and Practical Aspects]. Collection of Articles Based on the Materials of the XV International Scientific and Practical Conference. Novosibirsk, 2018, pp. 27–30. (in Russ.)
- Nikitina N. P.** Volostnye pisari v sotsial'nom prostranstve pskovskoi derevni vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Volost Clerks in the Social Space of the Pskov Village in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century]. *Pskovskii Nauchno-prakticheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal* [Pskov Academic and Practical, Historical and Local History Journal], 2014, no. 41, pp. 42–49. (in Russ.)
- Nikitina N. P.** Volostnye starshiny v sisteme krest'yanskogo samoupravleniya i sotsial'nom prostranstve pskovskoi derevni (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Volost Foreman in the System of Peasant Self-Administration and the Social Space of the Pskov Village (2nd Half of the 19th – Beginning of the 20th Century)]. In: Organy gosudarstvennoi vlasti i mestnogo samoupravleniya: traditsii i sovremennost' (k 150-letiyu zemskoi reformy v Rossii): Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [State Institutions and Bodies and Local Authorities: Traditions and Modernity (To the 150th Anniversary of the Zemstvo Reform in Russia). Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Pskov, 2015, pp. 138–147. (in Russ.)
- Pocherevin E. V.** Nizovaya administrativno-sudebnaya sistema v Altaiskom okruge (konets XIX v. – 1917 g.) [The Lower Administrative and Judicial System in the Altai District (Late 19th Century – 1917)]. Biisk, AGAO, 2013, 285 p. (in Russ.)
- Popov S. A.** Dolzhnost' pisarya v strukture krest'yanskogo samoupravleniya Vologodskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX veka [The Position of a Clerk in the Structure of Peasant Self-Government of the Vologda Province in the Late 19th – Early 20th Century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2014, no. 1, pp. 56–61. (in Russ.)
- Popp I. A.** Volostnoi pisar' v sudebnoi byurokratii: mify i real'nost' poreformennoi Rossii [Volost Clerks in Judicial Bureaucracy: The Myths and Reality of Post-Reform Russia]. *Quaestio Rossica*, 2022, no. 1 (10), pp. 185–203. (in Russ.) DOI 10.15826/qr.2022.1.666
- Popp I. A.** Povsednevnyaya sudebnaya deyatel'nost' chusovskikh volostnykh sudei Permskoi gubernii v seredine 1880-kh i nachale 1890-kh gg. [Daily Judicial Activities of the Chusovskaya Volost Judges of the Perm Province in the Mid-1880s and Early 1890s]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal], 2023, no. 3 (47), pp. 228–244. (in Russ.) DOI 10.32516/2303-9922.2023.47.15
- Remnev A. V., Suvorova N. G.** Volostnoi pisar': sluga dvukh gospod ili khozyain sibirskoi derevni [Volost Clerk: A Servant of Two Masters or the Owner of a Siberian Village]. In: Aziatskaya

Rossiya: lyudi i struktury imperii [Asian Russia: People and Structures of the Empire]. Omsk, 2005, pp. 282–311. (in Russ.)

Reznikova (Gordeeva) M. A. The Social Representation of the Volost Clerk in Tomsk Province (Late 19th – Early 20th Century). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 1: History, pp. 75–86. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-1-75-86

Tishkina K. A. Gazeta “Zhizn' Altaya” kak istochnik po istorii raboty blagotvoritel'nykh organizatsii Barnaula v gody Pervoi mirovoi voyny [The Newspaper “Altai Life” as a Source on the History of the Work of Charitable Organizations in Barnaul during the First World War]. In: *Dialog kul'tur i tsivilizatsii* [Dialogue of Cultures and Civilizations]. Proceedings of the XIV All-Russian Scientific Conference with International Participation. Moscow, 2013, pp. 151–153. (in Russ.)

Zalyubovskaya T. A. Deyatel'nost' dolzhnostnykh lits krest'yanskogo samoupravleniya v Zabai-kal'skoi oblasti v kontse XIX – nachale XX veka [Activities of Officials of Peasant Self-Government in the Trans-Baikal Region at the End of the 19th – Beginning of the 20th Century]. *Vestnik Buryatskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii imeni V. R. Filippova* [Bulletin of the V. R. Filippov Buryat State Agricultural Academy], 2012, no. 2 (27), pp. 115–121. (in Russ.)

List of Sources

Zhizn' Altaya [Altai Life], 1911, no. 238, 245, 262, 281; 1912, no. 63, 65, 75, 137, 140, 141, 142, 185, 263, 277, 284; 1913, no. 6, 20, 24; 1914, no. 9, 15, 34, 75. (in Russ.)

Информация об авторе

Мария Александровна Резникова, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57215431934
WoS Researcher ID F-9017-2019

Information about the Author

Mariia A. Reznikova, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 57215431934
WoS Researcher ID F-9017-2019

*Статья поступила в редакцию 29.04.2024;
одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 24.06.2024
The article was submitted on 29.04.2024;
approved after reviewing on 26.05.2024; accepted for publication on 24.06.2024*

Научная статья

УДК 94(2) “1951/1970”

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-81-93

Восточные районы в экономической стратегии на «взлете» советской индустриальной системы

Евгений Тимофеевич Артемов

Институт истории и археологии

Уральского отделения Российской академии наук

Екатеринбург, Россия

ia-history@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3683-1063>

Аннотация

Рассматривается стратегия и практика хозяйственного освоения восточных районов России начиная с предвоенных пятилеток и до «косыгинской реформы». Отмечается, что тогда произошло существенное повышение их роли в экономике страны. На основании историографического задела и анализа документальных источников предлагается авторская версия того, почему власть сделала такой выбор. Делается вывод, что реализация избранного курса внесла весомый вклад в достижение высоких темпов роста советской экономики, наблюдавшихся в тот период. Отклонение фактической траектории развития восточных территорий от планов, принимавшихся в конце рассматриваемого периода, объясняется снижением эффективности «социалистической системы хозяйствования» и стойким нежеланием правящей элиты «поступаться принципами» при проведении назревших преобразований ее институтов.

Ключевые слова

советская индустриальная система, народнохозяйственное планирование, восточные районы, опережающее развитие, комплексное хозяйственное освоение

Для цитирования

Артемов Е. Т. Восточные районы в экономической стратегии на «взлете» советской индустриальной системы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 81–93. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-81-93

Eastern Regions in the Economic Strategy on the “Take-off” Stage of the Soviet Industrial System

Evgenii T. Artemov

Institute of History and Archaeology

of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Yekaterinburg, Russian Federation

ia-history@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3683-1063>

Abstract

The article delves into the strategy and implementation of economic development in the eastern regions of Russia from the pre-war five-year plans to the “Kosygin reform”. It highlights the substantial growth in the importance of these regions in the national economy during this period. However, historical perspectives on the long-term consequences of the “Eastern shift” in the production and population proportions vary. Some researchers believe that such a course met and meets the fundamental interests of the country. Others dispute this, attributing it to excessive geopolitical ambitions and a distorted understanding of the economy’s actual needs. Based on the historiographic analysis

© Артемов Е. Т., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 81–93

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 81–93

and documentary sources, the author offers an interpretation of why the authorities prioritized the advanced economic development of the eastern territories and how they executed this strategy. It is concluded that implementation of such a course has led to a radical change in the territorial structure of production. At the same time, as the period under review drew to a close, the focus shifted from advanced development to sustaining the achieved level, resulting in a deceleration of economic growth in the eastern regions. This was primarily ascribed to the decreasing efficacy of the “socialist economic system” and the ruling elite's persistent aversion to reforming economic institutions. One overarching argument posited in the article is that there was a substantive “shift of productive forces” towards the East in the broader context of the Soviet era, coinciding with the period of the “take-off” of the Soviet industrial system. The foregoing allows us substantiating the relationship between high rates of economic growth and “intensive economic development” of the eastern regions of the country.

Keywords

Soviet industrial system, national economic planning, eastern regions, advanced development, integrated economic development

For citation

Artemov E. T. Eastern Regions in the Economic Strategy on the “Take-off” Stage of the Soviet Industrial System. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 81–93. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-81-93

Общепризнанно, что в советскую эпоху произошел «серьезный сдвиг массы населения, инфраструктуры и капитала на Восток страны». Однако его долгосрочные последствия для экономики оцениваются неоднозначно [Маркевич, Михайлова, 2015, с. 1065–1073]. Поэтому ретроспективный анализ стратегии и практики «опережающего», «комплексного» развития восточных районов сохраняет свою актуальность. Широкие возможности здесь открывает использование концепции «взлета индустриальных систем», обоснованной еще в ранних версиях теории модернизации. Под ним понимаются относительно краткие периоды бурного экономического роста. Его предпосылкой являются значимые технологические сдвиги и вызовы политического и социального порядка, источником – максимизация инвестиций, а обязательным условием – желание и наличие у правящей элиты властного ресурса, достаточного для осуществления обременительного для многих «экономического рывка». Период «взлета» заканчивается либо выходом на траекторию устойчивого развития, либо слабыми попытками обновления и подъема [Rostow, 1973, p. 285–300].

Концепция «взлета» разрабатывалась применительно к рыночной экономике. Но она продуктивна и при анализе советской индустриальной системы. Время ее «взлета» можно датировать началом 1930-х – второй половиной 1960-х гг.: от постановки амбициозных целей («Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет» (Сталин, 1953, с. 362)) до попыток в ходе «косыгинской реформы» дать новый импульс экономическому развитию. В названные годы Советский Союз совершил выдающийся рывок и в два раза сократил свое отставание от стран – лидеров экономического роста по душевому ВВП (в данном случае речь о цене не идет) [Мировая экономика..., 2003, с. 515–516]. Следовательно, экономическая стратегия руководства страны на «взлете» советской индустриальной системы – при всех издержках и «сбоях» – оказалась весьма результативной. Однако сразу возникает вопрос: как оценить ее региональный аспект? Одни исследователи утверждают, что курс на «опережающее», «комплексное» развитие Урала, Сибири и Дальнего Востока отвечал и отвечает коренным интересам страны [От идеи Ломоносова..., 2009]. Другие это отрицают. Они считают, что освоению «наших необъятных просторов мы отдаем больше, чем получаем от них...» И если бы «за Уралом плескался океан», то Россия уже давно бы была «полноправным членом сообщества цивилизованных стран». Другими словами, избранный вектор региональной политики имел самые негативные последствия для развития страны. Отсюда – идея «сжатия» ее экономического пространства [Трейвиш, Шупер, 1992; Пивоваров, 2002; Hill, Gaddy, 2003; Торнтон, 2015, с. 1123–1169]. Так что оценка советской стратегии «опережающего» развития восточных районов сохраняет актуальность. Думается, что это имеет не только познавательное, но и практическое значение.

Хозяйственное освоение восточных районов России в XX в. можно трактовать как последовательность «индустриальных волн», вовлекавших в оборот ресурсы, необходимые для

ускоренного развития экономики, наращивания ее военно-промышленной мощи и, в конечном счете, укрепления геополитических и военно-стратегических позиций государства. Соответствующие планы начали разрабатываться еще на рубеже XIX–XX вв. Но на практике, за исключением строительства Транссиба, мало что было сделано. Эти идеи «по наследству» перешли советской власти [Зубков, 2012, с. 84–88]. Однако ее экономическая политика не была простым «повторением пройденного». С одной стороны, советское руководство, как и «имперские модернизаторы» связывали перспективы страны с ее индустриализацией. Важная роль отводилась вовлечению в хозяйственный оборот природных ресурсов восточных районов. С другой стороны, в силу иной политико-экономической организации общества пути и способы наращивания индустриальной мощи имели существенные отличия. Жесткая властная вертикаль, монопольное положение государственной собственности, централизованное распределение ресурсов, административные механизмы координации хозяйственной деятельности, свойственные периоду индустриального «взлета», позволяли ставить самые амбициозные цели и добиваться их реализации, не считаясь ни с какими издержками.

Главным инструментом, «основным методом» осуществления такой стратегии считалось народнохозяйственное планирование. В действительности оперативные (годовые) планы представляли лишь один из элементов управления экономикой. А перспективные (пятилетние) содержали нереальные допущения и в большей мере выполняли пропагандистскую функцию. Отсюда постоянная корректировка их заданий. Как следствие, достигнутые результаты заметно расходились с первоначально утвержденными показателями (см. [Zaleski, 1980, р. 483–486; Грегори, 2006, с. 154–163] и др.). Тем не менее планирование играло важную роль в управлении экономикой. Оно фиксировало долгосрочные приоритеты ее развития. Конкретные же производственные задания, перечень и сроки реализации инвестиционных проектов были вторичны. При сохранении общего курса они могли меняться в достаточно широком диапазоне.

Такая технология планирования придавала управлению экономикой необходимую гибкость. Ее приоритеты определялись решениями «партии и правительства» (а по существу – узким кругом политического руководства), казалось бы, по частным вопросам. Но под них подстраивались при составлении (корректировке) и перспективных, и текущих планов. Так, как бы явочным порядком устанавливались экономические цели национального значения. И чем жестче была управленческая вертикаль, тем больше достигнутые результаты соответствовали первоначальному замыслу. В отсутствие рыночных отношений это являлось залогом успеха. Сказанное подтверждают масштабы роста производства и изменения в его отраслевой и территориальной структуре. Правда, государственная статистика существенно искажала реальную картину [Ханин, 1991; Кудров, 1997]. Вместе с тем с учетом альтернативных расчетов она всё же дает представление об изменении места и роли восточной макрзоны в экономике страны.

Эти особенности народнохозяйственного планирования в полном объеме проявились в годы «сталинской индустриализации». Выступая на XVI конференции ВКП(б) (апрель 1929 г.) с обоснованием плана первой пятилетки, председатель ВСНХ СССР В. В. Куйбышев утверждал: «Нам нужно во что бы ни стало, в короткий исторический период догнать и перегнать своих капиталистических врагов. Иначе построение социализма не может быть обеспечено» (Шестнадцатая конференция ВКП(б), 1929, с. 56, 60, 621–627). В «территориальном разрезе» ставились две взаимосвязанные задачи. Во-первых, «приближение» промышленности к источникам сырья, что по расчету планировщиков должно было повысить эффективность производства. И, во-вторых, создание в «окраинных», «отсталых» районах «индустриальных очагов», обещавшее повысить в составе их населения долю «промышленного пролетариата». Это считалось действенным способом упрочения социальной базы советской власти в наиболее проблемных в политическом отношении регионах (Пятилетний план, 1929, с. XIV–XVIII).

Но в строительной программе, являвшейся «центральным звеном» пятилетнего плана, преимущество отдавалось «старопромышленным районам»: центральному во главе с Моск-

вой, Ленинграду и Донецко-Криворожскому бассейну. В тексте плана восточная макрizona как единое целое специально не выделялась. Она отождествлялась с «окраинными» сельскохозяйственными районами, с «отсталыми» национальными областями и республиками. Но к таковым также относился ряд регионов в других частях страны. Поэтому ставилась задача одновременного формирования «индустриальных очагов» от Белоруссии и Карелии на западе до Кавказа и Средней Азии на юге, Кузнецко-Алтайского региона и Бурят-Монголии на востоке. Такая стратегия входила в противоречие с планами ускоренной индустриализации, поскольку вела к распылению сил и средств. И уже в начале пятилетки провели корректировку ее заданий. Она предусматривала масштабное строительство предприятий черной металлургии на минеральном топливе и смежных производств в районах Урала и Кузбасса. Эта идея обсуждалась еще до революции, а затем – в 1920-е гг. [Михеев, 2024, с. 53–57]. Но только согласно откорректированным заданиям первой пятилетки перешли к ее реализации.

В мае 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о создании в районе Урало-Кузбасса «второй угольно-металлургической базы СССР» (КПСС в резолюциях, 1970, с. 398–404). Так было положено начало реализации первой советской комплексной межотраслевой и межрегиональной программы. Ее задания проходили по отдельным разделам «уточненного» пятилетнего плана. Но в совокупности они предусматривали формирование в районах Урала, Юго-Западной Сибири и Северного Казахстана единого комплекса предприятий горнодобывающей и металлургической промышленности, тяжелого машиностроения, основной химии, электроэнергетики. В результате капиталовложения сюда были увеличены в три раза по сравнению с начальным вариантом пятилетки за счет уточнения общесоюзной строительной программы [Планирование..., 1986, ч. 1, с. 136].

Эти планы в июне 1930 г. утвердил XVI съезд ВКП(б). Одновременно он уточнил само понятие «восточные районы». К ним отнесли Урал, Сибирь, Дальний Восток, Казахстан и Среднюю Азию (XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии, 1930, с. 495). Курс на их опережающее развитие был закреплен вторым пятилетним планом. Но в его проектировках приоритет по-прежнему отводился наращиванию производственной базы Урало-Кузбасса. Сюда планировалось направить четверть всех капиталовложений в народное хозяйство и более трети – в тяжелую индустрию (Второй пятилетний план, 1934, с. 318). Правда, нарастание диспропорций в экономике в результате безоглядного стремления максимизировать темпы ее роста побудили руководство страны к проведению более умеренной экономической политики [Девис, Хлевнюк, 1994]. Но это не означало пересмотра основ региональной стратегии.

Выступая на XVIII съезде партии (март 1939 г.) с обоснованием заданий третьей пятилетки председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский подчеркивал, что «основная линия размещения» производительных сил остается неизменной и заключается в их форсированном развитии на востоке страны (XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 1939, с. 337). Но в третьей пятилетке лишь Сибирь (прежде всего Восточная) и Дальний Восток получали заметное преимущество в планируемых темпах наращивания капитальных вложений по сравнению с другими восточными районами. Такое сужение приоритетов практической политики было вполне объяснимо. Усиление военной угрозы потребовало дополнительных вложений в развитие оборонной промышленности. А она в основном располагалась в европейской части страны. Однако ни чрезвычайные обстоятельства, ни отклонение фактического развития от плановых проектировок не отменяло главного. За предвоенные пятилетки удалось добиться выдающегося сдвига индустрии на восток страны. Если в 1928 г. доля Урала, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана составляла 6–7 % от общесоюзного производства промышленной продукции [Планирование..., 1986, т. 1, с. 25], то в 1940 г. – уже 15,7 % (6,6, 4,1, 1,6, 3,4 % для названных регионов соответственно)¹.

¹ Оценка по: Валовая продукция всей промышленности по экономическим районам // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 68.

При том, что как по данным советской статистики, так и по альтернативным расчетам темпы ее роста были исключительно высокие [Кудров, 1997, с. 53]. Но дело не только в динамике количественных показателей. Советская индустриальная система, в том числе благодаря ускоренному наращиванию производства на востоке, стала качественно иной. Она, опираясь на собственную сырьевую базу, обрела возможность удовлетворять основные инвестиционные потребности экономики и обеспечивать вооруженные силы современной техникой. Это позволяло строить самые амбициозные планы на будущее. И, несмотря на все сложности предвоенного времени, к их разработке приступили уже в третьей пятилетке.

Необходимость органичного сочетания годовых, пятилетних и генеральных планов обсуждалась с середины 1920-х гг. Считалось, что начинать народнохозяйственное планирование нужно с составления последнего, обосновывающего долгосрочные инвестиционные программы. Однако этот замысел тогда не удалось реализовать. Только в конце 1930-х гг. новое поколение плановиков вернулось к идее разработки Генплана. Но они видели в нем не столько управленческий, сколько политический документ. Главным для них было обосновать темпы и пропорции развития экономики, подтверждавшие реальность достижения целей «генеральной линии партии» на построение коммунизма [Артемов, 2013, с. 156, 157].

К работе над Генпланом приступили в декабре 1940 г. А уже в апреле следующего года был подготовлен его проект. Целевая установка Генплана определялась как решение «поставленной товарищем Сталиным» задачи «перегнать главные капиталистические страны в производстве на душу населения чугуна, стали, топлива, электроэнергии, машин и других средств производства и потребления»². В соответствии с ней строились все плановые расчеты. Устанавливались задания для промышленности в отраслевом и территориальном разрезе, объем капиталовложений, параметры денежного обращения, развития социальной инфраструктуры, воспроизводства рабочей силы и т. д. Посредством метода «балансовых прикидок» и «балансовых увязок» полученные показатели согласовывались между собой. За 15 лет (с 1942 по 1957 г.) выпуск промышленной продукции намечалось увеличить в 3,2 раза, а сельскохозяйственной – в 2,5 раза. Опережающими темпами предусматривалось наращивание производства в восточной макроне страны. Ее удельный вес в валовой продукции промышленности страны планировалось довести до 29–30 %³. К концу планового периода здесь намечалось добывать 48–49 % угля, производить 36–38 % цемента, 34 % чугуна, столько же электроэнергии, выпускать 28–29 % продукции металлообработки.

С учетом опыта реализации программы Урало-Кузбасса в каждом экономическом районе намечалось «всестороннее комплексное развитие хозяйства». Межрегиональные связи допускались только «по строго необходимому минимуму продукции и сырья, производство которых связано с наличием особо благоприятных условий и ресурсов тех или иных районов». Для Урала и Западной Сибири это была горнодобывающая промышленность, черная и цветная металлургия, химическая и лесная промышленность, отдельные подотрасли тяжелого машиностроения. Для Дальнего Востока и Восточной Сибири – добыча полезных ископаемых, цветная металлургия и металлургия редких металлов, лесная и рыбная отрасли. Казахстан и Среднюю Азию намечалось специализировать на добыче руд цветных металлов, производстве хлопка и животноводстве [Там же, с. 158].

По понятным причинам – начало войны – завершение работы над Генпланом пришлось отложить. К работе над ним по решению политбюро ЦК ВКП(б) вернулись, когда обозначились успехи в послевоенной перестройке экономики. И уже к декабрю 1948 г. был подготовлен его «предварительный вариант» на 20 лет. Генплан, как и его довоенный аналог, должен был конкретизировать положения новой программы партии, программы «построения комму-

² Тезисы доклада Госплана при СНК СССР Центральному Комитету ВКП(б) и Совету народных комиссаров о Генеральном плане развития народного хозяйства СССР на пятнадцать лет // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 41. Д. 199. Л. 3–6.

³ Там же. Л. 343, 462, 463, 465.

нистического общества». Поэтому по целевым установкам, методологии расчета плановых заданий они принципиально ничем не отличались ⁴.

Имевшиеся расхождения в показателях объема и темпах роста производства, «совершенствовании» его отраслевой и территориальной структуры объяснялись различиями в стартовых условиях. В частности, учитывалось, что в годы войны удельный вес восточной макрорайоны в общесоюзном выпуске промышленной продукции вырос почти в два раза в результате эвакуации сюда промышленных предприятий. Поэтому по сравнению с предвоенным Генпланом намечались более «скромные» изменения в размещении производства. С 1951 по 1970 г. доля восточных районов в валовой продукции промышленности должна была увеличиться с 28,6 до 33,7 % ⁵. Приоритет по-прежнему отдавался развитию отраслей их специализации: электроэнергетике, черной и цветной металлургии, горнодобывающей и лесоперерабатывающей промышленности, тяжелому машиностроению, основной химии и электрохимии, производству хлопка. Одновременно ставилась задача резко повысить продуктивность сельского хозяйства (производство зерна, животноводство) и «создать» в каждом восточном районе «отрасли промышленности, удовлетворяющие потребности населения в продовольствии и предметах массового потребления» ⁶. Естественно, возникал вопрос: как обеспечить такое расширение производственных мощностей рабочей силой? Решение проблемы виделось в «перемещении» за двадцать лет в районы Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока и Северного Казахстана девяти с половиной миллионов человек из европейской части страны ⁷. Правда, разработчики Генплана не уточняли, каким способом намечается добиться такого результата, чем мотивировать людей переселяться в общем-то в плохих «обжитых» местах?

Генплан не утвердили в качестве директивного документа. Естественно, возникает вопрос: почему? В советской и в постсоветской историографии прекращение работы над Генпланом, как правило, связывают с объявлением его руководителя Н. А. Вознесенского «врагом народа». Действительно, это сыграло свою роль. Но думается, что главные причины всё же заключались в другом. Во-первых, Генплан создавался для конкретизации стратегии коммунистического строительства, которую предполагалось изложить в новой программе партии. Однако ее разработчики не смогли сформулировать системное представление, каким должно быть новое общество, каковы пути достижения «заветной» цели. В результате работа над программой была фактически заморожена [Журавлев, Лазарева, 2017, с. 7–9]. Поэтому задача доведения Генплана до стадии полной готовности потеряла политическую актуальность. Во-вторых, значительно снизилась и ее практическая ценность. Втягивание страны в «холодную войну» потребовало сосредоточить усилия на наращивании оборонных возможностей. В такой ситуации разработка долгосрочных планов создания «материальной базы коммунизма», «технического перевооружения» производства, «совершенствования» его территориальной структуры, «комплексного развития» регионов и т. д. выглядела напрасной тратой сил и времени. Так, руководство атомным проектом, несмотря на решение политбюро ЦК ВКП(б), сразу же отказалось участвовать в подготовке Генплана. Свою позицию оно аргументировало «неприемлемым отрывом академика Курчатова и других нужных людей в ущерб задачам, которые предстоит решать в ближайшие месяцы» [Артемов, 2017, с. 133, 134]. Судя по всему, большинство руководителей промышленности разделяли эти взгляды. А в отсутствие поддержки с их стороны завершение работы над Генпланом не имело перспектив.

Конечно, сталинское руководство осознавало, что безудержное наращивание военной мощи ведет к перенапряжению экономики и социальным издержкам. Но реальные шаги

⁴ Проект постановления о Генеральном хозяйственном плане // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 98. Д. 1387. Л. 106, 221–223, 315, 466.

⁵ Приложение к проекту постановления о генеральном хозяйственном плане // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 1388. Л. 1.

⁶ Проект постановления... Л. 243–246, 249–252, 356–360.

⁷ Приложения к проекту... Л. 19, 20.

по корректировке принятого курса были сделаны только после смерти вождя, в рамках общей либерализации режима. Сначала они носили ситуативный характер и предусматривали смягчение наиболее острых диспропорций. За счет оптимизации военно-стратегического и народнохозяйственного планирования ограничили закупки обычных видов вооружения и вложения в военно-промышленный комплекс, началось сокращение численности армии. Был заморожен ряд масштабных инвестиционных проектов. Сэкономленные средства перенацелили на укрепление материальной базы сельского хозяйства, развитие потребительского сектора промышленности, улучшение материального положения населения. И это сразу же положительно сказалось на экономической динамике. Было, однако, ясно, что «неотложные меры» могут дать лишь краткосрочный эффект. Для закрепления и развития достигнутых успехов требовалась продуманная стратегия на перспективу. Работа в этом направлении началась в середине 1950-х гг. Тогда же приняли ряд постановлений, направленных на ускорение научно-технического прогресса, «подтягивание» темпов роста производств, работающих на потребительский рынок, децентрализацию управления экономикой [Артемов, 2022, с. 189–190].

Новый курс закрепил XX съезд партии. По сути, в принятом им шестом пятилетнем плане ставилась задача дополнить военно-промышленную направленность советской экономики потребительски ориентированной составляющей. Но ее решение сразу же столкнулось с серьезными трудностями. Для их преодоления в мае 1957 г. запустили «совнархозовскую» реформу. Она предусматривала замену отраслевых органов управления промышленностью и строительством на территориальные. Декларировалось, что это позволит избавиться от «пут» предельной «централизации и регламентации» как главного препятствия «в деле разумного ведения хозяйства», будет способствовать ускорению научно-технического прогресса, оптимизации территориальной структуры производства и т. д. (Президиум ЦК КПСС, 2006, т. 2, с. 522–539). Однако уже в октябре того же года Президиум ЦК КПСС констатировал, что «имеющиеся в народном хозяйстве диспропорции» неразрешимы в рамках плана шестой пятилетки. Его задания «не обеспечивают» формирования новых отраслей промышленности, «правильного размещения производства» и «комплексного развития отдельных экономических районов». Отсюда следовало радикальное решение: не дожидаясь окончания шестой пятилетки разработать семилетний план развития народного хозяйства на 1959–1965 гг. и уже в нем предусмотреть ликвидацию «узких мест» в экономике (Президиум ЦК КПСС, 2006, т. 1, с. 211, 214, 215, 266; т. 2, с. 689–696).

В частности, выдвигалось требование обеспечить «освоение в более крупных масштабах природных богатств восточных районов страны». И это нашло отражение в контрольных цифрах семилетки, утвержденных XXI съездом партии (январь – февраль 1959 г.). Они предусматривали более высокие темпы роста промышленности в восточной макроне – прежде всего отраслей ее специализации – по сравнению с проектировками шестой пятилетки. Сюда планировалось направить свыше 40 % общесоюзного объема капитальных вложений, прежде всего в развитие базовых отраслей промышленности. Иначе говоря, намечался новый «сдвиг» производительных сил на восток страны (Внеочередной XXI съезд, 1959, т. 2, с. 471–478). Разумеется, учитывался и опыт Второй мировой войны. Он свидетельствовал о важности наращивания производства во внутренних регионах для повышения устойчивости экономики в чрезвычайных обстоятельствах. Но главная идея семилетки заключалась в создании экономических предпосылок выполнения программы построения коммунизма, подготовку которой возобновили по инициативе Н. С. Хрущева.

В концептуальном отношении она повторяла подходы, наработанные в конце 1940-х гг. Дословно совпадали даже ее отдельные ключевые формулировки. Экономическая часть программы опиралась на Генеральную перспективу развития народного хозяйства СССР. Она, как и сталинский Генплан, должна была обосновать реальность «построения коммунистического общества». Под это «подгонялись» все плановые показатели. Отсюда появлялись такие фантастические цифры, как рост за двадцать лет национального дохода в пять раз, промыш-

ленного производства – в шесть раз, производительности труда только за первые десять лет – в два раза, реальных доходов на душу населения – в три с половиной раза, увеличение доли Сибири и Дальнего Востока в общесоюзном выпуске промышленной продукции чуть ли не в два раза. Многие руководители экономики понимали нереальность таких планов. Поэтому Генеральную перспективу не утвердили в качестве директивного документа. Но по настоянию Н. С. Хрущева ее основные показатели вошли в новую программу партии, принятую XXII съездом КПСС [Баканов, Фокин, 2019, с. 429–436; Водичев, Аблажей, 2023, с. 142–147].

Неразумность такого решения стала очевидна практически сразу. Уже в самом начале семилетки обозначились «сбои» в выполнении плановых заданий. Проблему пытались решить путем новых административных реорганизаций. По сути, была запущена частичная децентрализация управления экономикой (создание отраслевых госкомитетов, являвшихся неким аналогом хозяйственных министерств, правда с урезанными функциями, укреплением центрального звена руководства за счет образования при президиуме Совмина СССР Комиссии по военно-промышленным вопросам, ВСНХ СССР и т. д.). Но это лишь усугубило проблемы. В октябре 1964 г. Президиум ЦК КПСС констатировал, что «экономика по ряду важнейших направлений резко ухудшила свои показатели», за восемь предшествующих лет произошло «небывалое в истории ее развития снижение темпов прироста». Ответственность за это возложили на Н. С. Хрущева, будто бы допустившего «крупные ошибки» в осуществлении «генеральной линии партии», и отправили его в отставку (Никита Хрущев, 2007, с. 185–186, 217–231, 239–252, 255–257).

В действительности дело было не только в «волютаризме» и «зазнайстве» Хрущева. Первопричиной падения темпов экономического роста стало втягивание страны на рубеже 1950–1960-х гг. в избыточный с точки зрения необходимости и достаточности виток гонки вооружений, прежде всего ракетно-ядерных сил. Таких масштабов их наращивания, как в семилетке, не наблюдалось вплоть до окончания «советского века». Это потребовало огромных вложений в развитие ядерно-оружейного комплекса и ракетно-космической отрасли. В результате в «рабочем порядке» была перераспределена значительная часть ресурсов, предназначенных для создания новых отраслей и технического перевооружения производства, расширения его сырьевой базы, «комплексного освоения» восточных районов и т. д. [Артемов, 2022, с. 190–198]. Но всё же главную роль в затухании темпов роста советской экономики, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, сыграло снижение ее управляемости. На высшем политическом уровне фактически признали, что инициированные Хрущевым реорганизации не оправдали надежд. Поэтому сразу после его смещения вернулись к «проверенному принципу» ведомственного руководства экономикой. Одновременно запустили так называемую «косыгинскую реформу». Она предусматривала усиление централизованного начала в организации производства в сочетании с расширением хозяйственной самостоятельности предприятий и повышением их материальной заинтересованности в результатах своей деятельности. Однако в отсутствие реальных рыночных стимулов и санкций принятые меры привели лишь к разбалансированию экономики. Другим непредвиденным последствием «косыгинской реформы» стало расширение возможностей для реализации частных (ведомственных региональных, групповых) интересов в ущерб общегосударственным [Митрохин, 2023, с. 99, 114–130]. По сути, с восстановлением отраслевой схемы управления производством произошла подмена государственного централизма на централизм ведомственный. Это неизбежно вело к рассогласованию принимавшихся на «самом верху» решений и их выполнения.

Так было и с «контрольными цифрами» по увеличению промышленного производства в восточных районах. Сохранилось устойчивое отклонение фактических результатов их развития от намечавшихся проектировок. Причина заключалась в сдерживании масштабов капиталовложений в восточной макрорегии отраслевыми органами планирования и управления. Дело в том, что увеличение производства по экономическим районам являлось расчетным

показателем и не учитывалось при оценке их деятельности. А поскольку текущие издержки производства, сроки окупаемости капиталовложений в восточной макроне были выше среднесоюзных, то они стремились ограничить здесь свою активность [Тенденции..., 1980, с. 51–53]. И только сильный административный нажим мог заставить ведомства действовать иначе. Но даже в сталинской командной экономике такого в полной мере не удавалось сделать. А с либерализацией режима и ослаблением управленческой вертикали при росте масштабов и усложнении структуры экономики это стало еще труднее. Не помогло и сокращение числа приоритетных территорий. Теперь страна в предплановых работах членилась на Европейскую часть вместе с Уралом, Сибирь и Дальний Восток, Казахстан и Среднюю Азию. И только две последние макроне отождествляемые с восточными районами, имели статус территорий «интенсивного хозяйственного освоения» [Особенности..., 1980, с. 19].

Но планы по их «ускоренному», «комплексному» развитию всё равно не выполнялись. Правда, ситуация была лучше, чем в конце «хрущевского десятилетия». В 1955–1965 гг. удельный вес Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии в общесоюзном выпуске промышленной продукции практически не изменился (15,3 и 16,5 % соответственно)⁸. К 1980 г. он всё же вышел на уровень 20 % [Планирование..., 1986, ч. 2, с. 75] и вместе с Уралом составил почти 30 %, т. е. столько же, сколько намечалось на 1957 г. в проектировках предвоенного Генплана. Но такое увеличение произошло за счет освоенческих проектов, осуществлявшихся по транспортно-энергетической формуле (освоение Западно-Сибирской нефтегазовой провинции, формирование территориально-производственных комплексов Ангара-Енисейского региона, строительство Байкало-Амурской магистрали) [Кулешов и др., 2009, с. 5, 6]. Иначе говоря, реализовалась ресурсно-ориентированная модель развития восточных районов (если не принимать во внимание военно-промышленную составляющую). В ее оправдание утверждалось, что уже в недалеком будущем произойдет переход к «более рациональному территориальному распределению общественного труда» и «быстрое нарастание» их «комплексности» [Экономический строй, 1984, с. 454, 455]. Нетрудно заметить: даже на «излете» советской эпохи при определении перспектив развития восточных районов фактически использовалась аргументация сорокалетней давности. Тем не менее, вряд ли можно говорить о принципиальной неспособности «социалистической системы хозяйствования» обеспечить устойчивое, поступательное развитие экономики. Всё же главная причина отклонения фактической траектории ее развития от планируемой, как и низкая эффективность производства, заключалась в стойком нежелании «поступаться принципами» при реформировании «хозяйственного механизма». Если же говорить о реальном «сдвиге производительных сил» на восток страны, то он был весьма значительным. По времени это совпало с периодом бурного «взлета» советской индустриальной системы. Сказанное позволяет сделать вывод о взаимосвязи высоких темпов роста советской экономики с «интенсивным хозяйственным освоением» восточных территорий.

Список литературы

- Артемов Е. Т. Восточные регионы в проектировках предвоенного Генерального хозяйственного плана // ЭКО. 2013. Т. 43, № 1. С. 151–166.
- Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 343 с.
- Артемов Е. Т. Несостоявшееся ускорение: военно-стратегический фактор в экономической политике Н.С. Хрущева // Российская история. 2022. № 4. С. 186–198.
- Баканов С. А., Фокин А. А. «А при коммунизме всё будет...»: государственное планирование уровня жизни советского человека к 1980 г. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 420–436.
- Водичев Е. Г., Аблажей Н. Н. Стратегический план построения коммунизма в СССР: амбиции и идеология хрущевской эпохи // ЭКО. 2023. № 2. С. 137–151.

⁸ Оценка по.: Валовая продукция всей промышленности по экономическим районам // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 68.

- Грегори П.** Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2006. 400 с.
- Девис Р., Хлевнюк О. В.** Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 3. С. 92–108.
- Журавлев В. В., Лазарева Л. Н.** Складывание экономической модели позднего сталинизма (1947–1953 гг.) // Сталинское экономическое наследие: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы. М., 2017. С. 5–26.
- Зубков К. И.** Прошлое и будущее Сибири: регулятивная роль геополитического фактора // ЭКО. 2012. № 1 (45). С. 73–90.
- Кудров В. М.** Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М.: Наука, 1997. 303 с.
- Кулешов В. В., Суслов В. И., Селиверстов В. Е.** Стратегические установки долгосрочного развития Сибири // Регион: экономика и социология. 2009. № 2. С. 3–22.
- Маркевич А., Михайлова Т.** Экономическая география России // Экономика России. Оксфордский сборник. М., 2015. Т. 2. С. 1053–1095.
- Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / Под ред. И. С. Королева. М.: Экономист, 2003. 604 с.
- Митрохин Н.** Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах. М.: НЛЮ, 2023. Т. 1. 504 с.
- Михеев М. В.** Урал и Украина в системе межрегиональных противоречий 1920–1930-х гг. (начало) // Историко-географический журнал. 2024. Т. 3, № 1. С. 46–63.
- Особенности и проблемы размещения производительных сил СССР в период развитого социализма / Отв. ред. Н. Н. Некрасов. М.: Наука, 1980. 275 с.
- От идеи Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока / Под общ. ред. А. И. Татаркина, В. В. Кулешова, П. А. Минакира. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2009. 1226 с.
- Пивоваров Ю. Л.** Сжатие «экономической ойкумены» России // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 4. С. 63–69.
- Планирование размещения производительных сил СССР. Осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства / Председатель редколл. В. П. Можин. М.: Экономика, 1986. Ч. 1. 304 с.; Ч. 2. 384 с.
- Тенденции экономического развития Сибири (1961–1975 гг.) / Отв. ред. Р. И. Шнипер. Новосибирск: Наука, 1980. 255 с.
- Торнтон Д.** Региональные проблемы России на примерах Сибири и Дальнего Востока // Экономика России. Оксфордский сборник. М., 2015. Т. 2. С. 1123–1169.
- Трейвиш А., Шупер В.** Теоретическая география, геополитика и будущее // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 23–33.
- Ханин Г. И.** Динамика экономического развития СССР. Новосибирск: Наука, 1991. 270 с.
- Экономический строй социализма / Рук. авт. колл. Г. М. Сорокин. М.: Экономика, 1984. Т. 2: Социалистическое расширенное воспроизводство (закономерности, интенсификация, эффективность). 623 с.
- Hill F., Gaddy C.** The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia. Out in the Cold. Washington: Brookings Institution Press, 2003. 327 p.
- Rostow W. W.** The Take-off into Self-Sustained Growth // Social Change, Sources, Patterns and Consequences. New York, 1973. P. 285–300.
- Zaleski E.** Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952. Chapel Hill: Uni. of North Carolina Press, 1980. 788 p.

Список источников

- XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1930. 786 с.

- XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г.: Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1939. 737 с.
- Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). М.: Плановое хозяйство, 1934. Т. 1. 739 с.
- Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского союза. 27 января – 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 2. 615 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1970. Т. 4: 1927–1931. 581 с.
- Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: МДФ, Материк, 2007. 572 с.
- Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., РОССПЭН, 2006. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний, стенограммы. 1359 с.; Т. 2: Постановления. 1954–1958. 1119 с.
- Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Районный разрез плана. М.: Плановое хозяйство, 1930. Т. 3. 606 с.
- Сталин И. В.** Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1953. 652 с.
- Шестнадцатая конференция ВКП(б). Апрель 1929 г. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1962. 837 с.

References

- Artemov E. T.** Vostochnyye regiony v proektirovках predvoennogo General'nogo khozyaistvennogo plana [Eastern Regions in the Design of the Pre-war General Economic Plan]. *ECO*, 2013, vol. 43, no. 1, pp. 151–166. (in Russ.)
- Artemov E. T.** Atomnyi proekt v koordinatakh stalinskoй ekonomiki [Nuclear Project in the Coordinates of the Stalinist Economy]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2017, 343 p. (in Russ.)
- Artemov E. T.** Nesostoyavsheesya uskorenie: voenno-strategicheskii faktor v ekonomicheskoi politike N. S. Khrushcheva [Failed Acceleration: Military-strategic Factor in the Economic Policy of N. S. Khrushchev]. *Rossiiskaya istoriya [Russian History]*, 2022, no. 4, pp. 186–198. (in Russ.)
- Bakanov S. A., Fokin A. A.** “A pri kommunizme vse budet...”: gosudarstvennoe planirovanie urovnya zhizni sovetskogo cheloveka k 1980 g. [“And under Communism Everything will be...”: 'How the Planning Agencies of the USSR Saw the Nation's Wealth by 1980]. *Modern History of Russia*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 420–436. (in Russ.)
- Davis R., Khlevnyuk O. V.** Vtoraya pyatiletka: mekhanizm smeny ekonomicheskoi politiki [The Second Five-year Plan: The Mechanism of Changing Economic Policy]. *Otechestvennaya istoriya [Russian History]*, 1994, no. 3, pp. 92–108. (in Russ.)
- Gregory P.** Politicheskaya ekonomiya stalinizma [The Political Economy of Stalinism]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 400 p. (in Russ.)
- Hill F., Gaddy C.** The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia. Out in the Cold. Washington, Brookings Institution Press, 2003, 327 p.
- Khanin G. I.** Dinamika ekonomicheskogo razvitiya SSSR [Dynamics of Economic Development of the USSR]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 270 p. (in Russ.)
- Korolev I. S.** (ed.). Mirovaya ekonomika: global'nye tendentsii za 100 let [World Economy: Global Trends for 100 Years]. Moscow, Ekonomist publ., 2003, 604 p. (in Russ.)
- Kudrov V. M.** Sovetskaya ekonomika v retrospektive: opyt pereosmysleniya [Soviet Economy in Retrospect: The Experience of Rethinking]. Moscow, Nauka, 1997, 303 p. (in Russ.)
- Kuleshov V. V., Suslov V. I., Seliverstov V. E.** Strategicheskie ustanovki dolgosrochnogo razvitiya Sibiri [Strategic Aims of the Long-term Development in Siberia]. *Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*, 2009, no. 2, pp. 3–22. (in Russ.)

- Markevich A., Mikhailova T.** Ekonomicheskaya geografiya Rossii [Economic Geography of Russia]. In: *Ekonomika Rossii. Oksfordskii sbornik* [Economics of Russia. Oxford Collection]. Moscow, 2015, vol. 2, pp. 1053–1095. (in Russ.)
- Mikheev M. V.** Ural i Ukraina v sisteme mezhregional'nykh protivorechii 1920–1930-kh gg. (nachalo) [The Urals and Ukraine in the System of Interregional Contradictions of the 1920s and 1930s (beginning)]. *Istoriko-geograficheskii zhurnal* [Historical and Geographical Journal], 2024, vol. 3, no. 1, pp. 46–63. (in Russ.)
- Mitrokhin N.** Ocherki sovetskoi ekonomicheskoi politiki v 1965–1989 godakh [Essays on Soviet Economic Policy in 1965–1989]. Moscow, NLO Publ., 2023, vol. 1, 504 p. (in Russ.)
- Mozhin V. P.** (ed). Planirovanie razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil SSSR. Osushchestvlenie politiki KPSS na etapakh sotsialisticheskogo stroitel'stva [Planning for the Deployment of the Productive Forces of the USSR. Implementation of the Policy of the CPSU at the Stages of Socialist Construction]. Moscow, Ekonomika, 1986, pt. 1, 304 p.; pt. 2, 384 p. (in Russ.)
- Nekrasov N. N.** (ed.). Osobennosti i problemy razmeshcheniya proizvoditel'nykh sil SSSR v period razvitoogo sotsializma [Peculiarities and Problems of Distribution of the Productive Forces of the USSR in the Period of Developed Socialism]. Moscow, Nauka, 1980, 275 p. (in Russ.)
- Pivovarov Yu. L.** Szhatie “ekonomicheskoi oikumeny” Rossii [Shrinkage of Russia’s “Economic Oekumena”]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2002, no. 4. pp. 63–69. (in Russ.)
- Rostow W. W.** The Take-off into Self-Sustained Growth. In: *Social Change, Sources, Patterns and Consequences*. New York, 1973, pp. 285–300.
- Shniper R. I.** (ed.). Tendentsii ekonomicheskogo razvitiya Sibiri (1961–1975 gg.) [Trends in the Economic Development of Siberia (1961–1975)]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 255 p. (in Russ.)
- Sorokin G. M.** (ed.). Ekonomicheskii stroi sotsializma [The Economic System of Socialism]. Moscow, Ekonomika Publ., 1984, vol. 2: Sotsialisticheskoe rasshirennoe vosproizvodstvo (zakonomernosti, intensivatsiya, effektivnost') [Socialist Expanded Reproduction (Patterns, Intensification, Efficiency)], 623 p. (in Russ.)
- Tatarkin A. I., Kuleshov V. V., Minakir P. A.** (eds.). Ot idei Lomonosova k real'nomu osvoeniyu territorii Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka [From the Lomonosov's Idea to the Real Development of the Territories of the Urals, Siberia and the Far East]. Yekaterinburg, Institute of Economic UrB RAS, 2009, 1226 p. (in Russ.)
- Tornton D.** Regional'nye problemy Rossii na primerakh Sibiri i Dal'nego Vostoka [Regional Problems of Russia on the Examples of Siberia and the Far East]. In: *Ekonomika Rossii. Oksfordskii sbornik* [Russian Economy. Oxford Collection]. Moscow, 2015, vol. 2, pp. 1123–1169. (in Russ.)
- Treyvish A., Shuper V.** Teoreticheskaya geografiya, geopolitika i budushchee [Theoretical Geography, Geopolitics and the Future]. *Svobodnaya mysl'* [Free Thought], 1992, no. 12, pp. 23–33. (in Russ.)
- Vodichev E. G., Ablazhey N. N.** Strategicheskii plan postroeniya kommunizma v SSSR: ambitsii i ideologiya khrushchevskoi epokhi [Strategic Plan for “Building Communism” in the USSR: The Economic Ambitions and Ideology of the Khrushchev Era]. *ECO*, 2023, vol. 53, no. 2, pp. 137–151. (in Russ.)
- Zaleski E.** Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952. Chapel Hill, Uni. of North Carolina Press, 1980, 788 p.
- Zhuravlev V. V., Lazareva L. N.** Skladyvanie ekonomicheskoi modeli pozdnego stalinizma (1947–1953 gg.) [The Formation of the Economic Model of Late Stalinism (1947–1953)]. In: *Stalinskoe ekonomicheskoe nasledie: plany i diskussii. 1947–1953 gg.: Dokumenty i materialy* [Stalin's Economic Heritage: Plans and Discussions. 1947–1953: Documents and Materials]. Moscow, 2017, pp. 5–26. (in Russ.)

Zubkov K. I. Proshloe i budushchee Sibiri: regulativnaya rol' geopoliticheskogo faktora [The Past and Future of Siberia: the Regulatory Role of the Geopolitical Factor]. *ECO*, 2012, vol. 45, no. 1, pp. 73–90. (in Russ.)

List of Sources

- XVI s'ezd Vsesoyuznoi kommunisticheskoi partii (b). Stenograficheskii otchet [XVI Congress of the All-Union Communist Party (b). Verbatim Report]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1930, 786 p. (in Russ.)
- XVIII s'ezd Vsesoyuznoi Kommunisticheskoi partii (b). 10–21 marta 1939 g.: Stenograficheskii otchet [XVIII Congress of the All-Union Communist Party (b). March 10–21, 1939: Verbatim Report]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1939, 737 p. (in Russ.)
- KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TSK [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee]. Moscow, Politizdat Publ., 1970, vol. 4. 1927–1931, 581 p. (in Russ.)
- Nikita Khrushchev. 1964. Stenogrammy plenuma TSK KPSS i drugie dokumenty [Nikita Khrushchev. 1964. Transcripts of the Plenum of the Central Committee of the CPSU and Other Documents]. Moscow, MDF, Materik, 2007, 572 p. (in Russ.)
- Prezidium TSK KPSS. 1954–1964 [Presidium of the Central Committee of the CPSU. 1954–1964]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, vol. 1. Chernovye protokol'nye zapisi zasedanii, stenogrammy [Draft Minutes of Meetings, Transcripts], 1359 p.; vol. 2. Postanovleniya. 1954–1958 [Resolutions. 1954–1958], 1119 p. (in Russ.)
- Pyatiletnii plan narodno-khozyaystvennogo stroitel'stva SSSR. Raionnyi razrez plana [Five-year Plan for the National Economic Construction of the USSR. Regional Section of the Plan]. Moscow, Planovoe khozyaistvo Publ., 1930, vol. 3, 606 p. (in Russ.)
- Shestnadsataya konferentsiya VKP(b). April' 1929 g. Stenograficheskii otchet [Sixteenth Conference of the CPSU(b). April 1929. Verbatim Record]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962, 837 p. (in Russ.)
- Stalin I. V.** Voprosy leninizma [Questions of Leninism]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1953, 652 p. (in Russ.)
- Vneocherednoi XXI s'ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo soyuza. 27 yanvarya – 5 fevralya 1959 goda. Stenograficheskii otchet [Extraordinary XXI Congress of the Communist Party of the Soviet Union. January 27 – February 5, 1959. Verbatim Report]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1959, vol. 2, 615 p. (in Russ.)
- Vtoroi pyatiletnii plan razvitiya narodnogo khozyaistva SSSR (1933–1937 gg.) [The Second Five-year Plan for the Development of the National Economy of the USSR (1933–1937)]. Moscow, Planovoe khozyaistvo Publ., 1934, vol. 1, 739 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Евгений Тимофеевич Артемов, доктор исторических наук
Scopus Author ID 57212193284
WoS Researcher ID B-5845-2017

Information about the Author

Evgenii T. Artemov, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 57212193284
WoS Researcher ID B-5845-2017

*Статья поступила в редакцию 02.08.2023;
одобрена после рецензирования 24.11.2023; принята к публикации 13.12.2023
The article was submitted on 02.08.2023;
approved after reviewing on 24.11.2023; accepted for publication on 13.12.2023*

Научная статья

УДК 94+304:001.32(571.14)«196/198»

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-94-104

Историко-культурные аспекты клубного движения в новосибирском Академгородке в 1960–1980-е годы

Ольга Николаевна Шелегина

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

oshelegina@yandex.ru, <https://orcid.org/000-003-3715-4380>

Аннотация

Впервые рассматривается в исторической динамике клубное движение новосибирского Академгородка с учетом особенностей его социокультурного пространства в парадигме антропологии академической жизни. Структурирована информация о клубах, выделены и проанализированы основные этапы их организации и деятельности. 1960-е гг. – начальный этап клубного движения с выраженными процессами социокультурной адаптации и политического участия; 1970–1980-е гг. – создание и работа клубов в составе официальных культурных институций (Дом ученых СО АН, Дом культуры «Академия») с преобладанием культурно-просветительной и сциентистской ориентации; интеграционных явлений. Тренд «Наука – культура – искусство» может рассматриваться как историко-культурная формула клубного движения новосибирского Академгородка, укрепляющая научно-организационные принципы создания СО АН СССР «Наука – кадры – производство».

Ключевые слова

новосибирский Академгородок, клубное движение, политическое участие, социокультурная адаптация, культурная политика, коммуникации, Дом ученых СО АН СССР, научная идентичность, тренд «Наука – культура – искусство»

Благодарности

Статья выполнена в рамках государственного задания Института истории СО РАН по проекту «Социум и власть в России в XX – начале XXI в.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008)

Для цитирования

Шелегина О. Н. Историко-культурные аспекты клубного движения в новосибирском Академгородке в 1960–1980-е годы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 94–104. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-94-104

Historical and Cultural Aspects of the Club Movement in Novosibirsk Akademgorodok in 1960s – 1980s

Olga N. Shelegina

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

oshelegina@yandex.ru, <https://orcid.org/000-003-3715-4380>

Abstract

The article discusses the significance of leveraging historical experiences to address contemporary societal challenges, particularly the technological impact on science cities, the holistic development of human capital, and the cultivation

© Шелегина О. Н., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 94–104

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 94–104

of humanitarian resources for Russian scientific advancement. The primary objective of this work is to study in dynamics the historical and cultural aspects of the club movement, offering a comprehensive portrayal of the scientific community's life in Novosibirsk Akademgorodok during the 1960s to 1980s. Employing the problem-chronological method, an interdisciplinary approach, and the discourse of a new scientific trend of anthropology of scientific life, this study has yielded results that contribute to a broader understanding of the aforementioned subject matter. The initial stage of the club movement in 1960s was characterized by pronounced processes of sociocultural adaptation (fulfillment of the social order for communication) and political engagement aligning with scientific pursuits. In 1970s and 1980s, the club movement underwent institutionalization, integrating itself into the socio-cultural space of Akademgorodok. About 40 clubs were established, including the clubs "Under Integral", "Babylon", ISC Club, "Sigma", "Sage", "Vertical", "Grazia", "Aesthetics of Clothes", as well as thematic clubs of interest. Evidencing a democratic character, the club movement in Akademgorodok served to uphold the image of Soviet science and culture. Although the Soviet state regulated the forms of political participation, the club movement was generally supported by cultural policy actors. The mobilization trend encapsulated by "Science – Culture – Art" can be interpreted as a historical and cultural blueprint of the club movement of Novosibirsk Akademgorodok, strengthening the scientific and organizational principles of the establishment of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences "Science – Personnel – Production" in 1960–1980.

Keywords

Novosibirsk Akademgorodok, club movement, political participation, socio-cultural adaptation, cultural policy, communications, integration processes, House of Scientists of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, scientific identity, "Science – Culture – Art" trend

Acknowledgements

This article was published within the framework of the state assignment of the Institute of History SB RAS under the project "Society and power in Russia in the 20th – early 21st century: political participation, communication, identity of actors" (FWZM-2024-0008)

For citation

Shelegina O. N. Historical and Cultural Aspects of the Club Movement in Novosibirsk Akademgorodok in 1960s – 1980s. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 94–104. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-94-104

300-летие создания Российской академии наук, Десятилетие науки и технологий в России (2022–2031 гг.) актуализируют внимание к историческому опыту и всем аспектам жизнедеятельности научного сообщества, ресурсным для инновационных стратегий развития. Целесообразно обращение к социокультурной истории советских наукоградов, прежде всего первого регионального научного городка СО АН СССР, широко известного как новосибирский Академгородок. В настоящее время в историографии доминирует изучение истории СО АН СССР / СО РАН, формируется историко-культурное направление, но, по оценке И. С. Кузнецова, «явно недостаточно исследована собственная история новосибирского Академгородка как уникального социально-исторического феномена, который включал, помимо собственно научных, социальные, градостроительные, экологические, общественно-политические, морально-психологические и другие параметры» [Кузнецов, 2022, с. 203].

Во избежание технологического детерминизма и с целью формирования гражданско-патриотической позиции научной молодежи необходимо исследование клубного движения как части социокультурного пространства наукоградов, обеспечивающее развитие человеческого капитала, определяющего конкурентоспособность нашей страны. Новосибирский Академгородок с новационной моделью научно-исследовательской и образовательной инфраструктуры, креативной культурой жизнедеятельности ученых в 1960–1980-е гг. отличался активным развитием клубного движения.

Изучение социокультурной среды наукоградов было начато в середине 1990-х гг. В диссертационном исследовании Т. А. Артеменковой [1996] на материалах новосибирского Академгородка рассматривались только образовательная система и художественное творчество. Работа А. М. Алферовой [2012] о социокультурной среде г. Зеленограда позволяет выделить общие закономерности, присущие наукоградам: высокий образовательный уровень и интеллектуальный потенциал населения; формирование культурной среды под влиянием сообществ интеллигенции и отдельных личностей – «носителей инноваций»; локализация жизненного пространства, способствующая коммуникации людей и самореализации в творческих объединениях, клубах.

В статье С. Б. Орлова, О. Н. Шелегиной отмечалась как одна из главных особенностей социокультурного пространства новосибирского Академгородка, формирующего мировоззрение и задающего модели поведения населения, – открытость, привлекательность для зарубежных научных и деловых кругов, способствующая развитию сотрудничества, расширению образовательных и культурных контактов. Характерными для академгородковской идентичности были свобода дискуссий в научной и общественной жизни, демократизм в общении [Орлов, Шелегина, 2019, с. 158].

Д. И. Муренко в диссертационном исследовании проанализировал социальную активность научной молодежи в 1958–1970-х гг. в трех основных аспектах: политическом, профессиональном и культурном. При рассмотрении социально-культурной самоорганизации научной молодежи приоритетное внимание уделяется клубу «Под интегралом», приводятся примеры из деятельности отдельных клубов: Кофейно-кибернетического (ККК), «Сигма», «Вертикаль», показана роль студенческих и спортивных клубов. В Академгородке в 1960-е гг. он выделяет два уровня клубов: имеющих официальный статус, работавших под эгидой профсоюзных и комсомольских организаций, и функционирующих в виде «квартирников», а также делает заключение о транзитном характере клубов [Муренко, 2022, с. 195, 209]. Признавая существенный вклад Д. И. Муренко в изучение клубного движения в Академгородке на начальном этапе, следует расширить хронологический и проблемно-тематический диапазон его исследования в контексте социокультурного пространства.

История клубного движения в мире и нашей стране отражает его важную роль в общественно-политической (как одна из форм проявления института гражданского общества) и культурной жизни общества. Особенности его развития определяются историческим контекстом, соотносятся с культурной политикой, а также витальной и ментальной спецификой социокультурного пространства территорий.

Целью данной работы является исследование историко-культурных аспектов (процессы организации и деятельности клубов, участия населения в работе клубов как форма реализации их социальной активности, политического участия; социокультурные коммуникации) клубного движения для создания комплексной картины жизни научного сообщества в 1960–1980-е гг., значимой для изучения новосибирского Академгородка как уникального социально-исторического феномена. Для ее достижения используется релевантный историографический ресурс, вводятся в оборот новые документальные материалы «Открытого архива СО РАН», публикации в периодической печати, воспоминания Н. А. Притвиц, игравшей важную роль в культурной жизни Академгородка [Кузнецов, 2022, с. 300–301], руководителей клубов Дома ученых СО АН СССР (Дом ученых..., 2003).

Наиболее эффективными применительно к анализу названной совокупности источников в контексте междисциплинарного направления «Антропология научной жизни» являются подходы: социокультурный, позволяющий комплексно исследовать предмет через взаимодействие социального и культурного, субъективного и объективного в исторической динамике, а также процессуальный для характеристики клубного движения как цикла организации, развития, трансформации и институционализации клубов в социокультурном пространстве наукограда. Метод «Case-study» применялся для выявления особенностей деятельности клубов в проблемных ситуациях.

Как известно, процесс научного и социокультурного освоения новосибирского Академгородка начался в конце 1950-х гг. путем так называемого «научного десанта» – приезда в Сибирь сотрудников центральных научных учреждений и выпускников европейских вузов страны. Первопоселенцы «Золотой долины», привыкшие к столичной культурной жизни, оказались в ситуации депривационной (связанной с ограничениями) культуры жизнеобеспечения. «...Своеобразен быт и нравы от шумных улиц в стороне», – писала в поэме «До-

линиада» Н. А. Притвиц¹. Главными компенсаторными механизмами адаптации явились формальные (работа в институтах) и неформальные (общение, досуг) коммуникации жителей («...народ здесь специальный – высокоинтеллектуальный») создающегося научного городка. Многие из них имели опыт участия в работе разных клубов и, естественно, стремились к общению в среде единомышленников. Первым местом, где начали «клубиться» известные ученые и научная молодежь, стал домик председателя СО АН СССР академика М. А. Лаврентьева, «...Где долго в окнах свет горит, / И долго музыка звучит, / Где в час любой полно народу...». Описанный на основе «включенного наблюдения» (1959 г.) культурный быт первых городковцев с позиций антропологии научной жизни являлся социокультурной адаптацией, позволяющей формирующейся академической системе приспосабливаться к внешним условиям, обеспечивающим самосохранение и возможность успешного развития в дальнейшем [Комарова, 2008, с. 23].

Период с 1957 по 1960 г. можно отнести к предыстории клубного движения, формированию мотивации для создания клубов в парадигме так называемой «первокультуры» Академгородка, характеризующейся процессом зарождения элементов гражданского общества, включающей в качестве неотъемлемой детерминанты общественную активность [Запорожченко, Шелегина, 2022, с. 58–59].

Первый клуб как культурную институцию в Академгородке торжественно открыли в марте 1961 г. на базе Института геологии и геофизики СО АН СССР. В ноябре 1962 г. в соответствии с распоряжением Совета министров РСФСР (№ 5307 от 22.11.1962) началось строительство Дома ученых (ДУ) как универсального общественно-культурного центра новосибирского Академгородка.

Кофейно-кибернетический клуб, официально включенный в систему молодежных клубов Академгородка, был создан в мае 1961 г. В нем проходила активная неформальная коммуникация известных и молодых ученых разных специальностей [Муренко, 2022, с. 196]. В турбулентную структуру – ККК – влился и сразу стал задавать в ней тон инженер-полковник, канд. техн. наук И. А. Полетаев, заведующий лабораторией Института математики, владеющий искусством полемики. Его имя было известно всей стране как автора первой советской книги по кибернетике «Сигнал»². Информация о работе необычного Кофейно-кибернетического клуба распространилась и в г. Новосибирске. Известный генетик В. А. Ратнер вспоминал о том, что все его знакомства и контакты в Академгородке возникли благодаря участию в заседаниях ККК. В адресе к 50-летию И. А. Полетаева (1965 г.) есть многозначные слова: «...И общность наших “лженаук” (генетики и кибернетики. – О. Ш.) пусть будет крепче всех порук! А клуб с эмблемой ККК пусть будет здравствовать века!» [Ратнер, 2002, с. 42–44, 47]. Действительно, дерзко сформулированная цель клуба «вырвать у природы тайну мышления, сломать перегородки между науками и создать машину? подобную человеку» [Муренко, 2022, с. 131], созвучна современному стремлению к совершенствованию информационных технологий, созданию искусственного интеллекта. По неподтвержденной версии, приведенной в воспоминаниях М. С. Качана, ККК был закрыт в 1965 г.³, но создал потенциал институционализированных и самодетельных практик⁴ – основы клубного движения Академгородка.

В Календарях памятных и знаменательных дат СО РАН и Новосибирской области выделено 60-летие организации в Академгородке клуба-кафе «Под интегралом» – 1 декабря

¹ Здесь и далее приводятся выдержки из поэмы «Долиниада», полный вариант которой представлен в Открытом архиве СО РАН (ОА СО РАН). URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Pr_1200&=Pr_0001_0314,0317,0321 (дата обращения 04.02.2024).

² Материалы к биографии И. А. Полетаева // ОА СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Хи_krau_634993802507080078_1065 (дата обращения 04.03.2024).

³ Качан М. С. Академгородок, 1964. Пост 13. Кофейно-Кибернетический Клуб. Физики и лирики. Конец ККК. URL: <https://academgorodok.livejournal.com/42355.html> (дата обращения 03.04.2024).

⁴ По сведениям И. А. Крайневой, до недавнего времени функционировал неформальный Кофе-клуб при Отделе программирования Вычислительного центра СО АН как площадка для дискуссий широкой тематики.

1963 г.⁵ Информация о событии дается на основе энциклопедической статьи одного из активных деятелей клуба Г. П. Безносова [2003, с. 678]. Это свидетельствует о признании клуба как значимого явления в истории и общественно-политической жизни региона. Интерес к клубу не утихает, но акцент делается в основном на эпатажность действий клуба, событиях, приведших к его закрытию. Документы фонда клуба «Под интегралом», впервые систематизированные в Открытом архиве СО РАН, актуализируют комплексную оценку этого феномена в клубном движении не только Академгородка, но и СССР. В рамках данной статьи приведем некоторые новые факты, характеризующие позиции клуба в академическом сообществе и информационно-коммуникационном пространстве страны.

Организация молодежного кафе в Академгородке была инициирована Президиумом СО АН СССР для серьезного улучшения организации отдыха молодежи (Постановление № 592 от 01.11.1963)⁶. В мае 1966 г. созданный клуб-кафе «Под интегралом» Президиум считал широко признанным в нашей стране и за рубежом центром научно-пропагандистской и культурно-массовой работы, рекомендовал руководству институтов и учреждений СО АН СССР проведение в нем массовых мероприятий. В целях дальнейшего организационного укрепления клуба и совершенствования работы предлагалось сделать его филиалом Дома ученых⁷. Несомненно, для руководства Сибирского отделения большое значение имело гармоничное творческое развитие молодежи, оказывающее влияние и на научные результаты. Впечатленные посещением Академгородка и его клубной жизнью журналист Б. А. Базунов и инженер В. Б. Гантман написали об «эффекте Лаврентьева» – создании условий «непринужденной, свободной, исполненной остроумия работы, где люди творят молодое, сильно, неистощимо» (Базунов, Гантман, 1968, с. 165–166).

Клуб «Под интегралом» проявлял активность в постановке перед акторами культурной политики вопросов функционирования молодежных клубов-кафе, как предприятий общественного питания для проведения массово-воспитательной работы с молодежью. На мероприятии по случаю 3-летия клуба представителями 25 молодежных клубов страны было подготовлено Письмо в идеологический отдел ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ. В нем аргументировалась необходимость решения актуальных проблем молодежного клубного движения⁸. Президент клуба «Под интегралом» А. И. Бурштейн выступал за создание под эгидой ЦК ВЛКСМ Всесоюзной федерации клубов: «Клубы могут дать многое. Им только нужно помочь тактично, умно, с пониманием специфики дела. Оно этого стоит» (Бурштейн, 1967, с. 20). В интервью радио «Маяк» (1966 г.) он сформулировал позиции «философии» клуба «Под интегралом», объясняющие его известность, популярность, новаторность. Это научный подход (социологические исследования) к интересам клубной аудитории, ориентация на ее актуальные интересы, проведение мероприятий, формирующих общественное мнение; способность самостоятельного клубного движения конкурировать с профессиональными клубами. Социальную значимость клуба он связывал с воспитанием «молодежи в духе коммунистической идеологии как достойной смены старшему поколению», а также с ролью хорошей школы общественной жизни⁹. Публичные выступления лидера клуба – молодого ученого¹⁰, соответствовали идеологическим установкам этого периода советской истории,

⁵ Электронный календарь памятных дат СО РАН. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/science/calendar/org/integral.ssi>; Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области. С. 79. URL: http://bsk.nios.ru/sites/bsk.nios.ru/files/kalendar_2023_1.pdf. (дата обращения 10.03.2024).

⁶ Постановление Президиума СО АН СССР № 592 // ОА СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_pavl_636603446169856450_626 (дата обращения 01.02.2024).

⁷ Постановление Президиума СО АН СССР. // Там же. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_636603446169856450_5623&eid=Ci_0001_0281 (дата обращения 01.02.2024).

⁸ Письмо в идеологический отдел ЦК КПСС // Там же. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_636603446169856450_5545&eid=Ci_0001_0266 (дата обращения 03.03.2024).

⁹ Выступление президента клуба по московскому радио // Там же. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_636603446169856450_5525&eid=Ci_0001_0257 (дата обращения 03.03.2024).

¹⁰ Бурштейн А. И. (1935–2020). Окончил в 1957 г. физико-математический факультет Одесского университета, с 1958 г. работал в Институте химической кинетики и горения Сибирского отделения АН СССР, в 1961 г. защитил

вызывали интерес, способствовали распространению клубного движения в стране. С просьбой поделиться опытом работы клуба к нему обращались даже из райкома КПСС поселка Усть-Нера Якутской АССР¹¹.

Учитывая причины закрытия клуба «Под интегралом», указанные в научной литературе, можно высказать версию, связанную с так называемым жизненным циклом клубной деятельности. М. П. Чемоданов, заведующий отделом науки и учебных заведений областного комитета партии (1966–1969 гг.), по поводу «удушения сверху» молодежных объединений писал о своем сотрудничестве с ними: «“интегральцы” просто приносили свои планы ко мне домой», а также вспоминал заседание клуба с участием академика А. Д. Александрова, на котором А. Бурштейн «просил участников откровенно сказать, почему позиции клуба у молодежи блекнут, несмотря на внушительную рекламу и поддержку от Москвы до самых до окраин» [Чемоданов, 2010, с. 84–85]. Партийный деятель и ученый высказал мнение о том, что клуб не смог «увести за собой молодежь из более серьезных занятий для души и сердца» [Там же, с. 85]. В газете «За науку в Сибири» было опубликовано письмо студентки НГУ, разочарованной организацией общения в клубе (За науку в Сибири, 1967, 28 нояб., с. 3).

Активный жизненный цикл клуба-кафе «Под интегралом» (1963–1968 гг.), ориентированного и осуществляющего культурно-просветительную деятельность, определялся совокупностью обстоятельств и факторов. Бифуркационной точки он достиг в ходе фестиваля самодеятельной песни. Действия приглашенного клубом А. Галича приобрели политическое звучание и негативным образом повлияли на репутацию клуба. Позиции молодежи из «научного десанта» по созданию первого креативного культурно-досугового пространства «Клуба клубов»¹² постепенно ослабевали в связи с объективными проблемами функционирования молодежных клубов-кафе в советский период, а также появлением культурно-общественного центра Дома ученых с комфортными условиями для клубной работы. Смена политико-идеологической парадигмы государства от «оттепели» к стагнации и консерватизму, резонансные идеологические оценки бардовского фестиваля, изменение интересов нового поколения научной молодежи обусловили завершение деятельности клуба (январь 1969 г.), попытка возрождения которого в 2008 г. уже не имела успеха. В развитии клубного движения в новосибирском Академгородке и Советском Союзе клуб в целом выполнил свою интегрирующую роль: апробировал, распространял преимущества новых, научно обоснованных форм клубной работы с населением наукоградов; являлся транслятором, популяризатором достижений науки, современной культуры и искусства; воспитал ряд общественных деятелей; создал предпосылки для организации студенческого клуба «Квант» и Клуба межнаучных контактов.

Весной 1966 г. открылся Дом ученых СО АН СССР, отличительной особенностью которого стало развитие клубного движения, организация клубной жизни в тренде «Наука – культура – искусство». В ДУ появились новые возможности для деятельности названных ранее клубов, начали создаваться новые со своими уставами, президентами и активом. Практически все клубы Дома ученых устраивали совместные мероприятия общественно-политического (празднования Дня Победы, юбилеев Октября) и социокультурного (вечера, встречи, выставки) характера, включались в культурно-просветительную работу (пропаганда научных знаний, эстетическое воспитание), проводимую ДК «Академия» (За науку в Сибири, 1968, 30 янв., с. 2–3).

кандидатскую, в 1969 г. докторскую диссертации, доктор физико-математических наук: В 1961–1991 гг. преподавал в Новосибирском государственном университете.

¹¹ Письмо из поселка Усть-Нера, Якутской АССР // ОА СО РАН. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshhtml?id=Xu1_pav1_636603446169856450_5595 (дата обращения 03.03.2024).

¹² Клубы: дискуссионный, социологический, театральный, политический, иностранных языков, танцевальный «Элита», литературный клуб-магазин «Гренада», песни, альпинистов, путешественников.

Накопленный потенциал и престижность клубной формы общения как проявления социальной идентичности в Академгородке создали основу для перехода клубного движения на новый уровень. В феврале 1967 г. в ДУ состоялась первая клубная конференция Академгородка. Выступавшими подчеркивалась необходимость координации работы клубов, привлечения к клубной работе инициативных, талантливых людей (За науку в Сибири, 1967, 28 февр., с. 4). Репрезентативной формой участия ученых в акции «Интеллигенция – селу» стал получивший известность «Красный рейс» агитбригады «Обь-67», все подробности которого изложены в воспоминаниях летописца этого события Н. А. Притвиц (Наталья Алексеевна Притвиц, 2020, с. 216–219).

В 1968 г. Советским райкомом ВЛКСМ был предложен эксперимент по объединению 18 клубов и микроклубов с широким тематическим спектром в Совет творческой молодежи и Совет спортивных клубов, интеграции клубного движения на локальном и выходе на союзный и международный уровень, привлечения в клубы детей и юношества (За науку в Сибири, 1968, 28 мая, с. 2).

В период с 1966 по 1989 г. в Доме ученых действовало около двух десятков клубов, ориентированных преимущественно на население Академгородка среднего и старшего возраста. Среди них можно выделить: Клуб межнаучных контактов (МНК); тематические клубы: литературный, языковые (французский, английский, немецкий), народной песни, театральные «Лицедей», танцевальный «Такт», киноклуб «Сигма», фотоклуб «Мудрец», клуб книголюбів «Собеседник», подводников «Нептун», а также клубы филофонистов, филателистов. Достаточно представительной была группа женских клубов: «Грация» – клуб модной ритмической гимнастики, считавшийся лучшим в Академии наук СССР, «Сакура» – японской цветочной аранжировки, а также «Эстетика одежды», «Фасон», «Наш дом».

Наибольшую известность приобрел и до настоящего времени действует Клуб МНК, созданный в 1973 г. как логическое развитие клубов ККК, «Под интегралом», соотносящихся с одним из главных принципов Сибирского отделения – междисциплинарностью. В основу Клуба МНК были положены демократические принципы: отсутствие формального членства, обязывающих решений, равные права участников дискуссий, возможность свободного использования полученной информации, включение в Совет клуба по критериям активности и коммуникабельности. Первым председателем был С. В. Макаров, канд. физ.-мат. наук, старший научный сотрудник Института математики, долгое время (с 1978 по 1990 г.) его возглавлял Н. А. Желтухин, чл.-корр. АН СССР. Уставными направлениями являлись: пропаганда достижений науки и техники; преодоление отрицательных эффектов узкой специализации ученых; развитие навыков ведения научной дискуссии; разоблачение околonaучных массовых мифов; интеллектуальный отдых ученых. Формальная организация работы клуба была достаточно четко регламентирована: подготовка заседаний осуществлялась Советом клуба после утверждения Президиумом совета ДУ, вносилась в календарный план (примерно три заседания в месяц в весенне-осенний период). Содержательная часть мероприятий находилась под пристальным идеологическим контролем. Обсуждение «острых» тем (цикл лекций по теории этногенеза Л. Н. Гумилева в 1976 г., выступления академиков А. Г. Аганбегяна и Т. И. Заславской с критикой централизованной системы управления экономикой в СССР) требовало согласования с соответствующими государственными и партийными органами, отслеживающими допустимые границы клубных дискуссий по философии, экологии, экономике. В клубе обсуждались и произведения, синтезирующие достижения науки, культуры, искусства [Ермолаев, 1997] (Дом ученых, 2003, с. 63–64). Проведенный В. К. Ермолаевым (канд. хим. наук, председатель Совета клуба в 1990–2002 гг.) анализ показал, что число участников открытых заседаний в 1973–1988 гг. составляло 50–55 чел., в годы «перестройки» – около 10, в конце 1990-х гг. – 40–45 чел. [Ермолаев, 1997, с. 28–29]. Волнообразный характер участия в работе клуба в значительной степени объяснялся изменением информационных и научно-коммуникационных потоков в России, соотносящихся с политико-экономической ситуацией в стране. Вкладом клуба МНК в социокультурное пространство Академгородка

стала трансляция научной идентичности, транспоколенная передача традиций клубного движения.

Международное признание и интерес к Академгородку в научном мире активно поддерживал Французский клуб. Он приглашал на встречи зарубежных ученых, знакомил жителей городка с новыми фильмами из Франции, допущенными к показу комиссией: куратором из КГБ, представителем РК КПСС, директором ДУ. Всемерное содействие работе клуба оказывал председатель СО АН СССР, академик Г. И. Марчук, являвшийся Президентом общества «СССР – Франция» (Дом ученых, 2003, с. 70–71). В Литературном клубе, с которым был связан чуть ли не каждый второй в Академгородке, а его активными членами являлись академики С. В. Гольдин, В. С. Соболев, можно было услышать всё, «что не шло в печать, но являлось фактом искусства», и это давало «эмоциональную подпитку хорошо организованному мозгу» (Там же, с. 77). В деятельности многих клубов находили отражение научные интересы их членов, популяризировались достижения сибирских ученых. Так, в клубе «Эстетика одежды» изучались материалы музея Института истории, филологии и философии СО АН СССР. На их основе была создана коллекция «Русская художественная традиция в современной модной одежде». С ней клуб участвовал в научной конференции «Культура народов Сибири: традиции и современность», выставке «Сибириада» в Новосибирском областном краеведческом музее, выступал на сцене Центрального Дома Кино в Москве, проводил в ДУ эстетические парады, ездил с гастрольями по стране. В Америке на встрече с русскими староверами канд. ист. наук Л. М. Русаковой была показана слайд-программа этой коллекции. Руководитель клуба д-р социол. наук Л. Г. Борисова утверждала, что ученым красота нужна не меньше, чем интеллект! (Дом ученых, 2003, с. 117, 124, 129, 136). Весьма показательна с позиций антропологии академической жизни история альпинистского клуба «Вертикаль». Его члены, обладающие высокими интеллектуальными, физическими, эмоционально-волевыми способностями, пользовались большим уважением, подавали молодежи пример в воспитании лидерских и волевых качеств для достижения вершин в науке и жизни [Шелегина, 2023].

Клубное движение в новосибирском Академгородке в 1960–1980-е гг. соответствовало общим закономерностям этого процесса (ресурс для формирования гражданского общества и его гармонизации, социальной сплоченности и терапии) и отражало его специфику в условиях наукограда, где реализовалась модель будущего постиндустриального общества с вариантами идейно-культурного плюрализма и гедонизма. На данном этапе постановки проблемы и анализа данных можно выделить: 1960-е – начальный этап клубного движения с выраженными процессами социокультурной адаптации (выполнение социального заказа на общение), культурно-просветительной и сциентистской ориентацией; 1970–1980-е гг. – институционализация клубного движения (деятельность клубов в составе ДУ СО АН), развитие интеграции клубов в социокультурном пространстве Академгородка (создание Ассоциации клубов, Совета творческой молодежи, Совета спортивных клубов, клубные конференции). Специфика социокультурного пространства, активность населения способствовали созданию около 40 клубов, имевших демократический характер: их членами могли быть и жители Новосибирска, представители всех слоев населения. Участие в работе клубов известных ученых, покровительственное отношение к ним лидеров Сибирского отделения способствовало формированию социальной и научной идентичности, создавало условия позитивного восприятия жизни. В сущностно-содержательной деятельности клубов в большей или меньшей степени присутствовали научная (междисциплинарные дискуссии, творческие формы представления историко-культурного наследия) и презентационная (участие в российских и зарубежных конкурсах, выставках, фестивалях) составляющие.

Идеологические парадигмы советского государства, регламентация форм работы клубов оказывали влияние на период их активной деятельности (ККК, «Под интегралом»), тематику и характер дискуссий, но в целом акторы культурной политики поддерживали клубное движение. Оно имело большое политическое и имиджинговое значение для представления ново-

сибирского Академгородка как образца, витрины советской науки [Tatarchenko, 2016, p. 592] в которой были заинтересованы региональные партийные и государственные органы власти, руководство СО АН СССР.

Мобилизационный сформированный и обозначенный в деятельности Дома ученых тренд «Наука – культура – искусство», может рассматриваться как историко-культурная формула клубного движения новосибирского Академгородка, способ политического участия, укрепляющего научно-организационные принципы создания СО АН СССР «Наука – кадры – производство» в 1960–1980-е гг. Синергетический эффект корреляции этих позиций создал общественно-политический и социокультурный ресурс для адаптации СО РАН к условиям постсоветских трансформаций и определяет перспективы его современного развития.

Список литературы

- Алферова А. М.** Социокультурная среда города Зеленограда: 1958–2000-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 208 с.
- Артеменкова Т. А.** Социокультурная среда научного города (На материалах новосибирского Академгородка): Автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 1996. 21 с.
- Безносков Г. П.** «Под интегралом» // Новосибирск: энциклопедия. Новосибирск, 2003. С. 678.
- Ермолаев В. К.** О клубе межнаучных контактов (к 25-летию деятельности) // Академгородок. 1997. № 1. С. 28–30.
- Запорожченко Г. М., Шелегина О. Н.** От «Золотой долины» к «Кремниевой тайге»: векторы культурной памяти // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 55–64. DOI 10.30759/1728-9718-2022-3(76)
- Комарова Г. А.** Антропология академической жизни в постсоветском контексте // Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии. М., 2008. С. 5–25.
- Кузнецов И. С.** Ученые об ученых: миры и мифы новосибирского Академгородка // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 292–304. DOI 10.31518/2618-9100-2022-6-1
- Муренко Д. И.** Социальная активность научной молодежи новосибирского Академгородка: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2022. 314 с.
- Орлов С. Б., Шелегина О. Н.** Наукограды Сибири: историко-социологический анализ // Инноватика и экспертиза. 2019. Вып. 1 (26). С. 155–165. DOI 10.35264/1996-2274-2019-1-155-165
- Ратнер В. А.** Генетика, молекулярная кибернетика: личности и проблемы. Новосибирск: Наука, 2002. 271 с.
- Чемоданов М. П.** Остаюсь коммунистом. М.: Корина-офсет, 2010. 408 с.
- Шелегина О. Н.** «Снежный барс» И. Н. Мешков о развитии альпинизма в новосибирском Академгородке в 1960–1980-е гг. // Культурно-антропологические исследования. 2023. № 1. С. 40–48.
- Tatarchenko K. A.** Calculating a Showcase: Mikhail Lavrentiev, the Politics of Expertise, and the International Life of the Siberian Science-City // Historical Studies in the Natural Sciences. 2016. Vol. 46, iss. 5. P. 592–632.

Список источников

- Базунов Б. А., Гантман В. Б.** Таежным форватером. М.: Мысль, 1968. 175 с.
- Бурштейн А.** Насущные проблемы клуба // Неделя. 1967. № 19. С. 20.
- Дом ученых СО АН. 40 лет. Годы. Люди. События. Встречи. Новосибирск: Лада, 2003. 152 с.
- За науку в Сибири. 1967. 28 февр., 28 нояб.; 1968. 30 янв., 28 мая.
- Наталья Алексеевна Притвиц: Хранитель знаний / Сост. В. Д. Ермиков; отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 520 с.

References

- Alferova A. M.** Sotsiokul'turnaya sreda goroda Zelenograda: 1958–2000-e gg. [Sociocultural Environment of the City of Zelenograd: 1958–2000s]. Diss. Cand. Hist. Sci. Moscow, 2012, 208 p. (in Russ.)
- Artemenkova T. A.** Sotsiokul'turnaya sreda nauchnogo goroda (Na materialakh novosibirskogo Akademgorodka) [Sociocultural Environment of a Scientific City (Based on Materials from the Novosibirsk Akademgorodok)]. Abstract Diss. Cand. Cult. Moscow, 1996, 21 p. (in Russ.)
- Beznosov G. P.** “Pod integralom” [“Under the Integral”]. In: Novosibirsk: entsiklopediya [Novosibirsk: Encyclopedia]. Novosibirsk, 2003, p. 678. (in Russ.)
- Chemodanov M. P.** Ostayus' kommunistom [I Remain a Communist]. Moscow, Korina-ofset Publ., 2010, 408 p. (in Russ.)
- Ermolaev V. K.** O klube mezhnauchnykh kontaktov (k 25-letiyu deyatel'nosti) [About the Club of Interscientific Contacts (to the 25th Anniversary of Activity)]. *Akademgorodok*, 1997, no. 1, pp. 28–30. (in Russ.)
- Komarova G. A.** Antropologiya akademicheskoi zhizni v postsovetском контексте [Anthropology of Academic Life in the Post-Soviet Context] In: Antropologiya akademicheskoi zhizni: adaptatsionnye protsessy i adaptivnye strategii [Anthropology of Academic Life: Adaptation Processes and Adaptive Strategies]. Moscow, 2008, pp. 5–25. (in Russ.)
- Kuznetsov I. S.** Uchenye ob uchenykh: miry i mify novosibirskogo Akademgorodka [Scientists about Scientists: Worlds and Myths of the Novosibirsk Akademgorodok]. *Istoricheskii kur'er* [Historical Courier], 2022, no. 6 (26), pp. 292–304. (in Russ.) DOI 10.31518/2618-9100-2022-6-1
- Murenko D. I.** Sotsial'naya aktivnost' nauchnoi molodezhi novosibirskogo Akademgorodka [Social Activity of Scientific Youth of Novosibirsk Akademgorodok]. Diss. Cand. Hist. Sci. Novosibirsk, 2022, 314 p. (in Russ.)
- Orlov S. B., Shelegina O. N.** Naukogrady Sibiri: istoriko-sotsiologicheskii analiz [Science Cities of Siberia: Historical and Sociological Analysis]. *Innovatika i ekspertiza* [Innovation and Expertise], 2019, iss. 1 (26), pp. 155–165. (in Russ.) DOI 10.35264/1996-2274-2019-1-155-165
- Ratner V. A.** Genetika, molekulyarnaya kibernetika: lichnosti i problemy [Genetics, Molecular Cybernetics: Personalities and Problems]. Novosibirsk, Nauka publ., 2002, 271 p. (in Russ.)
- Shelegina O. N.** “Snezhnyi bars” I. N. Meshkov o razvitii al'pinizma v novosibirskom Akademgorodke v 1960–1980-e gg. [“Snow Leopard” I. N. Meshkov on the Development of Mountaineering in the Novosibirsk Academic Campus in the 1960–1980s]. *Kul'turno-antropologicheskie issledovaniya* [Cultural and Anthropological Studies], 2023, no. 1, pp. 40–48. (in Russ.)
- Tatarchenko K. A.** Calculating a Showcase: Mikhail Lavrentiev, the Politics of Expertise, and the International Life of the Siberian Science-City. *Historical Studies in the Natural Sciences*, 2016, vol. 46, iss. 5, pp. 592–632.
- Zaporozhchenko G. M., Shelegina O. N.** Ot “Zolotoi doliny” k “Kremnievoi taige”: vektory kul'turnoi pamyati [From the “Golden Valley” to the “Silicon Taiga”: Vectors of Cultural Memory]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2022, no. 3 (76), pp. 55–64. (in Russ.) DOI 10.30759/1728-9718-2022-3(76)

List of Sources

- Bazunov B. A., Gantman V. B.** Tazhnyy forvaterom [By Taiga Fairway]. Moscow, Mysl' Publ., 1968, 175 p. (in Russ.)
- Burshtein A.** Nasushchnye problemy kluba [Current Problems of the Club]. *Nedelya* [Week], 1967, no. 19, p. 20. (in Russ.)

Dom uchenykh SO AN. 40 let. Gody. Lyudi. Sobytiya. Vstrechi [House of Scientists of the Siberian Branch of the Academy of Sciences. 40 years. Years. People. Events. Meetings]. Novosibirsk, Lada Publ., 2003, 152 p. (in Russ.)

Ermikov V. D. (comp.), **Molodin V. I.** (ed.). Natal'ya Alekseevna Pritvits: Khranitel' znaniy [Natalya Alekseevna Pritvits: Keeper of Knowledge]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN, 2020, 520 p. (in Russ.)

Za nauku v Sibiri [For Science in Siberia], 1967, Feb. 28, Nov. 28; 1968, Jan. 30; May 28. (in Russ.)

Информация об авторе

Ольга Николаевна Шелегина, доктор исторических наук
Scopus Author ID 23486813400
WoS Researcher ID K-1591-2018

Information about the Author

Olga N. Shelegina, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 23486813400
WoS Researcher ID K-1591-2018

*Статья поступила в редакцию 29.04.2024;
одобрена после рецензирования 14.06.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted on 29.04.2024;
approved after reviewing on 14.06.2024; accepted for publication on 28.06.2024*

Научная статья

УДК 94(415)

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-105-117

«А как быть с Пушкиным?», или Неосуществившаяся попытка Бориса Поршнева стать пушкинистом

Сергей Витальевич Кондратьев¹

Тамара Николаевна Кондратьева²

^{1,2} Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

¹ s.v.kondratev@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9861-5032>

² ktamara1960@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5358-1046>

Аннотация

Статья посвящена абсолютно неизвестному эпизоду биографии знаменитого советского историка Бориса Федоровича Поршнева. Выбирая путь в науку, Б. Ф. Поршнев, как выясняется, пытался интерпретировать пушкинское наследие в преддверии столетней годовщины со дня смерти поэта (1937). В процессе исследования рукописного наследия Б. Ф. Поршнева в контексте его биографических перемещений удалось выяснить, что историк проделал серьезную подготовительную работу, у него сложилась композиция будущей публикации. В своей интерпретации он, вероятно, следовал официально продекларированному стереотипному образу. Пушкин современен и близок к социализму. Пушкин народен и интернационален. В творчестве поэта доминируют две темы: народ как созидатель и творец истории и революция. По мнению Б. Ф. Поршнева, до поражения восстания декабристов А. С. Пушкин считал возможной революцию в России, а после 1825 г. – безумной идеей.

Ключевые слова

Б. Ф. Поршнев, А. С. Пушкин, пушкинский юбилей 1937 г., образ, народ, революция

Для цитирования

Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. «А как быть с Пушкиным?», или Неосуществившаяся попытка Бориса Поршнева стать пушкинистом // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 105–117. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-105-117

“And What about Pushkin?”, or Unfulfilled Attempt of Boris Porshnev to Become a Scholar of Pushkin

Sergey V. Kondratiev¹, Tamara N. Kondratieva²

^{1,2} Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation

¹ s.v.kondratev@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9861-5032>

² ktamara1960@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5358-1046>

Abstract

The article elucidates a lesser-known facet of the eminent Soviet historian Boris Fedorovich Porshnev, whose acclaim stemmed from the publication of a study on popular movements in France before the Fronde in 1948. Choosing the

path to science, B. F. Porshnev, as it turns out, tried to interpret Pushkin's legacy on the eve of the centennial anniversary of the poet's death (1937). Upon scrutinizing Boris Porshnev's handwritten records in the context of his life, it was ascertained that the historian had laid the groundwork, amassed copious material, and had clearly intended to pen and publish an extensive treatise on the oeuvre of A.S. Pushkin. . He had outlined a prospective publication in eleven overarching principles, which he intended to expound upon. Boris Porshnev was looking for a connection between the artistic side and the socio-political views of the poet. B. F. Porshnev was interested in the "historical foundations" of Pushkin's work and its main themes. It seems that in formulating his 11 theses and answering the question "what about Pushkin?", he followed the already officially declared stereotypical image, the rapidly emerging canon. The authorities envisaged leveraging the cultural capital of yore, and the historian appeared to cautiously navigate this nascent trajectory. The fundamental tenets of B. F. Porshnev's depiction of Pushkin are as follows. Pushkin is not just a contemporary figure, but also aligned with socialism. He enjoys popularity and possesses international appeal. Examination of his works is imperative. Previous interpretations of the poet were incorrect. Two themes predominate in Pushkin's work: the people as the creator of history and revolution. Pushkin is an implacable enemy of autocracy. The romantic idealization of revolution (rebellion), designed to subvert autocracy, is supplanted by disenchantment and the conviction that a triumphant revolution is viable in the West, where it was executed by the bourgeoisie, but impossible ("reckless") in Russia. Pushkin ascribed the failure of the Russian revolution to the resilience of autocracy and the incapacity of the fading nobility to foment a revolution. This explication of the reasons for the revolution's failure is deemed inaccurate. The actual cause, unbeknownst to the poet, is the absence of a proletariat in Russia.

Keywords

Boris Porshnev, Alexander Pushkin, Pushkin's anniversary of 1937, image, people, revolution

For citation

Kondratiev S. V., Kondratieva T. N. "And What about Pushkin?", or Unfulfilled Attempt of Boris Porshnev to Become a Scholar of Pushkin. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 105–117. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-105-117

Первая часть заголовка нашей статьи позаимствована из написанного Андреем Битовым в 2007 г. к собственному юбилею текста под выразительным названием «От свиньи до свиньи, или О занятии не своим делом». Битов в нем дает ироничную самооценку своему исследованию пушкинской темы [Битов, 2007]. Цитата уместная, поскольку, хоть благодаря Аполлону Григорьеву с середины XIX в. известно, что «Пушкин – наше всё», но в политической и культурной жизни России вопрос «а как быть с Пушкиным?» время от времени ставится и даже вызывает споры. По этому вопросу шли острые дискуссии в 1920-х и в начале 1930-х гг., пока не были политически, по сути, разрешены к 1937 г. – году 100-летия со дня смерти поэта.

Именно в середине 1930-х гг. молодой историк Борис Федорович Поршневу (1905–1972) предпринимает попытку стать пушкинистом. Он собирает материал, пишет текст о творчестве Пушкина, стараясь, вероятно, внести, таким образом, свой вклад в памятные мероприятия и в формирующийся образ поэта.

Б. Ф. Поршневу известен прежде всего работами по французской и европейской истории, истории международных отношений, общественной мысли, политической экономии, исторической психологии, проблеме происхождения человека и палеопсихологии [Вите, Гордон, 2006, с. 181–200.]. На излете своей научной карьеры последнее он считал своей «основной специальностью» (Поршневу, 2007, с. 19). Нам уже приходилось писать, что знаменитый франковед рисовал себя в преклонном возрасте этакой цельной натурой, с юности осознающей высокое предназначение – создавать изначально объемные полотна и синтетические концепции. На самом деле историк был большим мифологизатором на свой счет, и нет никаких подтверждений этим его утверждениям [Кондратьева, 2012, с. 236–237]. Вся ранняя биография ученого, скрупулезно восстановленная нами, показывает, что его приход в науку, конечно, не был случайным, но вот выбор направления деятельности, профессиональная ориентация и ремесло во многом оказались делом случая и следствием обстоятельств [Кондратьев, Кондратьева, 2019б, с. 424]. Об этом же свидетельствуют его публикации 1920-х – середины 1930-х гг.: начиная от не входящей ни в один библиографический список статьи о НОУТ (Техники индивидуального умственного труда) (Поршневу, 1924, с. 50–59) до литературных обзоров [Кондратьев, Кондратьева, 2019а].

Опубликованные им тексты показывают, что он стремился следовать актуальной политической и идеологической конъюнктуре. Картина социального мира прошлого еще окончательно не сложилась и директивно не утвердилась. Б. Ф. Поршнев не был среди тех молодых историков, которые, как, например, инициатор дискуссии об азиатском способе производства С. М. Дубровский [Бокарев, 2017, с. 14–16], пробовали ее формировать. Господствующие в определенный момент политические и идеологические установки предопределяли расстановку акцентов в создаваемой им литературной и культурной продукции. Историк целесообразно действовал, как сказал бы Клиффорд Гирц, вслед за меняющимися идеологическими моделями [Гирц, 2004, с. 249–250]. А применяемый социологизаторский подход оказался универсальным, и он помогал Б. Ф. Поршневу быстро выполнять любую работу, не затрудняя себя глубиной анализа разнообразных по жанру, странам и языкам произведений. Собственно, этой модели он будет следовать всю жизнь, оставаясь по духу имплицитно верен инструментам школы М. Н. Покровского и историков-марксистов 1920-х гг. [Гордон, 2018, с. 185].

В июле 1935 г. Б. Ф. Поршнев увольняется из библиотеки им В. И. Ленина, где до этого работал, и переходит в Московское отделение Государственной академии истории материальной культуры (МО ГАИМК) ¹. Возможно, там ему поручили заняться А. С. Пушкиным, образ которого по причине продекларированных новых политических установок монументализировался [Платт, 2017, с. 169–171]. Нельзя исключить, что он мог начать собирать материал по собственной инициативе, дабы застолбить тему «Пушкин как историк».

Несколько слов об образе А. С. Пушкина в СССР в 1920-х – начале 1930-х гг. После революции восприятие творчества А. С. Пушкина претерпело существенную эволюцию. Новая власть, как известно, литературу, среди прочих искусств, считала инструментом идеологического воздействия, а слово – оружием, которое, по Сталину, должно «воспитывать строителей социализма» [Левченко, 2007, с. 71]. Уже возникший в 1918 г. Пролеткульт претендовал на эту функцию, но у руководителей культуры от партии – А. В. Луначарского, А. А. Богданова, Ф. И. Калинина и др. – были слишком разные эстетические и идеологические взгляды [Там же, с. 14]. Революционная культура была полифонической, ее символическое поле только начинало формироваться. Звучали призывы отказаться от пушкинского наследия в пользу авангардного, революционного искусства. Сразу после революции В. В. Маяковский, предлагая «расстреливать старье», включал в него и А. С. Пушкина (Маяковский, 1956). Но победившая власть намеревалась «переоценивать» культуру прошлого, но не отказываться от нее (Луначарский, 1924, с. 19).

К середине 1920-х гг. с анархией Пролеткульта было покончено, хотя разногласия в культуре, как и в партии, еще не была преодолена. Но границы уже достаточно четко обозначились. Пушкинское наследие теперь следовало не отвергать, а использовать. В 1925 г. тогда начинающий, но чрезвычайно добросовестный исследователь Пушкина Б. В. Томашевский призывал «выдвинуть Пушкина в исторический процесс» и изучать творчество поэта «не как факт индивидуальный, а как факт социальный» [Мейлах, 1966, с. 132]. После 1924 г., т. е. после 125-летнего юбилея со дня рождения, А. С. Пушкин был признан вершиной российской словесности, которую пролетариату, тем не менее, следовало преодолеть [Платт, 2017, с. 167–170].

В 1930-е гг. утвердившаяся окончательно власть приступила к формированию единообразного культурного пространства, активно обращаясь к культурному капиталу прошлого. Фигура А. С. Пушкина оказалась весьма подходящей, и он быстро стал трансформироваться из консерватора, реакционера, сторонника чистого искусства в народного писателя и близкого трудящимся поэта, в творчестве которого можно найти мотивы, «роднящие его со сталинской эпохой» [Карпенко Г. Ю., Карпенко Л. Б., 2016, с. 74–75].

¹ Архив РАН. Ф. 1574. Оп. 4. Д. 90. Л. 4 об.

В 16 декабря 1935 г. Постановлением ВЦИК СССР был учрежден Всесоюзный Пушкинский комитет, который должен был подготовить комплекс мероприятий к 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина. На следующий день передовица газеты «Правда» писала об А. С. Пушкине как о «великом русском поэте» [Depretto, 2008, p. 428–429]. Вероятно, памятную дату 1937 г. страна встретила с новым стереотипным образом поэта.

Именно в это время Б. Ф. Поршнев активно собирает материал и пытается написать текст к пушкинскому юбилею. В фонде Б. Ф. Поршнева в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) хранятся две папки. Одна называется «Наброски и выписки к теме Пушкин». Она содержит твердые карточки и отдельные тетрадные листы, большинство из которых аккуратно исписаны фиолетовыми чернилами (иногда с двух сторон) подчерком Б. Ф. Поршнева. На нескольких карточках наклеены вырезки из газет посвященные поэту. Общий объем папки 65 листов. Все представленные в папке выписки и комментарии Б. Ф. Поршнева имеют определенную логику, которая вполне могла бы превратиться в объемную публикацию².

Вторая папка, озаглавленная «Пиковая дама» (черновые материалы: мысли, выписки)), открывается несколькими исписанными карандашом с двух сторон листами, после которых идут пять простых ученических тетрадей в зеленных обложках. На обложке первой тетради выведено рукой историка «Пиковая дама» (черновые материалы: мысли, выписки)) П. Д. № 1. Каждая следующая тетрадь содержит характерный подзаголовок П. Д. № 2, П. Д. № 3, П. Д. № 4, П. Д. № 5. Листы в тетрадках, исписанные с обеих сторон синими (реже) и фиолетовыми (в основном) чернилами, содержат многочисленные вставки, правку и зачеркивания. В тетрадках встречаются редкие вложения, содержащие иногда карандашные вставки. Внутри тетради П. Д. № 2 есть законченный небольшой рукописный текст, очевидно готовившийся к публикации. Он содержит автограф Б. Ф. Поршнева. Общий объем папки 84 листа³.

Содержание обеих папок показывает, что Б. Ф. Поршнев пытался охватить, охарактеризовать А. С. Пушкина целиком и написать об этом, так сказать, генерализирующий текст. Но одновременно он, скрупулезно и методично собирая материал, пытался написать исследование о «Пиковой даме» в контексте общего развития России XIX в., т. е., следуя установкам, вписать в исторический процесс и показать как социальную фигуру.

В настоящей статье мы намерены остановиться на том вопросе, которым озаглавлена статья: «Как быть с Пушкиным?» Естественно, отвечать на него, мы будем по Поршневу. По вопросу «Как быть с “Пиковой дамой”?», мы намерены написать отдельную статью.

При написании данной работы мы привлекли также материалы из папки «Пиковая дама», поскольку содержащиеся в ней первые, исписанные карандашом, листы содержат ряд оценочных тезисов творчества поэта и рукописный текст готовой к публикации статьи. По материалам папки «Пиковая дама» можно определить время работы Б. Ф. Поршнева над пушкинской темой. Выписки совершенно точно относятся к 1934–1936 гг. Одна из выписок сделана на библиографической карточке, на которой значится: «Земляков Б. Ф. О послеледниковых колебаниях климата и их значении в археологии. Проб[лемы] ист[ории] докапиталистических обществ. 1934, № 4». Среди выписок упомянуты работы: С. Грес «Пиковая дама (критический очерк в диалогах)», опубликованная в журнале «Звезда», № 5 за 1935 г., А. Дерман «Пушкин и пушкинисты» (30 дней. 1935, № 5)⁴. Отсутствие более поздних выписок позволяет сделать вывод, что Б. Ф. Поршнев работал над «темой Пушкин» до знаменитых торжеств 1937 г.

Очевидно, что у Б. Ф. Поршнева сложилась композиция будущей публикации. Готовясь писать какую-то обобщающую статью для массового читателя, историк фиксирует для себя

² ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 13.

³ Там же. Д. 12.

⁴ Там же. Л. 7, 39, 64.

набор общих положений, которые, вероятно, собирался в ней отразить и развернуть. Всего таких положений (во всяком случае столько сохранилось) 11 ⁵.

1. «Введение. Значение Пушкина вне современности. Пушкин – создатель русского литературного языка и основатель русской литературы. Гуманизм Пушкина и советский гуманизм. Оптимизм. Эпоха социализма открывает широчайший путь к усвоению лучшего из культурного наследия прошлого» ⁶. «Реализм» ⁷. Значение Пушкина для современности призваны были выразить две заготовленные цитаты, однозначно показывающие актуальность творчества поэта для социализма, его народность и даже интернационализм. Первая цитата принадлежала человеку как бы из гущи народа. По форме это оказывается газетная вырезка, где якобы простой красноармеец-казах Маулекеш Кайбалдин патетически благодарит революцию, мы бы сказали сегодня, за модернизацию жизни. «Оборванные, полуголодные красноармейцы», гнавшие «откормленных, бренчащих шпорами офицеров <...> принесли в Казахстан симфонию Бетховена, стихи великого русского поэта Пушкина. И смуглые казахские джигиты, застенчивые девушки с жадностью начали изучать его бессмертные произведения, впервые переведенные на родной язык. Так пришел к нам Пушкин, так мы нашли его, а он нас». Революция, подчеркивается здесь же, превратила А. С. Пушкина в народного и даже интернационального поэта ⁸. На поверку выясняется, что красноармеец не был совсем простым. Маулекеш Кайбалдин – реальное лицо. В 1930-х гг. он был начинающим и успешным писателем и драматургом. В 1941 г. в Казахстане была поставлена пьеса М. Кайбалдина и Ш. Хусаинова «Марабай». В том же году его включили в изданный в Москве «Сборник современной казахской литературы» [Кулахмет..., 2014, с. 123] (Кайбалдин, 1941, с. 353–370) ⁹.

Следом приведена цитата из концовки длинного и содержательного предисловия А. В. Луначарского к Полному собранию сочинений А. С. Пушкина (1930), которое так и называлось «Александр Сергеевич Пушкин». Нарком просвещения, дабы осовременить поэта и подчеркнуть его актуальность «после грандиознейшей мировой революции», рассказал похожую на миф историю, которую воспроизвел Б. Ф. Поршнев. «Года три-четыре назад я гулял по парку в Остафьеве – бывшем имении Вяземских, где Пушкин часто бывал. Превосходный старый парк Вяземских украшен рядом памятников – Жуковскому, Карамзину, самому Вяземскому. Среди этих памятников есть небольшой памятник Пушкину, сделанный тем же скульптором, которому принадлежит монумент на Страстном бульваре.

В порядке экскурсии парк посетила небольшая группа комсомольцев: три-четыре парня, три-четыре девушки. Они с интересом ходили по музею, в который превращено жилье Вяземских, по парку и остановились перед памятником Пушкину.

Один из них наклонился (надпись стала несколько неразборчивой) и прочитал: «Здравствуй, племя младое, незнакомое».

Я стоял совсем неподалеку и был поражен необыкновенной уместностью, которую в этой обстановке приобрела надпись. По-видимому, поражены были и комсомольцы. Они как-то затихли и переглянулись между собой. Прямо к ним обратился великий голос из-за гроба.

⁵ ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 12. Л. 1 – 6 об. Листы пронумерованы, но лежат вразнобой, поэтому нумерация листов и нумерация пунктов не совпадают.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 13. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 1. К сожалению, нам не удалось идентифицировать газету.

⁹ Заметим, что поскольку Маулекеш Кайбалдин, призванный в начале Отечественной войны в армию, осенью 1941 г. попал в плен и затем был членом коллаборационистского «Туркестанского национального комитета», то найти о нем информацию не просто. Он был выпускником то ли МИФЛИ, то ли ЛИФЛИ, какое-то время одним из секретарей не знавшего грамоты Джамбула Джабаева, после войны жил в Германии, где закончил университет во Франкфурте-на-Майне, как будто, перевел на казахский «Фауста» Гёте, издал на немецком роман «Помощь из рая» и печатал на немецком языке стихи. Погиб в 1969 г. См.: <https://camonitor.kz/8352-.html>; <https://turkystan.kz/article/57850-t-rkistandy-tar-ashan-a-talady>; <https://adyna.kz/post/73841?fbclid=IwAR1JpfZDJP4zTei13ZEP4yM9VutOU-yTgtERtAiY1r8MjSGan9tpf0VzmM> (дата обращения 23.01.2022).

Маленькая комсомолка в красном платочке подняла к Пушкину глаза, полные некоторой робости, удивления, но и дружелюбия, и негромко сказала:

– Здравствуй, Пушкин» (Луначарский, 1930)¹⁰.

2. Б. Ф. Поршнев, видимо, предполагал, что следует отмежеваться от некоторых оценок поэта, звучавших в 1920-е гг. А именно от следующих: «социологизаторского подхода к Пушкину как к певцу мелкопоместного дворянства. Легенде о Пушкине, как слуге “чистого искусства”. Социологизаторы превращали общественные взгляды Пушкина в узко биографическую тему, формалисты – отвергали их значение»¹¹. Историк подчеркивает, что А. С. Пушкин верхи дворянства, свет, именвал черню¹².

3. Творчество поэта «органически связано с его общественными взглядами». «Бессмертную основу его творчества» составляют идеи, «которые делали его непримиримым врагом самодержавно-крепостнической России»¹³.

4. «Высказывания Пушкина о “чистом искусстве” и “черни” представляли форму борьбы за независимость его взглядов от “общественного мнения”»¹⁴.

5. «Всю сумму общественных взглядов Пушкина можно разбить на два основных вопроса: вопрос о народе и его исторической роли и вопрос о революции»¹⁵.

6. «Связь между художественной стороной и общественно-политическими взглядами в творчестве Пушкина особенно ясно видна в связи с первым вопросом, вопросом о народе. Народность творчества Пушкина не является продуктом простой художественной интуиции, но вытекает из основ его общественного мировоззрения. В народе Пушкин видел конечную основу исторического процесса. Под народом он понимает непременно всё общество за вычетом господствующих классов»¹⁶. Его оценка народа «выше просветителей XVIII в. и выше большей части декабристов»¹⁷.

7. «Большой ряд произведений Пушкина связан с темой революции или шире – общественного протеста»¹⁸. Но в трактовке А. С. Пушкиным темы революции «нет той ясности и единства, как в вопросе о народе». В отношении поэта к революции Б. Ф. Поршнев выделяет три периода: «1-й – до крушения революционных попыток в Исп[ании], Порт[угалии], Ит[алии], т. е. практически до 1823 г.». В этот, «декабристский», период, было написано «множество революционных стихов и эпиграмм». 2-й – «до Фр[анцузской] рев[олюции] 1830 г. 3-й – 30-е гг.»¹⁹. Б. Ф. Поршнев полагает, что до поражения восстания декабристов и июльской революции 1830 г. во Франции А. С. Пушкин проявлял интерес к освободительному движению на Западе, был пропитан идеями просветителей и Французской революции XVIII в. («1) свобода человеческой личности, 2) законы, ограничивающие не подданных, но власть, 3) просвещение, 4) атеизм», а применительно к России и отмена крепостного права) и надеялся на свершение и победу революции в России. Но «наблюдения над декабристами, поражение декабристов полностью убеждают его в том, что революция в России – на наличной классовой базе, т. е. в том виде, в каком ее пытались произвести декабристы, – невозможна. В основе разочарования лежит объективно правильное наблюдение»²⁰.

8. «Вторая половина 20-х гг. – период раздвоенности, определенный главным образом тем, что Пушкину остается неясным: “безумна” ли всякая революция, или она только невозможна (“безумна”) в данных конкретных условиях в России. Субъективно Пушкин неизмен-

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 13. Л. 4 – 4 об.

¹¹ Там же. Д. 12. Л. 1.

¹² Там же. Д. 13. Л. 6–14.

¹³ Там же. Д. 12. Л. 1 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Д. 13. Л. 16.

¹⁶ Там же. Д. 12. Л. 2.

¹⁷ Там же. Д. 13. Л. 18.

¹⁸ Там же. Д. 12. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 2 – 2 об.; Д. 13. Л. 63–65.

²⁰ Там же. Д. 12. Л. 2 об.; Д. 13. Л. 22–27.

но на стороне революции, но ищет оправдания своего отхода от декабристов и объяснения их неудачи. Революция 1830 г. во Франции начинает третий период творчества Пушкина, т. к. разрешает вопрос: революция вообще возможна, и есть нечто, безусловно, положительное, но в России – это “безумие”»²¹.

9. «Перед ним возникает двойная задача: 1) убедить свое по существу интернационалистическое, всечеловеческое, космополитическое сознание, выросшее и сформировавшееся в преклонении перед свободой и революцией, в том, что здесь, в России, должно отказаться от безнадежной борьбы и склониться перед самодержавием, 2) объяснить себе, почему же в России революция невозможна»²².

10. «Первая задача разрешилась длинным рядом произведений, объединенных общей темой: наказанный, фатально обреченный на поражение бунт, – хотя этот бунт почти всегда (кроме Полтавы) вызывает нескрываемое сочувствие автора. Действие всех этих произведений происходит в России. Напротив, в «Сценах из рыцарских времен» (т. е. в произведении про Западную Европу – авторы) бунт кончается полной победой»²³.

После поражения восстания декабристов А. С. Пушкин, разъясняет Б. Ф. Поршнев в другом месте, считал революцию в России невозможной. Для поэта наступает период «раздвоенности и противоречия». «Ни от одного из своих идеалов он не отказывается, по-прежнему бунтарь и вольнодумец в душе, – и в то же время понимает, что в данных конкретных условиях бороться против действительности – “безумие”». А. С. Пушкин якобы видит, что «в Европе <...> революция и возможна, и необходима, и приводит к торжеству прогрессивных идеалов; напротив, в России она, в силу конкретных причин историч[еского] развития, невозможна, обречена на поражение». Невозможна, поскольку основа творчества А. С. Пушкина – реализм. И поэт ясно осознает, что переворот в России пыталось совершить дворянство, т. е. отживающий и реакционный класс, но не буржуазия. Народ же безуспешно устраивает бунты и поднимает восстания»²⁴.

11. В произведениях с описаниями бунта – «Борис Годунов», «Дубровский», «Капитанская дочка», «История Пугачева» и др. – «раскрывается одновременно и определенная общественно-историческая концепция, хотя нигде и не высказанная прямо. Вся совокупность исторических интересов Пушкина концентрируется вокруг этой единой концепции, вернее, попыток ее создать. Изучение французских историков эпохи Реставрации: Тьерри, Гизо – вырабатывает у него определенный взгляд на ход европейского общественного развития. “Сцены из рыцарских времен” – яркое изображение понимания Пушкиным классовой борьбы. Но Россия представляет собой исключение из этих общих правил. Однако Пушкин не ограничивается констатацией (как Чаадаев <...>), но ищет конкретных исторических причин в русской истории. Основной факт, который ему нужно объяснить, – почему революция в России оказалась в руках дворянства, а не буржуазии»²⁵.

Б. Ф. Поршнев поясняет: «Свободу, просвещение, борьбу с самовластием – представляют дворяне», которые не готовы, о чем свидетельствуют «Дубровский», «Капитанская дочка», «История Пугачева», соединиться с народом и возглавить народную революцию»²⁶.

А. С. Пушкин, отмечает Б. Ф. Поршнев, не видел перспективы, не знал пролетариата и поэтому «величайшим усилием он заставил себя смириться перед самодержавием». Изучая восстание Пугачева, Пушкин одновременно занимался изучением «истории самодержавия <...> этой его всесильной мощи». Опять-таки не зная пролетариата, А. С. Пушкин не мог объяснить устойчивость режима и объявлял его «непобедимым». Поэтому, пишет Б. Ф. Поршнев, А. С. Пушкин показывал на символических примерах Евгения и Петра I в «Медном всадни-

²¹ ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 12. Л. 2 об., 6 об.

²² Там же. Л. 6 об.

²³ Там же. Л. 6.

²⁴ Там же. Д. 13. Л. 29–41.

²⁵ Там же. Д. 12. Л. 5–6.

²⁶ Там же. Д. 13. Л. 29–41.

ке», Германа и графини в «Пиковой даме» и реалистическом примере пугачевского бунта, что бороться с самодержавием – это «безумие». Везде история заканчивается гибелью бунтарей²⁷.

Вместе с тем Б. Ф. Поршнев подчеркивает, что, не видя силы свергнуть самодержавие, А. С. Пушкин «не смирился и не сломался». «Он ни на секунду не отказался от своих общественных идеалов и революционной страсти. Отказаться – значило отказаться от основ своего творчества. Он только считал, что революция в данных, конкретных условиях в России невозможна»²⁸.

«Причину поражения революции в России Пушкин, – подчеркивает Б. Ф. Поршнев, – установил неправильно. Он не знал пролетариата и поэтому не мог дать научного анализа историческому процессу. Отсутствие пролетариата – подлинная трагедия Пушкина»²⁹.

Подведем итог. Очевидно, Б. Ф. Поршнева интересовали «исторические основы»³⁰ пушкинского творчества и его основные темы. Вероятно, он, формулируя свои 11 тезисов и отвечая на вопрос «а как быть с Пушкиным?», следовал уже официально продекларированному стереотипному образу, быстро формирующемуся канону. Власть собиралась использовать культурный капитал прошлого, и историк аккуратно стремился двигаться по очерченной колее. Основные черты поршневыской конструкции пушкинского образа таковы. Пушкин не только современен, но близок социализму. Пушкин народен и интернационален. На его произведениях следует учиться. Предыдущие интерпретации поэта были неверны. В творчестве Пушкина доминируют две темы: народ как созидатель и творец истории и революция. Пушкин – непримиримый враг самодержавия. Романтическая вера в революцию (бунт), которая должна сломить самодержавие, сменяется разочарованием и уверенностью, что победоносная революция возможна на Западе, где ее делала буржуазия, но невозможна («безумна») в России. Пушкин видел причину поражения революции в России в том, что самодержавие устойчиво, а дворянство, уходящий класс, не способно революцию произвести. Такая трактовка причин поражения революции ошибочна. Подлинная причина, о чем не знал поэт, – в отсутствии в России пролетариата.

Наверное, текст, содержащий такие тезисы, к 1937 г. могли написать многие. И здесь поневоле приходится вернуться к заголовку Андрея Битова «От свиньи до свиньи, или О занятии не своим делом». Б. Ф. Поршнев, действительно, сочинял свои тезисы и статью, публикуемую ниже, не будучи профессиональным пушкинистом. Но, как известно, в первой половине 1930-х гг. вообще, за исключением 2-томного исследования репрессированного тогда же по «делу славистов» В. В. Виноградова, не было значительных произведений о творчестве Пушкина [Платт, 2017, с. 164–165]. Б. Ф. Поршнев хорошо знал эпоху и основательно собирал материал. Выписки к «Пиковой даме» показывают, что он проработал почти всю известную на тот момент пушкиниану³¹. Историк собрал основательную библиографию и выписки по экономике и социологии России XIX в., собираясь, очевидно, анализировать поэта в контексте социально-экономических процессов эпохи. Дело, думается, не в «занятии не своим делом», но в матрице, которой он искренне следовал. Она породила эти незамысловатые тезисы и незамысловатую статью. Вполне в духе времени, юбилейные, но почему-то неопубликованные.

Б. Ф. Поршневу, как мы писали выше, удалось написать небольшой текст, посвященный поэту, который, вероятно, предназначался к публикации. Ценность текста, как нам представляется, заключается в его стереотипности и клишированности. Первоначальное и нейтраль-

²⁷ ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 13. Л. 42–46.

²⁸ Там же. Л. 52.

²⁹ Там же. Л. 5, 55.

³⁰ Там же. Л. 25.

³¹ Всю литературу о Пушкине проработать и учесть не специалисту, думается, было невозможно. По свидетельству Л. С. Гинзбурга, в первое послереволюционное десятилетие каждые 2–3 дня о Пушкине что-то печаталось [Гинзбург, 1928, с. 8].

ное название текста «Пушкин и история» было зачеркнуто Б. Ф. Поршневым и заменено более выразительным и политически правильным заголовком: «Пушкин – непримиримый враг самодержавно-крепостнической России».

Ниже мы публикуем это небольшое рукописное произведение, содержащее автограф Б. Ф. Поршнева. Документ публикуется впервые. Он не датирован. Исправления очевидных описок специально не оговариваются. Зачеркнутые и вымаранные автором места пропущены. Авторские вставки специально не оговариваются. Орфография приближена к современной.

Пушкин – непримиримый враг самодержавно-крепостнической России

Горе-литературоведы, социологизаторы, пытались лишить победившие трудящиеся классы СССР пушкинского наследства. Они пытались сделать это, превратив Пушкина всего лишь в певца определенного исторического класса, дворянства, ушедшего со сцены, превратив нашего великого писателя Пушкина в загробную тень, превратив его из великого поэта в археологический экспонат. Но Пушкин живет сегодня между нами и делает свое огромное дело в великом созидании социалистической культуры. Он остается и сейчас, в эпоху социализма, величайшим художником слова, у которого советские читатели продолжают учиться. Не правы те, кто думает, что общественное содержание творчества Пушкина для нас представляет лишь вышеперечисленный интерес. Так думают формалисты.

Декаденты, модернисты, символисты в 90-х – 900-х гг. XIX в. сделали ругательными слова «гражданская поэзия», т. е. поэзия, открыто наполненная общественным содержанием. Эта постановка отражала гниение буржуазной культуры. Пушкин был подлинным «гражданским поэтом», и сам считал, что именно общественное содержание оставляет бессмертную основу его поэзии:

«И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал».

Вот почему надо изучать не только художественную сторону произведений Пушкина, но и неразрывно с ней связанные общественно-политические, т. е. в широком смысле слова исторические взгляды Пушкина. Вот почему Пушкина надо брать в органической связи с той исторической эпохой, когда он жил. Именно для того, чтобы Пушкин для нас «не ушел в историю», мы должны знать Пушкина как историки, и, следовательно, знать и самого поэта как историка.

Всё творчество Пушкина распадается на два периода. В первый период, он открыто воспевал «Вольность». Он писал в стихотворении «К Чаадаеву»:

«Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия воспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена».

Правительство Николая I в этот первый период справедливо видело в Пушкине революционера и в 1820 г. выслало его из Петербурга, а в 1824 г. сослало его в Михайловское. Пушкин был тесно связан с декабристами. После неудачи их восстания Пушкин в стихотворении «Арион» сравнивал себя с единственным пловцом, спасшимся от кораблекрушения.

Но уже до неудачи декабристов, под впечатлением неудач революционных попыток 1820-х годов в Испании, Италии, Греции, Португалии, – Пушкин начал сомневаться в возможности революции в России. После 1825 г. его творчество направляется в русло основной проблемы: хотя всякое возмущение против существующей власти и существующего порядка в самодержавной России обречено на поражение, «бессмысленно», – оно тем не менее закономерно и вызывает нескрываемое сочувствие автора. Характерно, что этой теме – наказанного покушения на власть – посвящены именно те крупнейшие произведения Пушкина, действия которых происходят на русской почве: «Борис Годунов», «Капитанская дочка», «История Пугачева», а также частично «Дубровский», «Медный всадник», «Полтава» и другие. Характерно также, что в единственном произведении из западной жизни, посвященной той же теме бунта, в «Сценах из рыцарских времен», восстание крестьян кончается не карой, но победой. Именно вокруг этой темы формировались основные исторические интересы Пушкина. А вопрос о причинах прочности власти в России, в свою очередь, привел его к специальному интересу Петром I и его эпохой.

Большое место в общественно-политических взглядах Пушкина занимает и проблема национальности и интернационализма. Он подходит к ней с разных сторон в «Кавказском пленнике», «Цыганах», «Арапе Петра Великого», «Калмычке» и др. Решение частично этой проблемы дано в словах:

«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык».

Наконец, важнейшей стороной исторических воззрений Пушкина является его отношение к народу. Народ для Пушкина – это основная историческая и творческая сила в истории. Слова в конце «Бориса Годунова»: «народ безмолвствует» являются, в сущности, ключом к пониманию всей драмы. И в будущем подлинным носителем исторического развития Пушкин представлял себе только народ: «и долго буду тем любезен я народу...». Вот почему так глубоко народно всё творчество Пушкина. Без веры в гигантскую историческую миссию народа Пушкин никогда не связал бы так глубоко свое творчество с народным творчеством, с народной жизнью, с народным языком. Как Данте положил начало итальянской литературе благодаря тому, что впервые решился писать на народном итальянском языке, как Шекспир тем же путем положил начало английской литературе, так Пушкин, глубочайшим образом черпнув из народной русской культуры, положил начало русской литературе. И это не было делом бессознательной художественной интуиции, но делом глубокого убеждения.

Мы вправе сказать, что, не будь у Пушкина таких общественно-исторических взглядов, он никогда не был бы и таким великим художником.

Б. Поршневу (автограф)

ОР РГБ. Ф. 684. К. 27. Д. 12. Л. 38–41
Рукопись, подлинник

Список литературы

- Битов А.** Из цикла «Обнуление времени» // Звезда. 2007. № 7. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=756> (дата обращения 23.01.2022).
- Бокарев Ю. П.** Формационная теория и экономическая история России. М.: Ин-т экономики, 2017. 45 с.
- Вите О. Т., Гордон А. В.** Борис Федорович Поршнев (1905–1972) // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 181–200.

- Гинзбург Л. С.** Пушкиниана за годы революции (1917–1927) // Красная нива. 1928. № 7. С. 3–16.
- Гирц К.** Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 557 с.
- Гордон А. В.** Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.
- Карпенко Г. Ю., Карпенко Л. Б.** «Юбилейные» языковые клише о Пушкине, или Поэт на службе у государств // Вестник Самар. гос. ун-та. История, педагогика, филология. 2016. № 4. С. 72–79.
- Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н.** Борис Поршнев – несостоявшийся литературовед // Новый филологический вестник. 2019а. № 1 (48). С. 326–337. DOI 10.24411/2072-9316-2019-00026
- Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н.** Борис Поршнев во второй половине 1930-х гг.: от «Мемуаров» де Реца к Фронде и народным восстаниям // Французский ежегодник. 2019б. Т. 52, № 1. С. 423–439. DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-257-292
- Кондратьева Т. Н.** К вопросу, изучал ли Борис Поршнев психологию в МГУ // Вестник Тюмен. гос. ун-та. 2012. № 9. С. 236–239.
- Кулахмет Ходжиков – первый художник Казахского театра и кино. Книга-альбом / Сост. Сауле Ходжикова. Астана: Фолиант, 2014. 320 с.
- Левченко М. А.** Индустриальная свирель: Поэзия Пролеткульта 1917–1921 гг. СПб.: СПГУТД, 2007. 141 с.
- Мейлах Б. С.** Основные этапы изучения Пушкина в советское время // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 125–148.
- Платт Д.** Здравствуй, Пушкин!: сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2017. 352 с.
- Depretto С.** Марксизм гуманитариев: Пушкинистика во второй половине 1930-х годов // Russian Literature. 2008. Vol. 63, iss. 2–4. P. 427–442. DOI 10.1016/j.ruslit.2008.04.011

Список источников

- Кайбалдин Маулекеш.** Конский череп // Сборник современной казахской литературы. М., 1941. С. 353–370.
- Луначарский А. В.** Чем может быть А. П. Чехов для нас // Печать и революция. 1924. № 4. С. 19–34.
- Луначарский А. В.** Александр Сергеевич Пушкин (1930). Собрание сочинений. Т. 1. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-1/aleksandr-sergeevic-puskin-1930> (дата обращения 23.01.2022).
- Маяковский В. В.** Радоваться рано // Маяковский В. В. Стихотворения и пьесы 1917–1921. М., 1956. Т. 2. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/mayakovsky-pss13-02/mayakovsky-pss13-02.html#s002007> (дата обращения 23.01.2022).
- Поршнев Б.** Три плоскости НОУТ // Октябрь мысли. 1924. № 2. С. 50–59.
- Поршнев Б. Ф.** О начале человеческой истории (проблема палеопсихологии). СПб.: Алетейя, 2007. 720 с.

References

- Bitov A.** Iz tsikla “Obnulenie vremeni” [From the “Zeroing in on Time” Series]. *Zvezda [Star]*, 2007, no. 7. (in Russ.) URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=756> (accessed 23.01.2022).
- Bokarev Yu. P.** Formatsionnaya teoriya i ekonomicheskaya istoriya Rossii [Formation Theory and Economic History of Russia]. Moscow, Institute of Economics, 2017, 45 p. (in Russ.)

- Depretto C.** Marksizm gumanitariev: pushkinistika vo vtoroi polovine 1930-kh godov [Marxism and Humanities: Pushkin Studies in the 2nd Half of the 1930s]. *Russian Literature*, 2008, vol. 63, iss. 2–4, pp. 427–442. (in Russ.)
- Ginzburg L. S.** Pushkiniana za gody revolyutsii (1917–1927) [Pushkiniana during the Years of the Revolution (1917–1927)]. *Krasnaya niva [Red Field]*, 1928, no. 7, pp. 3–16. (in Russ.)
- Girz K.** Interpretatsiya kul'tur [Interpretation of Cultures]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 557 p. (in Russ.)
- Gordon A. V.** Istoriki zheleznogo veka [Historians of the Iron Age]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2018, 448 p. (in Russ.)
- Hodzhikova Saule** (comp.). Kulahmet Khodzhikov – pervyi khudozhnik Kazakhskogo teatra i kino. Kniga-al'bom [Kulahmet Khodzhikov – the First Artist of Kazakh Theater and Cinema. Book – Album]. Astana, Foliant, 2014, 320 p. (in Russ.)
- Karpenko G. Yu., Karpenko L. B.** “Yubileinye” yazykovye klishe o Pushkine, ili Poet na sluzhbe u gosudarstva [“Jubilee” Language Cliches about Pushkin, or the Poet in the Service of State]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya [Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology]*, 2016, no. 4, pp. 72–79. (in Russ.)
- Kondratiev S. V., Kondratieva T. N.** Boris Porshnev – nesostoyavshiisya literaturoved [Boris Porshnev – Unfulfilled Literature Scholar]. *Novyi filologicheskii vestnik [New Philological Bulletin]*, 2019, no. 1 (48), pp. 326–337. (in Russ.) DOI 10.24411/2072-9316-2019-00026
- Kondratiev S. V., Kondratieva T. N.** Boris Porshnev vo vtoroi polovine 1930-kh gg.: ot “Memuarov” de Retza k Fronde i narodnym vosstaniyam [Boris Porshnev in the 2nd Half of the 1930s: From the “Memoirs” of Retz to the Fronde and People Rebellions]. *Frantsuzskii ezhegodnik [Annual of French Studies]*, 2019, vol. 52, no. 1, pp. 429–433. (in Russ.) DOI 10.32608/0235-4349-2020-1-53-257-292
- Kondratieva T. N.** K voprosu, izuchal li Boris Porshnev psikhologiyu v MGU [On the Question of Whether Boris Porshnev Studied Psychology at Moscow State University]. *Vestnik Tumen'skogo gosudarstvennogo universiteta [Tyumen State University Herald]*, 2012, no. 9, pp. 236–239. (in Russ.)
- Levchenko M. A.** Industrial'naya svirel': Poeziya Proletkul'ta 1917–1921 gg. [Industrial Pipe: Poetry of the Proletariat 1917–1921]. St. Petersburg, 2007. 141 p. (in Russ.)
- Meilakh B. S.** Osnovnye etapy izucheniya Pushkina v sovetskoe vremya [The Main Stages of the Study of Pushkin in Soviet Times]. In: Pushkin: Itogi i problemy izucheniya [Pushkin: Results and Problems of Studying]. Moscow, Leningrad, 1966, pp. 125–148. (in Russ.)
- Platt D.** Zdravstvui, Pushkin!: stalinskaya kul'turnaya politika i russkii natsional'nyi poet [Greetings, Pushkin!: Stalinist Cultural Politics and the Russian National Bard]. St. Petersburg, European Uni. Press, 2017, 352 p. (in Russ.)
- Vite O. T., Gordon A. V.** Boris Fedorovich Porshnev (1905–1972). *Novaya i noveishaya istoriya [Modern and Contemporary History]*, 2006, no. 1, pp. 181–200. (in Russ.)

List of Sources

- Kaybaldin Maulekesh.** Kanskii cherep [Horse Skull]. In: Sbornik sovremennoi kazakhskoi literatury [The Collection of Modern Kazakh Literature]. Moscow, 1941, pp. 353–370. (in Russ.)
- Lunacharsky A. V.** Chem mozhet byt' A. P. Chekhov dlya nas [What Can A. P. Chekhov Be for Us]. *Pechat' i revolyutsiya [Press and Revolution]*, 1924, no. 4, pp. 19–34. (in Russ.)
- Lunacharsky A. V.** Alexander Sergeevich Pushkin. Sobranie Sochinenii [Alexander Sergeevich Pushkin. Collected Works], 1930, vol. 1. (in Russ.) URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-1/aleksandr-sergeevic-puskin-1930> (accessed 23.01.2022).
- Mayakovsky V. V.** Radovat'sya rano [It's Too Early to Rejoice]. In: Mayakovsky V. V. Stikhotvoreniya i p'esy 1917–1921 [Mayakovsky V. V. Poems and Plays 1917–1921]. Moscow,

1956, vol. 2. (in Russ.) URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/mayakovsky-pss13-02/mayakovsky-pss13-02.html#s002007> (accessed 23.01.2022)

Porshnev B. Tri ploskosti NOUT [The Three Planes of the NOUT]. *Oktyabr' mysli* [October Thoughts], 1924, no. 2, pp. 50–59. (in Russ.)

Porshnev B. F. O nachale chelovecheskoi istorii. Problemy paleopsikhologii [On the Beginning of Human History. Problems of Paleopsychology]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2007, 720 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Сергей Витальевич Кондратьев, доктор исторических наук, профессор

Scopus Author ID 57191985945

WoS Researcher ID N-8632-2016

Тамара Николаевна Кондратьева, кандидат исторических наук, доцент

Scopus Author ID 57193155302

WoS Researcher ID E-1266-2017

Information about the Authors

Sergey V. Kondratiev, Doctor of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 57191985945

WoS Researcher ID N-8632-2016

Tamara N. Kondratieva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57193155302

WoS Researcher ID E-1266-2017

Статья поступила в редакцию 22.11.2023;

одобрена после рецензирования 17.12.2023; принята к публикации 12.01.2024

The article was submitted on 22.11.2023;

approved after reviewing on 17.12.2023; accepted for publication on 12.01.2024

Научная статья

УДК 930

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-118-129

**«Очерк истории древнееврейской религии» А. Б. Рановича
в контексте споров о формационной принадлежности
древневосточных обществ
(конец 1930-х – начало 1940-х годов)**

Артем Игоревич Ключев¹
Ольга Вадимовна Метель²

¹ Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Омск, Россия

² Омский институт водного транспорта (филиал)
Сибирского государственного университета водного транспорта
Омск, Россия

¹ kluevartem@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0123-9008>

² olgametel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6981-6137>

Аннотация

Авторы статьи анализируют материалы обсуждения монографии А. Б. Рановича «Очерк истории древнееврейской религии», представленной в 1939 г. к защите в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Мы полагаем, что анализ этих документов имеет серьезное значение для историка советской исторической науки. Работа с материалами диссертационного дела А. Б. Рановича позволяет внести уточнения в научную биографию историка, дает новые сведения о процессе формирования советского варианта формационной теории и демонстрирует механизмы функционирования сообщества советских историков древности. В целом авторы приходят к выводу, что защита А. Б. Рановичем докторской диссертации отчетливо обнаружила конфликт между московскими и ленинградскими учеными, имевший как организационное, так и концептуальное измерение.

Ключевые слова

А. Б. Ранович, В. В. Струве, Н. М. Никольский, древнееврейская религия, советское религиоведение, советская историческая наука

Благодарности

Исследование проводилось при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-309.2020.6 «Советская историческая наука 1940–1980-х гг.: опыт институциональной истории»

Для цитирования

Ключев А. И., Метель О. В. «Очерк истории древнееврейской религии» А. Б. Рановича в контексте споров о формационной принадлежности древневосточных обществ (конец 1930-х – начало 1940-х годов) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 118–129. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-118-129

© Ключев А. И., Метель О. В., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 118–129

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 118–129

A. B. Ranovich's "Essay on the History of Ancient Hebrew Religion" in the Context of Disputes about the Formation Stage of Ancient Eastern Societies (Late 1930s – Early 1940s)

Artem I. Klyuev¹, Olga V. Metel²

¹ Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russian Federation

² Omsk Institute of Water Transport –
Branch of Siberian State University of Water Transport
Omsk, Russian Federation

¹ kluevartem@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0123-9008>

² olgametel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6981-6137>

Abstract

The article analyzes the materials of the discussion of the monograph by A. B. Ranovich, "Essays of the History of the Ancient Hebrew Religion", submitted in 1939 for defense as a doctoral thesis. These materials, previously held in the archives of the USSR Higher Attestation Commission, have not been widely circulated in the scholarly community. It is imperative to introduce these materials into academic discourse to aid in the study of the development of Soviet historical science. The materials shed light on A. B. Ranovich's role in advancing the Soviet model for studying early Christianity. They reveal that his initial attempt to obtain the degree of candidate of sciences was unsuccessful in 1935, and he finally attained the degree in 1938. In March 1939, he successfully defended his dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences at a meeting of the Academic Council of the Faculty of History of Moscow State University. Moreover, the materials illustrate the intricate process of forming the Soviet canon of formation theory and the functioning mechanisms of the community of Soviet historians of antiquity. Specifically, Ranovich's defense of his doctoral dissertation highlights the conflict between Moscow and Leningrad scholars, with both organizational and conceptual dimensions. The critique of Ranovich's dissertation by V. V. Struve brings to light a new stage of debate on the formational affiliation of ancient Eastern societies, a fundamental question for Soviet historical science in the 1930s. This debate aligns with the longstanding dispute between Academician N. M. Nikolsky and V. V. Struve, wherein the deputy editor-in-chief of JAH took the position of Academician N. M. Nikolsky.

Keywords

A. B. Ranovich, V. V. Struve, N. M. Nikolsky, Hebrew religion, Soviet religious studies, Soviet historical science

Acknowledgements

The research is supported by a grant of the President of the Russian Federation, project no. MK-309.2020.6 "Soviet Historical Science of the 1940s – 1980s: the Experience of the Institutional History"

For citation

Klyuev A. I., Metel O. V. A. B. Ranovich's "Essay on the History of Ancient Hebrew Religion" in the Context of Disputes about the Formation Stage of Ancient Eastern Societies (Late 1930s – Early 1940s). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 118–129. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-118-129

Реконструируя историю советской исторической науки, трудно оставить без внимания фигуру А. Б. Рановича (1885–1948), известного специалиста по истории иудаизма и раннего христианства, внесшего серьезный вклад в формирование советского марксистского канона изучения древности. Безусловно, и научная биография, и творческое наследие автора «Очерка истории древнееврейской религии» неоднократно становились предметом изысканий отечественных исследователей. Однако, несмотря на очевидные успехи в реконструкции творческого пути ученого (Абрам Борисович Ранович, 2018), немало обстоятельств его научной карьеры и сегодня остаются практически неизвестны отечественным специалистам. И к числу таковых, в частности, можно отнести эпизод, связанный с присвоением А. Б. Рановичу ученой степени доктора исторических наук.

В целом официальные советские нарративы не сообщали никаких сведений об ученых степенях и званиях А. Б. Рановича. И составители некролога, и авторы памятной статьи, опубликованной на страницах «Вестника древней истории» (ВДИ) к десятилетию со дня смерти ученого, выстраивали биографию исследователя, которого они называли «непартий-

ным большевиком», в соответствии с приобретением им основных должностей в академических и вузовских структурах страны (Абрам Борисович Ранович, 1948; К 10-летию со дня смерти А. Б. Рановича, 1958). Некоторые детали «превращения» А. Б. Рановича сначала в кандидата, а затем в доктора исторических наук были приведены в трудах современных специалистов [Советская историография..., 2023, с. 45], полагавших, как и ранее авторы настоящей публикации, что защита А. Б. Рановичем докторской диссертации состоялась еще в 1937 г. (Абрам Борисович Ранович, 2018, с. 13), т. е. вскоре после выхода из печати его монографии «Очерк истории древнееврейской религии» (Ранович, 1937б), тогда как степень кандидата наук он получил еще в 1935 г. (Абрам Борисович Ранович, 2018, с. 12–13).

Однако материалы личного дела А. Б. Рановича, отложившиеся в фондах ВАК СССР в ГАРФ, продемонстрировали ошибочность подобной конструкции, заставив нас иначе подойти к вопросу о датировках этапов процесса «остепенения» заместителя главного редактора ВДИ¹. Именно поэтому в рамках настоящей статьи, опираясь как на указанные выше документы, так и на иные историографические источники (делопроизводственные материалы², воспоминания историков 1930–1940-х гг. (Ельницкий, 2014) и др.), мы попытаемся реконструировать один из значимых эпизодов научной биографии А. Б. Рановича, а именно обстоятельства получения им ученой степени доктора исторических наук.

Подобный сюжет, имеющий безусловную значимость в контексте работы с материалом «истории одной жизни», на наш взгляд, способен вызвать интерес у историографа и с точки зрения изучения генеральных линий развития советской исторической науки. Ведь, как мы постараемся показать ниже, обсуждение монографии А. Б. Рановича «Очерк истории древнееврейской религии», выступившей также в роли его докторской диссертации, оказывается любопытным эпизодом полемики о формационной принадлежности древневосточных обществ, развернувшейся в советской науке в 1930-е гг. Более того, интересующее нас событие позволяет получить весьма любопытный материал для реконструкции антропологической составляющей историографического процесса, а именно продемонстрировать всю сложность взаимодействия советских специалистов по истории древности, которые, как неоднократно отмечали историки науки, и в 1930-е гг., и в последующие десятилетия весьма неоднозначно относились к претензиям В. В. Струве на лидерство внутри корпорации [Ананьев, Бухарин, 2022, с. 246].

Путь Абрама Борисовича Рановича (настоящее имя – Аврум Шаевич-Беркович Рабинович³) к академической карьере был тернист. Он родился в декабре 1885 г. в Житомире в бедной еврейской семье, не имевшей возможности покинуть черту оседлости. Как в дальнейшем писал сам ученый в одной из своих автобиографий, именно «бедность и бесправие» не позволили ему поступить в гимназию⁴, и, получив лишь традиционное еврейское образование, он продолжил самостоятельно постигать азы светской науки. Тем не менее, в 1903 г. А. Б. Рановичу удалось сдать экзамен на аттестат зрелости, а через два года, благодаря временной отмене процентной нормы, поступить на физико-математический факультет университета св. Владимира в Киеве.

Впрочем, обучение на этом факультете продлилось недолго. Являясь членом Бунда, А. Б. Ранович принял участие в первой русской революции, был арестован за призывы к ниспровержению существующего строя и в течение года находился в тюрьме (Абрам Борисович Ранович, 2018, с. 23). В 1908 г., после освобождения, он вернулся в Киевский университет, но теперь уже в качестве студента историко-филологического факультета. Выбор подобной специализации для окружающих был весьма неожиданным. Ведь в условиях сохранения ограничений на трудовую деятельность для иудеев историко-филологический факультет не открывал перед еврейским юношей широких карьерных возможностей, позволявших,

¹ ГАРФ. Ф. 9506. Оп. 9а. Д. 99а.

² АРАН. Ф. 1577. Оп. 7. Д. 12; Архив МГУ. Ф. О/К. Оп. 2. Д. 7485.

³ Архив МГУ. Ф. О/К. Оп. 2. Д. 7485. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 16.

не меняя веру, занять устойчивое положение в обществе [Иванов, 2007, с. 112–113]. Не располагая данными о причинах, побудивших А. Б. Рановича пойти на подобный риск, мы, однако, можем утверждать, что будущий филолог-классик успешно освоил программу университета (практически по всем предметам его знания были оценены экзаменаторами как «весьма удовлетворительные»⁵) и был удостоен не только диплома I степени, но и серебряной медали за сочинение об Аполлонии Тианском (Абрам Борисович Ранович, 2018, с. 23).

Однако дальнейшая научная карьера А. Б. Рановича в поздней Российской империи оказалась невозможной: действующее законодательство исключало ситуацию, при которой иудей мог быть оставлен для подготовки к профессорскому званию. В результате до революции 1917 г. недавний ученик А. И. Сонни и Ю. А. Кулаковского занимался канцелярской работой и давал частные уроки и лишь в 1919 г., в условиях радикальной перестройки научно-образовательной системы страны, приступил к преподаванию древней истории и истории религий в новых учебных заведениях Киева (Киевский народный университет) и Житомира (Институт народного образования).

В 1923 г., вновь прервав свои научные занятия, А. Б. Ранович переехал в Петроград и поступил на службу в Госторг. Должность в Госторге историк занимал на протяжении шести лет, вплоть до 1929 г., когда, уже став жителем столицы, он был принят на работу в издательство «Безбожник». Такой поворот в карьере ученого, безусловно, был далеко не случаен. На рубеже 1920–1930-х гг. в период «штурма неба» потребность в кадрах квалифицированных специалистов-антирелигиозников в СССР была высока, а А. Б. Ранович, в отличие от большинства своих коллег по антирелигиозному цеху, не только обладал навыками критики религиозных идей с позиций здравого смысла [Метель, Попова, 2023], но и мог самостоятельно работать над историей иудаизма и раннего христианства. В результате уже в первой половине 1930-х гг., совмещая работу в издательстве с членством в антирелигиозной секции Института философии Коммунистической академии, ученый опубликовал не только целый ряд атеистических брошюр, но и два сборника документов по истории раннего христианства (Список трудов А. Б. Рановича, 1948, с. 141–142).

Впрочем, действительно широкие возможности для творческой деятельности открылись перед А. Б. Рановичем лишь во второй половине 1930-х гг., когда в СССР началось становление новых научных центров, связанных с изучением древности. Причем, в отличие от Ленинграда, в Москве этот процесс протекал в условиях очевидного «кадрового голода», ведь, как справедливо отмечал С. Г. Карпюк, к середине 1930-х гг. в столице практически не осталось специалистов по древней истории [Карпюк, 2021, с. 86–87], и выпускник Киевского университета, неплохо знавший древние и новые языки, оказался востребован руководством и академических, и вузовских структур. Так, в 1935–1937 гг. (по другим данным, в 1933–1936 гг.⁶) А. Б. Ранович работал в Московском отделении Государственной Академии истории материальной культуры (МО ГАИМК), а в 1937–1941 гг. – сотрудничал с ВДИ, Институтом истории АН СССР, МИФЛИ и МГУ⁷. Иными словами, спустя более чем двадцать лет после окончания университетского курса, А. Б. Ранович все-таки получил возможность всецело посвятить себя изучению древности.

Однако во второй половине 1930-х гг. закрепиться на занятых «карьерных высотах», опираясь лишь на прежний «символический капитал», А. Б. Ранович уже не мог. В условиях возвращения к системе ученых степеней и званий, отмененных в 1918 г. на волне радикальной демократизации поля отечественной науки, перед советскими учеными, если они хотели сохранить свои рабочие места и продвинуться вверх по карьерной лестнице, встала необходимость получения новых «квалификационных символов», а именно ученых степеней кандидатов и докторов наук. И хотя, как свидетельствовал С. А. Жебелев, немало специалистов, особенно представителей «старой школы», скептически восприняли данную инициативу,

⁵ Архив МГУ. Ф. О/К. Оп. 2. Д. 7485. Л. 16.

⁶ Там же. Л. 9 об.

⁷ Там же. Л. 8, 16.

отмечая, что их никто не лишал ученых степеней, приобретенных ими ранее, всё же многие историки, даже с дореволюционным прошлым, решили подтвердить свою квалификацию [Жебелев, 2002, с. 163–164].

Не остался в стороне от этого процесса и А. Б. Ранович, еще в 1935 г. предпринявший первую попытку получить степень кандидата исторических наук без защиты диссертации. Как гласил официальный отзыв, подписанный А. В. Мишулиным, одним из наиболее влиятельных ученых-коммунистов тех лет, его коллега по МО ГАИМК должен быть признан достойным степени кандидата наук, так как при работе над сборниками документов по истории раннего христианства он справился «со сложной обработкой первоисточников в их оригинальном виде» (Абрам Борисович Ранович, 2018, с. 254).

Однако, несмотря на столь высокую протекцию, кандидатом исторических наук в 1935 г. А. Б. Ранович всё же не стал: как свидетельствуют материалы кадрового делопроизводства Института истории АН СССР, искомая степень (без защиты диссертации) была ему присвоена только в июне 1938 г.⁸ Причем мы не располагаем материалами, которые могли бы пояснить, какие именно труды ученого, опубликовавшего к тому моменту уже несколько серьезных научных статей и даже одну монографию (Список трудов А. Б. Рановича, 1948), позволили комиссии вынести подобное решение. А между тем этот вопрос представляется нам отнюдь не праздным. Ведь всего спустя девять месяцев после получения степени кандидата наук А. Б. Ранович защитил уже докторскую диссертацию на тему «Очерк истории древнееврейской религии»⁹.

В официальных документах, отложившихся в фондах ВАК СССР в ГАРФ, практически нет упоминаний о том, что представляла собой данная диссертация. И объявление о защите, и выписка из протокола заседания Ученого совета исторического факультета МГУ указывали лишь тему диссертационного исследования, приглашая всех желающих ознакомиться с текстом работы в «кабинет древней истории»¹⁰. Однако, опираясь на отзывы официальных оппонентов¹¹, мы всё же рискуем предположить, что в качестве диссертации А. Б. Ранович защищал свою более раннюю монографию «Очерк истории древнееврейской религии» (Ранович, 1937б). Формально он мог так поступить, так как официальные постановления того времени, регулировавшие процедуру защиты диссертаций, требовали от соискателя представления «самостоятельной исследовательской работы, в результате которой дано решение или теоретическое обобщение научных проблем или научно обоснованная постановка новых проблем», не оговаривая при этом форму представляемого текста (Об ученых степенях и званиях, 1937, с. 176). Монография же А. Б. Рановича, как неоднократно подчеркивали коллеги ученого, действительно давала «решение или теоретическое обобщение научных проблем», а именно представляла собой «первый опыт марксистского изложения истории древнееврейской религии» (Ранович, 1937б, с. III).

Если попытаться кратко охарактеризовать данный труд, то «Очерк истории древнееврейской религии» появился в печати в 1937 г. и представлял собой действительно серьезную монографию, в которой А. Б. Ранович продемонстрировал как знакомство с предшествующей исследовательской традицией и навыки самостоятельного анализа источников, так и ориентацию на широкие исторические обобщения и построение синтетических теорий марксистского толка (Ранович, 1937б). Базовой методологической установкой автора являлся тезис о том, что у религии нет своей истории, а значит, «на различных этапах истории евреев их религия менялась в соответствии с изменением социально-экономического базиса» (Ранович, 1937б, с. 4). И если древнейшей религией евреев, как и других первобытных племен, был анимизм, а в эпоху родового строя господствовал культ предков, то по мере становления государственности «религиозному отражению всё в большей степени стали подвергаться

⁸ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 9а. Д. 99а. Л. 29; АРАН. Ф. 1577. Оп. 7. Д. 12. Л. 55.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 9а. Д. 99а. Л. 29.

¹⁰ Там же. Л. 52, 55.

¹¹ Там же. Л. 65.

гнетущие общественные силы», и, как следствие, иудейская религия стала всё больше «срастаться с моральным учением, выражающим интересы господствующего эксплуататорского класса» (Ранович, 1937б, с. 164).

Научное сообщество в целом высоко оценило труд А. Б. Рановича. Как писал во вводной статье к данному тексту белорусский академик Н. М. Никольский, «историки-марксисты должны обратить внимание на весьма интересную и ценную работу т. Рановича прежде всего потому, что она, будучи вообще одной из немногочисленных марксистских работ по древневосточной истории, посвящена проблеме, которая до сих пор, к сожалению, недооценивается марксистской исторической наукой» (Ранович, 1937б, с. III). С подобными выводами соглашались и специалисты-антирелигиозники, также утверждавшие, что книга А. Б. Рановича отличается известной новизной, так как в ней «впервые дается марксистское освещение вопроса об образовании и ходе развития древнего израильско-иудейского общества» (Юдицкий, 1938, с. 60).

Вероятно, именно принимая во внимание подобные оценки, 27 марта 1939 г. на открытом заседании Ученого совета исторического факультета МГУ А. Б. Ранович представил к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук свою работу на тему «Очерк истории древнееврейской религии». Как свидетельствует стенограмма заседания, с формальной точки зрения оно прошло вполне ordinarily. А. Б. Ранович представил собравшимся основные положения своей работы, вновь подчеркнув, что с позиций марксизма иудаизм не может иметь собственную историю, и все изменения системы верований были обусловлены лишь трансформациями социально-экономических отношений¹². Затем, после речи диссертанта, были представлены отзывы трех официальных оппонентов: белорусского академика, известного отечественного библеиста Н. М. Никольского, который, правда, не смог лично участвовать в заседании и прислал письменный отзыв¹³, ленинградского академика, востоковеда В. В. Струве, державшего самую длинную речь¹⁴, и и. о. профессора МГУ Н. А. Машкина, специализировавшегося на изучении истории Древнего Рима¹⁵.

В целом все оппоненты отмечали как достоинства, так и недостатки труда А. Б. Рановича, однако всё же они считали возможным присудить своему коллеге искомую ученую степень, что и стало возможным в результате поименного закрытого голосования, когда собравшиеся единогласно постановили: «I. Признать диссертационную работу т[оварища] Рановича А. Б. “Очерк истории древнееврейской религии” отвечающей требованиям, предъявляемым постановлением СНК СССР от 20/III-[19]38 г. 2. Присудить т[оварищу] Рановичу А. Б. ученую степень доктора исторических наук»¹⁶. Это же решение в начале октября 1939 г. поддержала и экспертная комиссия по истории, действовавшая при Всесоюзном Комитете по делам высшей школы и рекомендовавшая ВАК утвердить решение Ученого совета исторического факультета МГУ о присуждении А. Б. Рановичу ученой степени доктора исторических наук¹⁷. В результате, опираясь на столь единодушное мнение, 29 октября 1939 г. ВАК СССР действительно вынес положительное решение и утвердил А. Б. Рановича доктором исторических наук¹⁸.

Таким образом, если анализировать лишь внешнюю сторону процесса присуждения А. Б. Рановичу ученой степени доктора исторических наук, то у читателя может создаться ощущение простоты и легкости, с которой московский исследователь получил искомую степень. Однако более детальное знакомство с материалами заседания Ученого совета исторического факультета МГУ убеждает нас в ошибочности данного тезиса. Как вспоминал

¹² ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 9а. Д. 99а. Л. 56–59, 67 – 77 об.

¹³ Там же. Л. 59–63, 77 об.

¹⁴ Там же. Л. 78–120.

¹⁵ Там же. Л. 121–128.

¹⁶ Там же. Л. 52.

¹⁷ Там же. Ф. Р-8080. Оп. 1. Д. 296. Л. 12.

¹⁸ Архив МГУ. Ф. О/К. Оп. 2. Д. 7485. Л. 19.

Л. А. Ельницкий, сотрудник редакции ВДИ, который достаточно хорошо знал А. Б. Рановича в 1930–1940-е гг., на защите докторской диссертации ученому пришлось дать «жаркий бой» одному из своих оппонентов, а именно В. В. Струве (Ельницкий, 2014, с. 80). И, опираясь на материалы стенограммы, мы можем заключить, что это свидетельство вполне точно отражало сложившуюся ситуацию.

Так, говоря о речи В. В. Струве на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ, мы можем заключить, что ленинградский востоковед действительно постарался обратить внимание собравшихся на все недостатки труда А. Б. Рановича, которые ему удалось обнаружить. В частности, он утверждал, что А. Б. Ранович был несправедлив к предшественникам, мало внимания уделял достижениям советской науки, использовал далеко не все доступные ему источники и отнюдь не всегда точно переводил и цитировал документы¹⁹. Это далеко не полный перечень «прегрешений» диссертанта, к числу которых В. В. Струве даже добавил обвинение в тенденции к... антисемитизму²⁰. И хотя последнее замечание было сделано с рядом оговорок, у нас нет оснований для того, чтобы рассматривать его в качестве эмоциональной реакции, незапланированно прозвучавшей во время устного выступления ученого. Напротив, в официальном письменном отзыве, сохранившемся в личном деле диссертанта в ВАК, мы можем прочесть, что, по словам В. В. Струве, «благодаря нескольким неудачным выражениям, известной вульгаризации некоторых моментов библейского периода истории еврейского народа и, наконец, некритическому отношению к интерпретации буржуазными учеными некоторых текстов книга автора (А. Б. Рановича. – *А. К., О. М.*) /конечно не он сам/ может быть обвинена в известной тенденции к антисемитизму»²¹. Итоговый вывод ленинградского академика, впрочем, был положительным для его московского коллеги: В. В. Струве всё же признавал заслуги заместителя главного редактора ВДИ в изучении заявленной темы и отмечал, что А. Б. Рановичу удалось собрать внушительный фактический материал, позволявший подтвердить тезис о рабовладельческом характере древневосточных обществ²², следовательно, его «книга вполне заслуживает присуждения именно той степени, которую ищет автор, т. е. степени доктора исторических наук»²³.

Однако даже столь комплиментарный вывод, вероятно, не смог полностью смягчить те замечания, которые были высказаны В. В. Струве ранее, заставив не только самого диссертанта, но и присутствовавшего на защите третьего оппонента поставить вопрос о правомерности прозвучавшей критики. Если говорить о позиции Н. А. Машкина, выступавшего сразу после В. В. Струве, то он счел необходимым отметить, что, выдвигая против диссертанта столь «тяжкие обвинения», ленинградский востоковед весьма избирательно цитировал текст его научного труда²⁴, и хотя в работе А. Б. Рановича, по его словам, действительно можно найти достаточно технических (распределение материала внутри глав²⁵) и смысловых (невнимание к социальным аспектам иудейской религии²⁶) изъянов, они всё же не умаляют общего позитивного впечатления от текста монографии, которую нужно рассматривать как несомненное достижение советской науки²⁷. Неправомерность претензий В. В. Струве подчеркивал и сам А. Б. Ранович в заключительном слове, указывая собравшимся, к примеру, на тот факт, что ленинградский академик упрекал его в невнимании к трудам коллег, которые, однако, были опубликованы уже после выхода его монографии из печати²⁸. Подобная

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 9а. Д. 99а. Л. 79–120.

²⁰ Там же. Л. 103.

²¹ Там же. Л. 64.

²² Там же. Л. 78–79.

²³ Там же. Л. 120.

²⁴ Там же. Л. 122–123.

²⁵ Там же. Л. 127–128.

²⁶ Там же. Л. 65 об., 128.

²⁷ Там же. Л. 65.

²⁸ Там же. Л. 130.

стратегия защиты, вероятно, сыграла свою роль, поскольку, как мы подчеркивали ранее, А. Б. Ранович всё же был удостоен степени доктора исторических наук.

Анализируя сложившуюся ситуацию, мы, безусловно, не можем оставить без внимания вопрос о причинах, заставивших В. В. Струве занять подобную позицию и выступить со столь неоднозначными обвинениями в адрес диссертанта. Так, если опираться на мнение современников, то подобные «полусерьезные» обвинения в адрес А. Б. Рановича вполне закономерны, так как они были обусловлены давней враждой между заместителем главного редактора ВДИ и его ленинградскими коллегами, в первую очередь С. Я. Лурье и В. В. Струве (Ельницкий, 2014, с. 78, 80). Подобный вывод, казалось бы, подтверждают и публичные высказывания А. Б. Рановича, сообщавшего, к примеру, читателям «Очерка истории древнееврейской религии», что в вопросах датировки библейских текстов В. В. Струве некритично воспринимал выводы буржуазных ученых и «делал... уступки поповщине» (Ранович, 1937б, с. 144–145, 188), да и в целом, по словам заместителя главного редактора ВДИ, выводы ленинградского академика относительно истории Древней Иудеи, особенно событий, связанных с Исходом, не просто изобилуют ошибками и неточностями, перечислять которые «долго и скучно», но и представляют собой «резкий скачок назад по сравнению не только с буржуазной историей, но и с либеральным богословием прошлого века» (Ранович, 1937а, с. 54). Но тогда в свете сказанного мы можем заключить, что «жаркий бой» между В. В. Струве и А. Б. Рановичем, состоявшийся 27 марта 1939 г. на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ, был не чем иным, как одним из эпизодов в давней полемике между специалистами по истории Древней Иудеи, и ранее использовавшими весьма спорные приемы научной критики.

Более того, если выйти за рамки обсуждения историчности тех или иных событий библейской истории, то нам придется признать, что полемика между А. Б. Рановичем и В. В. Струве являлась составной частью «битвы за Древний Восток», разгоревшейся во второй половине 1930-х гг. на данном участке «исторического фронта» [Крих, 2020, с. 29–31]. Ключевыми оппонентами в этом споре, затрагивавшем базовый вопрос о формационной принадлежности древневосточных обществ, оказались Н. М. Никольский и В. В. Струве, предлагавшие совершенно разные картины марксистской версии истории Древнего Востока [Крих, 2018; Ананьев, Бухарин, 2022]. И если, с точки зрения белорусского академика, ключевую роль в истории древневосточных обществ играла община, то его ленинградский коллега настаивал на том, что в основе экономики Древнего Востока лежало рабство [Крих, 2018, с. 16–17]. Позиция А. Б. Рановича в данном споре была неоднозначной. С одной стороны, он, как казалось бы и В. В. Струве, склонялся к признанию рабовладельческого характера обществ Иуды и Израиля. Недаром, именно в этом «прегрешении», т. е. «в увлечении “модной” сейчас рабовладельческой концепцией древневосточных обществ», еще в 1936 г. его обвинял Н. М. Никольский (Абрам Борисович Ранович, 2018, с. 80–81). Однако в то же время А. Б. Ранович, и с этим не мог не соглашаться белорусский академик (Абрам Борисович Ранович, 2018, с. 80–81), рисовал всё же иную, чем В. В. Струве, картину рабовладельческих отношений в Древней Палестине, оговаривая, что рабство здесь отличалось от античных образцов и сохраняло свой преимущественно патриархальный характер (Ранович, 1937б, с. 162–163). Более того, материалы переписки А. Б. Рановича с Н. М. Никольским периода их совместной работы над «Очерком истории древнееврейской религии» отчетливо свидетельствуют о том, что московский специалист вовсе не считал себя «продолжателем дела» В. В. Струве, оказывая ему известную услугу и подкрепляя новым фактическим материалом – данными по истории Древней Иудеи – выводы ленинградского академика о рабовладельческом характере древневосточных обществ. Напротив, по словам А. Б. Рановича, именно он являлся пионером, «открывшим» рабство на Древнем Востоке. Ведь он отстаивал концепцию древневосточного рабства задолго до широкого распространения «струвианского поветрия» и даже задолго до того, как сам В. В. Струве отказался от разделяемой им ранее концепции азиатского способа производства (Абрам Борисович Ранович, 2018, с. 85). Следо-

вательно, в глазах «старого революционера» А. Б. Рановича В. В. Струве, приступивший к освоению марксизма только на рубеже 1920–1930-х гг. [Ладынин, 2022, с. 291] и разделявший многие «вредные» идеи Б. А. Тураева, никак не мог быть ни его «союзником», ни его «учителем».

Зато на роль «союзника» А. Б. Рановича в борьбе за «правильную марксистскую версию» истории Древнего Востока вполне мог претендовать академик Н. М. Никольский, отношения с которым у московского ученого, как свидетельствуют материалы их переписки, были весьма теплыми. Недаром, в отзыве официального оппонента, подготовленном минским библистом в 1939 г., были существенно смягчены все прежние замечания в адрес диссертанта относительно его стремления следовать научной моде и уподоблять «израильско-иудейский /восточный/ общественный строй античному общественному строю»²⁹.

Однако если наши выводы верны и диссертационный диспут А. Б. Рановича оказался одним из эпизодов в полемике советских ученых о формационной принадлежности древневосточных обществ, в рамках которой заместитель главного редактора ВДИ выступил на стороне Н. М. Никольского в его давних спорах с В. В. Струве, то у историографа возникает вполне резонный вопрос о причинах выбора А. Б. Рановичем своих оппонентов. К сожалению, мы не располагаем документами, которые могли бы позволить однозначно истолковать мотивы, которыми руководствовался московский библист, приглашая оппонировать ему своего давнего научного конкурента. Возможно, объяснение данному факту было вполне банальным, и речь шла просто о «кадровом голоде» середины 1930-х гг., когда, как мы уже говорили ранее, советская наука не располагала достаточным количеством специалистов по истории древности, которые могли бы квалифицированно оценить труд А. Б. Рановича. В то же время, вероятно, не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что присутствие академика В. В. Струве, пусть он и состоял в весьма сложных отношениях с диссертантом, являлось одним из желательных условий легитимации данной процедуры, свидетельствовало о том, что ключевой специалист в области истории Древнего Востока признавал работу А. Б. Рановича достойной ученой степени доктора исторических наук.

Завершая анализ отдельного эпизода научной биографии А. Б. Рановича, хотелось бы подчеркнуть, что введенные нами в оборот архивные документы существенно уточняют картину развития советской историографии древности рубежа 1930–1940-х гг. И, в первую очередь они дают возможность реконструировать процесс присвоения А. Б. Рановичу ученых степеней кандидата и доктора наук. Так, в частности, теперь мы можем утверждать, что первая попытка получить ученую степень кандидата наук оказалась для А. Б. Рановича неудачной. Искомая степень была присуждена ему не в 1935 г., а в 1938 г., и только в марте 1939 г. на заседании Ученого совета исторического факультета МГУ московскому библисту удалось защитить диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук. Причем, согласно отзывам оппонентов, в роли диссертации выступила опубликованная историком ранее монография «Очерк истории древнееврейской религии». Процедура защиты диссертации признанной в Москве специалистом в целом прошла успешно. Однако второй оппонент, В. В. Струве, с которым у А. Б. Рановича были серьезные разногласия относительно вопросов прочтения ветхозаветных текстов, выступил с резкой критикой ряда положений, выносимых диссертантом на защиту. Но, вероятно, учитывая ангажированный характер прозвучавших замечаний, члены Ученого совета единогласно приняли решение о том, что А. Б. Ранович всё-таки достоин ученой степени доктора исторических наук. Тем самым участники заседания, на наш взгляд, открыли для А. Б. Рановича новые карьерные возможности, подтвердив его статус одного из лидеров советской истории древности и одного из ключевых разработчиков концепции рабовладельческого характера древневосточных обществ.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 9а. Д. 99а. Л. 61.

Список литературы

- Ананьев В. Г., Бухарин М. Д.** «Есть что-то противоположное марксизму»: дискуссии об азиатском способе производства в Государственном Эрмитаже начала 1930-х гг. (новые архивные материалы) // Проблемы истории, филологии и культуры. 2022. № 1. С. 243–260.
- Жебелев С. А.** Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем / Публ. и коммент. И. В. Тункиной // Очерки истории отечественной археологии. М.: [б. и.], 2002. Вып. 3. С. 146–194.
- Иванов А. Е.** Еврейское студенчество в высшей школе Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М.: Новый хронограф, 2007. 436 с.
- Карпюк С. Г.** А. В. Мишулин и формирование в СССР московского центра изучения древнего мира в 1930–40-х гг. // Журнал Белорус. гос. ун-та. История. 2021. № 2. С. 85–90.
- Крих С. Б.** История поражения: Н. М. Никольский в борьбе за понимание общественного строя древневосточных обществ // Восток / Orient. 2018. № 1. 13–22.
- Крих С. Б.** Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. М.: НЛО, 2020. 320 с.
- Ладынин И. А.** «Проверка основных тезисов, на которых покоится циклическая концепция Эд. Мейера»: план работы В. В. Струве в ГАИМК в 1933 г. и его обсуждение // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9, № 3 (35). С. 291–304.
- Метель О. В., Попова А. А.** Проблемы библейской критики в советской антирелигиозной литературе 1930–1980-х гг.: случай И. А. Крывелёва // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2023. Т. 11. С. 284–306.
- Советская историография всеобщей истории как научное творчество / Под общ. ред. С. Г. Карпюка, М. С. Петровой. М.: Аквилон, 2023. 224 с.

Список источников

- Абрам Борисович Ранович // ВДИ. 1948. № 3. С. 136–141.
- Абрам Борисович Ранович: документы и материалы / Сост., предисл. и примеч. А. И. Клюева, О. В. Метель. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2018. 263 с.
- Ельницкий Л. Е.** Три круга воспоминаний. На паперти храма науки. М.: Аграф, 2014. 368 с.
- К 10-летию со дня смерти А. Б. Рановича // ВДИ. 1958. № 3. С. 210–213.
- Об ученых степенях и званиях: постановление СНК СССР: 20 марта 1937 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1937. Отд. 1, № 21. Ст. 83. С. 176–182.
- Ранович А. Б.** Об искажении древней истории еврейского народа // Антирелигиозник. 1937а. № 2. С. 53–55.
- Ранович А. Б.** Очерк истории древнееврейской религии. М.: ГАИЗ, 1937б. 400 с.
- Ранович А. Б.** Рец. на кн.: В. В. Струве. История Древнего Востока // ВДИ. 1946. № 1. С. 178–183.
- Список трудов А. Б. Рановича // ВДИ. 1948. № 3. С. 141–144.
- Юдицкий А.** Рец. на кн.: А. Ранович – Очерк истории древнееврейской религии // Антирелигиозник. 1938. № 7. С. 60–62.

References

- Ananyev V. G., Bukharin M. D.** “Est’ chto-to protivopozhnoe marksizmu”: diskussii ob aziatskom sposobe proizvodstva v Gosudarstvennom Ermitazhe nachala 1930-kh gg. (novye arkhivnye materialy) [“There Is Something Opposite to Marxism in It”: Discussions on the

- Asiatic Mode of Production in the State Hermitage Museum in the Early 1930s (New Archival Materials)]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture], 2022, no. 1, pp. 243–260. (in Russ.)
- Ivanov A. E.** Evreiskoe studenchestvo v vysshei shkole Rossiiskoi imperii nachala XX veka. Kakim ono bylo? Opyt sotsiokul'turnogo portretirovaniya [Jewish Students in the Higher School of the Russian Empire of the Early 20th Century. What Was it Like? Experience of Socio-cultural Portrayal]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2007, 436 p. (in Russ.)
- Karpyuk S. G. A. V.** Mishulin i formirovanie v SSSR moskovskogo tsentra izucheniya drevnego mira v 1930–40-kh gg. [A. V. Mishulin and the Forming of the Moscow Research and Education Centre for Ancient History in 1930–40s]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Journal of the Belarusian State University. History], 2021, no. 2, pp. 85–90 (in Russ.)
- Karpyuk S. G., Petrova M. S.** (ed.). Sovetskaya istoriografiya vseobshchei istorii kak nauchnoe tvorчество [Soviet Historiography of General History as a Scientific Creativity]. Moscow, Akvilon Publ., 2023, 224 p. (in Russ.)
- Krikh S. B.** Istoriya porazheniya: N. M. Nikolskii v bor'be za ponimanie obshchestvennogo stroya drevnevostochnykh obshchestv [Academician Nikolai M. Nikolsky and the Struggle for Understanding of Social System of the Ancient Near Eastern Societies]. *Vostok [Oriens]*, 2018, no. 1, pp. 13–22. (in Russ.)
- Krikh S. B.** Drugaya istoriya: “Periferiinaya” sovetskaya nauka o drevnosti [The Another History: The “Peripheral” Soviet Science about the Antiquity]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020, 320 p. (in Russ.)
- Ladynin I. A.** “Proverka osnovnykh tezisov, na kotorykh pokoitsya tsiklicheskaya kontseptsiya Ed. Meiera”: plan raboty V. V. Struve v GAIMK v 1933 g. i ego obsuzhdenie [“Checking the Major Points, on Which Reposes the Cyclist Concept of Eduard Meyer”: A Plan of Vasily Struve’s Work at GAIMK in 1933 and its Discussion]. *Herald of Omsk State University. Series “Historical Sciences”*, 2022, vol. 9, no. 3 (35), pp. 291–304. (in Russ.)
- Metel O. V., Popova A. A.** Problemy bibleiskoi kritiki v sovetskoi antireligioznoi literature 1930–1980-kh gg.: sluchai I. A. Kryvelyova [Problems of Biblical Criticism in the Soviet Anti-religious Literature of the 1930–1980s: The Case of I. A. Kryvelyov]. *Scripta antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury* [Scripta Antiqua. Questions of Ancient History, Philology, Art and Material Culture], 2023, vol. 11, pp. 284–306. (in Russ.)
- Zhebelev S. A.** Uchenye stepeni v ikh proshlom, vrozhdzenie ikh v nastoyashchem i grozyashchaya opasnost' ikh vyrozhdeniya v budushchem [Academic Degrees in Their Past, Their Revival in the Present and the Threatening Danger of Their Degeneration in the Future]. In: *Ocherki istorii otechestvennoi arkheologii* [Essays on the History of Russian Archaeology]. Moscow, 2002. vol. 3, pp. 146–194. (in Russ.)

List of Sources

- Abram Borisovich Ranovich [Abram Borisovich Ranovich]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1948, no. 3, pp. 136–141. (in Russ.)
- Elnitsky L. E.** Tri kruga vospominanii. Na paperti khrama nauki [Three Circles of Memories. On the Porch of the Temple of Science]. Moscow, Agraf Publ., 2014, 368 p. (in Russ.)
- K 10-letiyu so dnya smerti A. B. Ranovicha [To the 10th Anniversary of the Death of A. B. Ranovich]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1958, no. 2, pp. 210–213. (in Russ.)
- Klyuev A. I., Metel O. V.** (ed.). Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy [Abram Borisovich Ranovich: Documents and Materials]. Omsk, Omsk State Uni. Press, 2018, 263 p. (in Russ.)
- Ob uchenykh stepenyakh i zvaniyakh: postanovlenie SNK SSSR: 20 marta 1937 g. [On Academic Degrees and Ranks: Decree of the Council of People’s Commissars of the Soviet Union:

March 20, 1937]. In: *Sobranie zakonov i rasporyazhenii Raboche-Krest'yanskogo pravitel'stva SSSR* [Collection of Laws and Regulations of the Workers' and Peasants' Government of Soviet Socialist Republics], 1937, pt. 1, no. 21, art. 83, pp. 176–182. (in Russ.)

Ranovich A. B. Ob iskazhenii drevnei istorii evreiskogo naroda [About Distortion of the Ancient History of the Jewish People]. *Antireligioznik* [Anti-religionist], 1937, no. 2, pp. 53–55. (in Russ.)

Ranovich A. B. Ocherk istorii drevneevreiskoi religii [Essays on the History of Ancient Hebrew Religion], Moscow, GAIS Publ., 1937, 400 p. (in Russ.)

Ranovich A. B. Retsenziya na knigu: V. V. Struve. Istoriya Drevnego Vostoka [Review on: "History of the Ancient East" by V. V. Struve]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1946, no. 1, pp. 178–183. (in Russ.)

Spisok trudov A. B. Ranovicha [List of Works by A. B. Ranovich]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History], 1948, no. 3, pp. 141–144. (in Russ.)

Yuditsky A. Retsenziya na knigu: A. Ranovich – Ocherk istorii drevneevreiskoi religii [Review on: "Essays on the History of Ancient Hebrew Religion" by A. Ranovich]. *Antireligioznik* [Anti-religionist], 1938, no. 7, pp. 60–62. (in Russ.)

Информация об авторах

Артём Игоревич Клюев, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57223849551

WoS Researcher ID J-2503-2017

Ольга Вадимовна Метель, кандидат исторических наук, доцент

Scopus Author ID 57219053712

WoS Researcher ID M-6133-2016

Information about the Authors

Artem I. Klyuev, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57223849551

WoS Researcher ID J-2503-2017

Olga V. Metel, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 57219053712

WoS Researcher ID M-6133-2016

Статья поступила в редакцию 26.12.2023;

одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 28.03.2024

The article was submitted on 26.12.2023;

approved after reviewing on 09.02.2024; accepted for publication on 28.03.2024

Научная статья

УДК 930.2+94(47)

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-130-140

Письма историков второй половины XX века как канал научной коммуникации (на примере писем из Сибири в столицу)

Наталья Петровна Матханова

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

nmatkhanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2155-2982>

Аннотация

Рассматриваются письма живших и работавших в Сибири специалистов в области отечественной истории XVII–XIX вв. их столичным коллегам. В них обсуждаются вопросы научно-организационного характера, сообщается о событиях в научной биографии. Историки делятся своими профессиональными соображениями, идеями, планами, характеризуют найденные и анализируемые источники, высказывают гипотезы и объясняют предварительные выводы. Выявлены содержание и характер коммуникативных практик, определены основные темы и мотивы написания писем, влияние таких факторов, как личные качества авторов и адресатов и их взаимоотношений, особенностей положения в собственном учреждении и обществе. В письмах есть и личная информация. Письма служили надежным и довольно эффективным каналом коммуникации между сибирскими и столичными историками. Он использовался для передачи научной и деловой, а иногда и личной информации. Московские ученые, по преимуществу старшие по возрасту и статусу, нередко выступали в роли референтной группы, что в значительной степени определяло специфику писем к ним.

Ключевые слова

эпистолярный, сообщество историков, коммуникативные практики, М. М. Громыко, Н. Н. Покровский, Г. П. Башарин, Д. Я. Резун

Благодарности

Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» № FWZM-2024-0006

Для цитирования

Матханова Н. П. Письма историков второй половины XX века как канал научной коммуникации (на примере писем из Сибири в столицу) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 130–140. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-130-140

© Матханова Н. П., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 130–140

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 130–140

Letters of Historians of the 2nd Half of the 20th Century as a Channel of Scholarly and Business Communications (Based on Letters from Siberia to the Capital)

Natalia P. Matkhanova

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
nmatkhanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2155-2982>

Abstract

The article analyzes the letters of specialists in Russian history of the 17th – 19th centuries who sent correspondences to their colleagues in Moscow. The reason these letters are being analyzed is because, due to the distance and communication methods available at the time, correspondence was the main way for Siberian scholars to communicate with the representatives of the important scientific centers, to stay updated on the latest research trends and discoveries. During this era, authors were comparatively unrestricted in their statements, and their internal and external interactions were diverse and significant. Historians from Siberia and Moscow used to correspond on scientific and organizational matters through letters. The topics of discussions included participation in scientific conferences, invitations, opportunities for business trips, publications, cooperation, and reviews. The scholars shared their professional thoughts, ideas, and plans, characterized the sources they found and analyzed, expressed hypotheses and explained preliminary conclusions, reported the outcomes of research, and sometimes talked about the progress in their research projects and the development in their understanding of scientific problems. The letters often described events in the scientific careers of the authors. The content and emotional tone of the correspondence were significantly influenced by the author's character and relationship with the addressee. The letters often contained information of both scientific and personal nature. Sometimes, Siberian scientists requested assistance and help from their colleagues from the capital. The article concludes that letters were a reliable and effective communication channel among the professional community of historians. They were used to convey scientific, business, and occasionally personal information. The recipients of these letters were typically scholars from Moscow who were older in age and higher in status. As a reference group, they played a significant role in determining the specifics of the letters addressed to them.

Keywords

epistolary, the community of historians, communication practices, M. M. Gromyko, N. N. Pokrovsky, G. P. Basharin, D. Ya. Rezun

Acknowledgements

The research was carried out within the state assignment, on the topic “The Past in the Manuscript Sources of the 16th – 20th Centuries: Preservation and Development of Traditions” no. FWZM-2024-0006

For citation

Matkhanova N. P. Letters of Historians of the 2nd Half of the 20th Century as a Channel of Scholarly and Business Communications (Based on Letters from Siberia to the Capital). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 130–140. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-130-140

Вплоть до конца XX столетия письма оставались одним из самых главных и важных способов общения, как делового, так и личного. Ученые, в том числе историки, не являлись исключением. Для исследователей давно стали очевидными информационный потенциал и значение эпистолярия. Письма историков используются при изучении научных биографий авторов и адресатов, их политических позиций и профессиональных взглядов, выстраивания ими собственного (или чужого) образа [Корзун и др., 2003]. «Эпистолярное наследие историков дает возможность прояснить мотивацию выбора ими тех или иных исторических сюжетов, традиции и новации, существовавшие и появившиеся в профессии, показать исследовательские практики ученых, проникнуть в мир их межличностных отношений, отражая взаимоотношения учителей и учеников, коллег по историческому цеху» [Сидорова, 2013, с. 156].

Форма писем, их смысловая насыщенность, языковые особенности меняются в зависимости от многих факторов – времени написания, среды, особенностей эпистолярного этикета, характерных для эпохи и социальной группы, функционального назначения, психологических особенностей, взаимоотношений автора и адресата [Кучина, 1984, с. 45]. Не всегда со-

державшиеся в письмах утверждения адекватно отражали реальность. Нередко в них, как и в любых эго-документах (и вообще источниках) проявлялось намерение авторов представить ситуацию в том или ином свете.

Существует немало вариантов классификации эпистолярия – по статусу, социально-профессиональной и гендерной принадлежности авторов, по функциональному назначению, содержанию, эмоциональной насыщенности самих текстов и т. п. Д. А. Редин предложил разграничивать в рамках неофициальной переписки частную и личную, используя в качестве критерия «основную тему, основной мотив письменного обращения» [Редин, 2019, с. 123, 124]. Мне эта идея близка, но думаю, что требуется дальнейшее осмысление терминологии. Если же принять предложенные Рединым термины (ранее они применялись мною к письмам чиновников¹), письма историков могут классифицироваться как неофициальные, а личные или частные – в зависимости от их содержания и характера отношений между корреспондентами.

Для переписки ученых характерно сочетание научной и личной информации. В письмах историки делятся своими профессиональными соображениями, идеями, планами, характеризуют найденные и анализируемые источники, высказывают гипотезы и объясняют предварительные выводы, обсуждают вопросы научно-организационного характера. Рассматриваемые источники показывают «индивидуальный / групповой вариант вписывания в быт, науку и эпоху», дают возможность изучения «многоступенчатого поля коммуникаций, научной повседневности» [Корзун, 2019, с. 194, 196].

В настоящей статье рассматриваются письма работавших в Сибири специалистов в области отечественной истории XVII–XIX вв. их столичным коллегам – как правило, старшим по возрасту и месту в иерархии: М. М. Громыко к Б. Б. Кафенгаузу, С. Д. Сказкину и В. Д. Яцунскому; Г. П. Башарина к Н. М. Дружинину, А. М. Панкратовой и др.; З. Я. Бояршиновой к С. В. Бахрушину и В. И. Шункову; Н. Н. Покровского к М. Н. Тихомирову, С. О. Шмидту и Н. Я. Эйдельману; Д. Я. Резуна к Е. В. Чистяковой. К сожалению, в большинстве случаев мы имеем дело не с перепиской, так как известны только письма из Сибири в столицу, ответные же пока не обнаружены или недоступны. Исключение составляет переписка Г. П. Башарина и З. Я. Бояршиновой. Однако и в остальных случаях можно предположительно понимать содержание ответных писем².

Письма историков, работавших в Сибири, к столичным коллегам выбраны объектом изучения, во-первых, потому, что расстояние и существовавшие способы коммуникации делали переписку основным средством общения: междугородные телефонные переговоры были дороги, и домашние телефоны были далеко не у всех, личное общение было возможно только во время нечастых командировок. Во-вторых, потому, что провинциальным историкам контакты с представителями авторитетных научных центров позволяли находиться в курсе новейших тенденций и получать актуальную информацию. К тому же некоторые авторы учились в Москве в вузах и аспирантуре и защищали диссертации (Г. П. Башарин, М. М. Громыко, Н. Н. Покровский). Во второй половине XX в. авторы сравнительно свободны в высказываниях, а процессы внутри профессионального сообщества и его взаимодействия с «внешним» миром значительны и разнообразны. Кроме того, письма за этот период либо уже частично опубликованы (Профессор Башарин, 2022; Громыко, 2021; 2022; Покровский, 2022), либо доступны для изучения³ и в то же время почти не становились предметом изучения.

¹ «Особую группу составляют неофициальные письма <...> Вопросы делового характера не просто стоят в центре переписки, сообщение служебной информации является основной целью», однако «авторы довольно откровенны, они доверяют адресату, будучи связаны с ним не только деловыми, но и давними дружескими или приятельскими отношениями» [Матханова, 2002, с. 16].

² См., например: Громыко М. М. Письма В. К. Яцунскому, 25 января и 9 апреля 1962 г., Новосибирск (Громыко, 2021, с. 102).

³ Бахрушин С. В. Письмо З. Я. Бояршиновой // ГАТО. Ф. Р-1863, Бояршинова З. Я. Оп. 1. Д. 269. Л. 1 – 1 об.; Бояршинова З. Я. Письма С. В. Бахрушину // Архив РАН. Ф. 624, Бахрушин С. В. Оп. 4. Д. 30; Бояршинова З. Я.

Поставлены задачи: выявить содержание и характер коммуникативных практик, определить основные темы и мотивы написания писем, влияние таких факторов, как личные качества авторов и адресатов и их взаимоотношений, особенностей положения в собственном учреждении и обществе.

Нередко ученые сообщают в письмах о событиях в своей научной биографии. М. М. Громыко с гордостью пишет Яцунскому о значении школы, пройденной под руководством С. Д. Сказкина (Громыко, 2021, с. 104). Д. Я. Резун в письме Е. В. Чистяковой замечает, что его статья, посвященная Г. Ф. Миллеру, была одним из параграфов третьей главы кандидатской диссертации, но не вошла в опубликованную позже монографию⁴. Из письма Н. Н. Покровского от 11 августа 1965 г. М. Н. Тихомирову становится известно о первом прикосновении автора к ставшей для него судьбоносной теме: «Марина Михайловна Громыко... поручила знакомиться с литературой по сибирскому расколу, в значительной мере в связи с собирательской работой» (Покровский, 2022, с. 300). З. Я. Бояршинова, сообщая В. И. Шункову 22 февраля 1954 г. о начале работы над историей Томска в XVIII в., признавалась: «Материалов по XVIII веку у меня очень мало». Ее вопросы («Может быть, Вам известен архив Томской воеводской канцелярии XVIII в. Где находится и что собою представляет? Имеет ли смысл выезжать в Москву или Тобольск?») ⁵ позволяют предполагать, что это был первый приступ к новой теме – ранее она изучала преимущественно XVII век. Письма Г. П. Башарина известным московским ученым пронизаны, особенно в 1950–1960-е гг., темой борьбы за возвращение честного имени, достигнутого в науке положения. В 1952 г. Башарин был обвинен в «буржуазном национализме», исключен из партии, лишен ученых степеней и уволен [Бухерт, 2022, с. 4–6].

В письмах имеются многочисленные сведения делового характера, фигурируют обычные для ученых темы – участие в научных конференциях, возможности получения командировок, публикаций. Есть и специфические вопросы. М. М. Громыко и Н. Н. Покровский обращались с просьбами подыскать квалифицированных специалистов для нового научного центра. Громыко запрашивала у Яцунского «подходящие кандидатуры дельных и способных людей» (Громыко, 2021, с. 101, 102). Покровский просил С. О. Шмидта: «Быть может, перебрав в уме Вашу картотеку непристроенных талантов, Вы найдете кого-либо, скажем, из бывших выпускников Историко-архивного? Только нужен действительно знающий человек и не равнодушный» (Покровский, 2022, с. 314).

М. М. Громыко пишет о рецензировании работ сотрудников, о работе над «Историей Сибири». В ноябре 1960 г. она благодарила Б. Б. Кафенгауза за присылку главы Н. М. Дружинина для готовившейся к изданию многотомной «Истории СССР», а также просила московских коллег принять участие в обсуждении проспекта «Истории Сибири» (Громыко, 2021, с. 99). В письме Громыко Яцунскому от 25 апреля 1961 г. говорится о ее (в результате осуществленном) намерении добиться получения библиотеки крупного специалиста по истории и источниковедению Сибири А. И. Андреева в Новосибирске, где «ее настоящее место» (Там же, с. 102). Лейтмотив писем Покровского Шмидту – поиски и находки новых памятников, организация и проведение археографических экспедиций. Сообщается об отправке отчетов об археографической работе, возможном составе Сибирского бюро Археографической комиссии, опыте организации археографической практики студентов (Покровский, 2022, с. 389, 396–398, 402). В 1969–1975 гг. освещается конфликт, вызванный доносами О. Н. Вилкова (Там же, с. 363, 370, 382–383), рассказывается о значении поддержки со стороны Президиума

Письма В. И. Шункову // Архив РАН. Ф. 1555, Шунков В. И. Оп. 1. Д. 347; Покровский Н. Н. Письма Н. Я. Эйдельману // ОПИ ГИМ. Ф. 553, Н. Я. Эйдельман. Оп. 1. Д. 303; Резун Д. Я. Письма Е. В. Чистяковой // ОР РГБ. Ф. 934. Оп. 1. Карт. 20. Д. 31; Шунков В. И. Письма З. Я. Бояршиновой // ГАТО. Ф. 1863, Бояршинова З. Я. Оп. 1. Д. 282.

⁴ ОР РГБ. Ф. 934. Оп. 1. Карт. 20. Д. 31. Л. 2. Имеются в виду кандидатская диссертация Д. Я. Резуна «Сибирский город в русской историографии XVII – первой половины XVIII в.», защищенная в 1979 г., и монография [Резун, 19826].

⁵ Архив РАН. Ф. 1555, Шунков В. И. Оп. 1. Д. 347. Л. 1 – 1 об.

СО АН СССР, Археографической комиссии АН СССР, Д. С. Лихачева. Постоянно фигурирует тема борьбы за археографическую группу, лабораторию и, наконец, сектор, содержатся благодарности за «многочисленные и столь успешные хлопоты» (Покровский, 2022, с. 364). Г. П. Башарин в письме Б. Д. Грекову от 19 июня 1944 г. сообщает о возможных темах докторской диссертации, обозначая трудности при работе над каждой (Профессор Башарин, 2022, с. 11–12). Позже в письмах Н. М. Дружинину он рассказывал о своем новом положении – переходе в университет, назначении заведующим кафедрой, а затем и деканом (Там же, с. 86–87, 104).

При рассмотрении эпистолярия историков как канала научной коммуникации выясняется, что одна из частых тем – сообщение результатов научного исследования, а иногда и рассказ о ходе научного поиска, движении научной мысли.

Так, в одном из писем М. М. Громыко В. К. Яцунскому мы находим обоснование логики рассуждений, описание системы осуществленного ею источниковедческого анализа, характеристику творческих сомнений, поисков и решений во время работы над ставшим классическим трудом по аграрной истории Сибири [Громыко, 1965]. Марина Михайловна писала старшему коллеге и о том, как менялась структура монографии: «...начав шесть лет назад изучение состояния зап[адно]-сиб[ирского] земледелия в XVIII в. и положения отдельных групп хлебопашцев, я вскоре убедилась в том, что нельзя решать эти вопросы, не представив сначала общую картину количества, размещения и состава населения этой окраины. Потому принялась за демографию. Вот и получилась сейчас работа из двух частей (1 – население; 2 – земледельческое освоение и категории хлебопашцев)» (Громыко, 2021, с. 104–105).

Д. Я. Резун в письме Е. В. Чистяковой описывает методику своей работы: «У меня в одной большой тетради собраны все конспекты моих замечаний к вашим работам и каждую вашу работу ждал с большим интересом. Конспектировал, наводил справки, рылся в другой литературе, спорил, делал свои замечания, соглашался с Вами, добавлял новые аргументы к вашей позиции и т. д. Для меня это великолепная школа! Особенно мне близки два ваших тезиса – о классовой борьбе городов как новой ступени в этом процессе, и “обмирщении” исторической мысли XVII в., когда в историю начинает проникать человеческая личность со всеми своими житейскими интересами и заботами»⁶. Он подчеркивал особое значение статьи Е. В. Чистяковой «о формировании новых принципов исторического повествования», которая послужила «одной из отправных точек при анализе городского летописания»⁷.

Н. Н. Покровский делился с С. О. Шмидтом мнением о макете одного из томов «Истории СССР с древнейших времен до наших дней»: «...я надеялся, что столь широко объявленная работа будет более цельной и, главное, более богатой фактическим материалом. От уровня вузовского учебника здесь не очень-то ушли» (Покровский, 2022, с. 313). В другом письме анализируется рукопись позже опубликованной статьи С. О. Шмидта о М. Н. Тихомирове [Шмидт, 1966]. Подчеркивается особый интерес к сюжетам, связанным с личными воспоминаниями Шмидта и использованием архивных материалов. Он советует «сказать еще о двух вещах в археографическом плане: о работе М[ихаила] Н[иколаевича] по описанию (а не только сбору) аксаковских и вообще самарских рукописей и об организации экспедиций в Сибирь от Археографич[еской] комиссии... о пристальном внимании М[ихаила] Н[иколаевича] к архитектурным реставрационным работам последних лет... о глубоком интересе М[ихаила] Н[иколаевича] к южнославянской и византийской тематике» (Покровский, 2022, с. 330–331).

Г. П. Башарин в письмах Н. М. Дружинину передавал свои соображения относительно полученного сборника документов [Крестьянское движение..., 1959], излагал взгляды на социально-экономический строй Якутии, высказывал предложения о возможных публикациях некоторых документов о Якутии в очередном томе (Профессор Башарин, с. 83–86). В пере-

⁶ ОР РГБ. Ф. 934. Оп. 1. Карт. 20. Д. 31. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 1. Вероятно, речь идет о статье [Чистякова, 1971], на которую ссылался автор письма [Резун, 1982а, с. 40].

писке более позднего времени, когда положение Башарина как доктора наук уже было восстановлено, разворачивается настоящая научная дискуссия. Дружинин критиковал своего корреспондента за недооценку роли в истории Якутии и негативную характеристику предпринимателей-меценатов и ссыльных народников, защищал обвиняемых Башариным историков А. И. Андреева и З. В. Гоголева и призывает решать научные проблемы «в спокойном научном деловом споре, не приклеивая политических ярлыков» (Профессор Башарин, с. 118–125). «Я, как старший товарищ, – пишет академик, – хочу дать Вам дружеский совет: продумайте еще раз всю свою аргументацию... и сохраните товарищеский тон в начатой дискуссии. Ваши аргументы будут убедительны только при двух условиях: 1) если они будут вполне точными и 2) если будут устранены политические обвинения по адресу Ваших противников». Он усовещивает: «Вы сами испытали на себе влияние этих несправедливых политических обвинений. Зачем продолжать применение тех же приемов к сторонникам иных научных воззрений, чем Ваши?» (Там же, с. 124–125). В обширном ответе Башарин отстаивает свою точку зрения (Там же, с. 126–139), Дружинин, возвращаясь к обсуждению поставленных вопросов, предостерегает против упрощенных подходов (Там же, с. 140–144).

Не всегда ученые удерживаются в рамках сугубо научной и / или деловой коммуникации, порой в их письмах прорываются эмоции, сказывается характер автора. Так, из письма М. М. Громыко В. К. Яцунскому следует, что старший и более опытный коллега обидел ее предположением о переоценке ею достоверности губернаторских отчетов. Вызванное этим возражение было эмоциональным: «О себе судить трудно, но полагаю, что критическому отношению к источникам меня научил С. Д. Сказкин восемнадцать лет назад, когда студенткой второго курса я работала в его семинаре по аграрной истории Европы, не говоря уже о дальнейшей работе над дипломом и диссертацией у него же» (Громыко, 2021, с. 104–105). В суховатом письме З. Я. Бояршиновой В. И. Шункову сквозит неприкрытая обида на коллегу: «А с моей докторантурой получилось скверно – задержали местные товарищи высылку дела»⁸.

В письме к Е. В. Чистяковой Д. Я. Резун жалуется на О. Н. Вилкова, который пригласил в очередной сборник по истории сибирских городов авторов, которые с «профессиональной точки зрения совсем не годятся для науки... их присутствие будет только позорить эту серию». В результате все те, кто «до этого вместе с ним выпустили 4 сборника – я, Курилов, Люцидарская, – потребовали, чтобы нам дали возможность ознакомиться с этими тремя-четырьмя работами. Тогда-то и поднялся крик о том, что мы не ценим своих учителей, а он как редактор сам решает, кого брать, а кого выкидывать из сборника. Тогда, естественно, мы все трое отказались от участия в этом сборнике по историографии и источниковедению, хотя, сами понимаете, мне эта тематика интересна, и даже осмелюсь сказать, что именно в этой проблематике я всё же специалист... Мне горько говорить об этом... Горько и обидно, обидно за него, за себя и за дело»⁹.

Очень часто в письмах так переплетена информация научного и делового характера, что отделить одну от другой почти невозможно. В письмах Покровского Шмидту подробно излагаются соображения о подготовке к публикации «Судного списка Максима Грека», приводится план-проспект издания и варианты его оформления, содержится просьба к Шмидту стать ответственным редактором (Покровский, 2022, с. 364, 367–369, 371, 372, 380–381). Некоторые идеи важны и для подготовки нового издания.

В письме С. Д. Сказкину М. М. Громыко просит учителя стать ответственным редактором своей новой монографии [Громыко, 1975] и коротко, но полнее и подробнее, чем в официальной аннотации, излагает ее содержание. Она указывает, что в книге характеризуется кре-

⁸ З. Я. Бояршинова в 1949 г. защитила кандидатскую диссертацию, а докторскую – в 1967 г. В ее биографии нет указаний на докторантуру или отпуск для работы над докторской диссертацией.

⁹ ОР РГБ. Ф. 934. Оп. 1. Карт. 20. Д. 31. Л. 2 об. В названном сборнике [Историография..., 1984] статей В. Н. Курилова, А. А. Люцидарской, Д. Я. Резуна нет, редколлегия состоит из О. Н. Вилкова (отв. редактор), З. В. Башкатовой, М. П. Малышевой.

стьянская агротехника, перечисляет важнейшие источники – «сибирские ответы на анкету Географического общества 1847 г. (привлекла их из архива Географического Общества в Ленинграде, опубликованные и неопубликованные описания наблюдателей и путешественников, материалы местных фондов, исходящие от самих крестьян (мирские приговоры, решения волостных судов и пр.)». Кроме того, имеется важная для автора мысль о том, что крестьяне руководствовались православным календарем (Громыко, 2022).

В ряде писем, посвященных борьбе с выдвинутыми против него обвинениями, Башарин излагал в кратком, а иногда и самом общем виде, свои научные взгляды. Так, в письмах А. М. Панкратовой и Н. М. Дружинину коротко передан смысл критических замечаний на его переработанную докторскую диссертацию и собственных возражений (Профессор Башарин, 2022, с. 37–39, 54–56, 58–59). В письме В. И. Шункову Г. П. Башарин сообщал об отправке ему новой редакции диссертации, подвергшейся разгромной критике, в том числе и со стороны адресата, излагал характер переработки, каялся, что стремился «исправить свои ошибки, окупить свою вину трудом, делом», и признавал – искренне или нет – справедливость сделанных ранее Шунковым критических замечаний «относительно значения присоединения Якутии к России, земледелия, уровня развития якутского общества в XVIII–XIX вв. и классовой борьбы в улусах» (Там же, с. 25).

Естественно, содержание писем коррелирует со статусом авторов и характером их взаимоотношений с адресатами.

По мере того, как меняется положение М. М. Громыко в Сибирском отделении (она фактически возглавила группу историков, изучавших дореволюционный период), претерпевает эволюцию и содержание ее обращений к московским коллегам. В них всё чаще фигурируют пожелания о рецензировании статей сибиряков, предлагаются кандидатуры возможных участников аграрных симпозиумов из Новосибирска и других сибирских городов (Громыко, 2021, с. 100–102). В письмах Н. Н. Покровского С. О. Шмидту в 1970-е гг. появляются соображения и рассуждения о задачах и условиях дальнейшего развития археографии, о тяжелом положении в Тобольском государственном архиве (Тобольский филиал Тюменского областного архива) и необходимости вмешательства республиканских органов (Покровский, 2022, с. 424–426). В эмоциональном письме З. Я. Бояршиновой ее научному руководителю С. В. Бахрушину Зоя Яковлевна, сетуя на промедление с защитой кандидатской диссертации, вызванное, в числе прочих причин, и неполучением отзыва Бахрушина, употребляет такие обороты: «Я потеряла уж всякую надежду», «Очень прошу Вас ускорить чтение моей рукописи, составление отзыва и оформление моего допуска к защите... и выслать мне вызов на защиту»¹⁰. Ответ многоопытного Бахрушина выдержан в снисходительном и даже несколько насмешливом тоне: «...я – не обижайтесь на меня – улыбнулся на Вашу мечту защитить Вашу диссертацию в этом году. Ведь публикацию надо дать за 3 недели до защиты, а предварительно предстоит ее прочесть мне, обсудить в Секторе, и получить отзывы двух оппонентов. Всё это делается очень медленно. <...> Не огорчайтесь, ничего тут не поделаешь»¹¹. Письма Башарина к А. М. Панкратовой в наибольшей степени нагружены изложением всех перипетий борьбы, рассказами об обвинениях, врагах, поисках союзников и покровителей в высших партийных инстанциях (Профессор Башарин, 2022, с. 15–17, 20–23, 27–46 и др.). Панкратова была не только историком, но и членом ЦК КПСС, депутатом Верховного Совета СССР. Эти письма – канал деловой информации, связанной с такой частью историографического быта советских историков, как отношения с властью. Подробность изложения, упоминание содержащихся в письмах к Панкратовой реалий позволяют предполагать ее полную информированность и включенность в ситуацию.

Примером переплетения научной и научно-организационной проблематики может служить обсуждение Покровским в переписке с Эйдельманом тем статей в сборнике «Пути

¹⁰ Архив РАН. Ф. 624, Бахрушин С. В. Оп. 4. Д. 30. Л. 1. См. также: [Митрофанов, 2016, с. 72].

¹¹ ГАТО. Ф. Р-1863. Оп. 1. Д. 269. Л. 1. Письмо от 6 ноября 1948 г. Кандидатская диссертация была защищена в 1949 г.

в незнаемое» и журнале «Знание – сила». Наряду с такими вопросами, как сроки, темы, замечания редактора, в письмах излагается суть поднимаемых проблем (Покровский, 2022, с. 409). В 1981 г. Николай Николаевич предлагал другу: «...за одно дело надо совместно взяться – за этих оренбургских казаков, коих сквозь строй гоняли, роняя шпицрутену»¹². Через несколько лет появилась большая, в двух частях, статья Покровского на эту тему [Покровский, 1984; 1985], в которой приводилось легендарное утверждение источника о том, что император якобы повелел «бити, не отделя локтя», а генерал Перовский приказал бить «от руки» [Покровский, 1984, с. 130].

В письмах историков есть, разумеется, и личная информация. Иногда она тесно переплетается с деловой, особенно в письмах друзьям. Покровский писал Эйдельману и о состоянии здоровья, быте, различных событиях в жизни, в том числе общественно-политических, тяжело переживавшейся кончине жены, Зои Васильевны Бородиной: «А вот к происшедшему 26-го августа никак не привыкнуть, и чем дальше – тем труднее. Конечно, все рабочие планы сорвал. <...> Выдержал изрядный бой вокруг здешних попыток “найти общий язык” с “Памятью”. И хотя статья моя в “Известиях” об этих делах была сверху снята из уже сверстанного и подписанного номера от 20 октября, кое-какие бои местного значения здесь только что удалось выиграть. Но ты знаешь, до чего же абсолютно все дела, которые раньше интересовали и утешали, кажутся бессмысленными»¹³.

Таким образом, письма служили довольно эффективным каналом коммуникации между сибирскими и столичными историками. Он использовался для передачи научной и научно-организационной, а иногда и личной информации. Сибирские ученые сообщали коллегам о проблемах и успехах, о ходе и результатах исследований, просили о содействии и помощи. В ряде случаев они получали поддержку, порой чрезвычайно важную. Обсуждались вопросы, связанные с организацией конференций, темами выступлений, решались вопросы сотрудничества и рецензирования, подготовки публикаций. Московские ученые, по преимуществу старшие по возрасту и статусу, нередко выступали в роли референтной группы, что в значительной степени определяло специфику писем к ним.

Список литературы

- Бухерт В. Г. Предисловие // Профессор Башарин: переписка с историками (1943–1989 гг.). 2-е изд., доп. Якутск: Айар, 2022. С. 4–8.
- Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск: Наука, 1965. 267 с.
- Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1975. 351 с.
- Историография городов Сибири конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1984. 179 с.
- Корзун В. П. Профессия как жизнь. Письма действительного члена АН СССР Н. М. Дружинина и члена-корреспондента АН СССР (РАН) Е. И. Дружининой // Исторический архив. 2019. № 2. С. 194–197.
- Корзун В. П., Мамонтова М. А., Свешников А. В. Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX–XX веков в качестве историографического источника) // Письма русских историков (С. Ф. Платонов, П. Н. Милюков). Омск, 2003. С. 3–36.
- Крестьянское движение в России в XIX – начале XX века / Гл. ред. Н. М. Дружинин. М.: Соцэкгиз, 1959. 882 с.
- Кучина Т. Г. К вопросу об изучении эволюции эпистолярных источников второй половины XIX – начала XX в. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 40–48.

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 553. Ед. хр. 303. Л. 1.

¹³ Покровский Н. Н. Письма Н. Я. Эйдельману // ОПИ ГИМ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 303. Л. 5 об. – 6.

- Матханова Н. П.** Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002. 250 с.
- Митрофанов В. В.** Спорные проблемы истории Сибири в отзыве С. В. Бахрушина на диссертацию З. Я. Бояршиновой // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2016. № 9 (174). С. 71–78.
- Покровский Н. Н.** Биография оренбургского казака // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 103–130.
- Покровский Н. Н.** Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 135–163.
- Редин Д. А.** Русская административная история Нового времени и неофициальная переписка: источниковедческие размышления // Новое прошлое. 2019. № 3. С. 116–127.
- Резун Д. Я.** Городовые летописи как источник по истории социальной борьбы и культуры городов Сибири XVII – начала XVIII в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982а. С. 17–47.
- Резун Д. Я.** Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века. Новосибирск: Наука, 1982б. 220 с.
- Сидорова Л. А.** Б. А. Романов и Е. Н. Кушева в 1951 году: незавершенный спор историков // Российская история. 2013. № 2. С. 155–170.
- Чистякова Е. В.** Формирование новых принципов исторического повествования // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII – начало XVIII в.). М., 1971. С. 171–184.
- Шмидт С. О.** Памяти учителя (Материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова) // Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966. С. 7–30.

Список источников

- Громыко М. М.** [письма начала 1960-х гг.] // Матханова Н. П. Письма М. М. Громыко начала 1960-х гг. как пример коммуникативных практик сибирских и столичных историков // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. № 1. С. 99–106.
- Громыко М. М.** [Письмо С. Д. Сказкину] // Матханова Н. П. М. М. Громыко в первые сибирские годы: основные направления деятельности // Традиции и современность. 2022. № 29. С. 9–10.
- Покровский Н. Н.** Письма и воспоминания / Отв. ред. Н. П. Матханова, Л. В. Титова. СПб.: Нестор-История, 2022. 720 с.
- Профессор Башарин: переписка с историками (1943–1989 гг.). 2-е изд., доп. / Сост. В. Г. Бухерт. Якутск: Айар, 2022. 299 с.

References

- Bukhert V. G.** Predislovie [Preface]. In: Professor Basharin: perepiska s istorikami (1943–1989 gg.) [Professor Basharin: Correspondence with Historians (1943–1989)]. 2nd ed., exp. Yakutsk, Aiur Publ., 2022, pp. 4–8. (in Russ.)
- Chistyakova E. V.** Formirovanie novykh printsipov istoricheskogo povestvovaniya [Formation of New Principles of Historical Narration]. In: Russkaya literatura na rubezhe dvukh epokh (XVII – nachalo XVIII v.) [Russian Literature at the Turn of Two Eras (17th – Early 18th Century)]. Moscow, 1971, pp. 171–184. (in Russ.)
- Druzhinin N. M.** (chief ed.). Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v XIX – nachale XX veka [Peasant Movement in Russia in the 19th – Early 20th Century]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1959, 882 p. (in Russ.)
- Gromyko M. M.** Zapadnaya Sibir' v XVIII v. Russkoe naselenie i zemledel'cheskoe osvoenie [Western Siberia in the 18th Century. Russian Population and Agricultural Development]. Novosibirsk, Nauka, 1965, 267 p. (in Russ.)

- Gromyko M. M.** Trudovye traditsii russkikh krest'yan Sibiri (XVIII – pervaya polovina XIX veka) [Labor Traditions of the Russian Peasants of Siberia (the 18th – 1st Half of the 19th Century)]. Novosibirsk, Nauka, 1975, 351 p. (in Russ.)
- Istoriografiya gorodov Sibiri kontsa XVI – nachala XX v. [Historiography of Siberian Cities at the End of the 16th – Beginning of the 20th Century]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 179 p. (in Russ.)
- Korzun V. P.** Professiya kak zhizn'. Pis'ma deistvitel'nogo chlena AN SSSR N. M. Druzhinina i chlena-korrespondenta AN SSSR (RAN) E. I. Druzhininoi [Vocation as Life. The Letters of Full Member of the Academy of Sciences of USSR N. M. Druzhinin and Corresponding Member of the Academy of Sciences of USSR (RAS) E. I. Druzhinina]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive], 2019, no. 2, pp. 194–197. (in Russ.)
- Korzun V. P., Mamontova M. A., Sveshnikov A. V.** Istorik v sobstvennykh pis'makh: zerkalo ili mir zazerkal'ya? (Neskol'ko zamechanii o spetsifike pisem russkikh istorikov XIX–XX vekov v kachestve istoriograficheskogo istochnika) [A Historian in His Own Letters: A Mirror or a World through the Looking Glass? (A Few Comments about the Specifics of Letters of Russian Historians of the 19th – 20th Centuries as a Historiographic Source)]. In: Pis'ma russkikh istorikov (S. F. Platonov, P. N. Milyukov) [Letters of Russian Historians (S. F. Platonov, P. N. Milyukov)]. Omsk, 2003, pp. 3–36. (in Russ.)
- Kuchina T. G.** K voprosu ob izuchenii evolyutsii epistolyarnykh istochnikov vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [On the Study of the Epistolary Sources Evolution in the 2nd Half of the 19th and the Beginning of the 20th Century]. In: Problemy istochnikovedeniya istorii SSSR i spetsial'nykh istoricheskikh distsiplin: Stat'i i materialy [Problems of Source Studies in the History of the USSR and Special Historical Disciplines: Articles and Materials]. Moscow, 1984, pp. 40–48. (in Russ.)
- Matkhanova N. P.** Vysshaya administratsiya Vostochnoi Sibiri v seredine XIX v.: problemy sotsial'noi stratifikatsii [Higher Administration of Eastern Siberia in the Middle of the 19th Century: Problems of Social Stratification]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2002, 250 p. (in Russ.)
- Mitrofanov V. V.** Spornye problemy istorii Sibiri v otzyve S. V. Bahrushina na dissertatsiyu Z. Ya. Boyarshinovoi [Controversial Issues of the History of Siberia in S. V. Bakhrushin's Feedback on Z. Ya. Boyarshinova's Thesis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2016, no. 9 (174), pp. 71–78. (in Russ.)
- Pokrovsky N. N.** Biografiya orenburgskogo kazaka [Biography of the Orenburg Cossack]. In: Issledovaniya po istorii obshchestvennogo soznaniya epokhi feodalizma v Rossii [Research on the History of Social Consciousness in the Era of Feudalism in Russia]. Novosibirsk, 1984, pp. 103–130. (in Russ.)
- Pokrovsky N. N.** Pamyatniki literatury i obshchestvennoi mysli epokhi feodalizma [Literature and Social Thought's Materials of the Era of Feudalism]. Novosibirsk, 1985, pp. 135–163. (in Russ.)
- Redin D. A.** Russkaya administrativnaya istoriya Novogo vremeni i neofitsial'naya perepiska: istochnikovedcheskie razmyshleniya [Russian Administrative History of the Modern Times and Unofficial Correspondence: Source Analysis]. *Novoe proshloe* [The New Past], 2019, no. 3, pp. 116–127. (in Russ.)
- Rezun D. Ya.** Gorodovye letopisi kak istochnik po istorii sotsial'noi bor'by i kul'tury gorodov Sibiri XVII – nachala XVIII v. [City Chronicles as a Source on the History of Social Struggle and Culture of Siberian Cities in the 17th – Early 18th Century] In: Istochniki po kul'ture i klassovoi bor'be feodal'nogo perioda [Sources on Culture and Class Struggle during the Feudal Period]. Novosibirsk, 1982, pp. 17–47. (in Russ.)
- Rezun D. Ya.** Ocherki istorii izucheniya sibirskogo goroda kontsa XVI – pervoi poloviny XVIII veka [Essays on the History of Studying the Siberian City in the Late 16th to the 1st Half of the 18th Century]. Novosibirsk, Nauka, 1982, 220 p. (in Russ.)

- Sidorova L. A.** B. A. Romanov i E. N. Kusheva v 1951 godu: nezavershennyi spor istorikov [B. A. Romanov and E. N. Kusheva in 1951: An Unfinished Dispute among Historians]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2013, no. 2, pp. 155–170. (in Russ.)
- Shmidt S. O.** Pamyati uchitelya (Materialy k nauchnoi biografii M. N. Tikhomirova) [In Memory of Teacher (Materials for the Scientific Biography of M. N. Tikhomirov)]. In: *Arkheograficheskie ezhegodnik za 1965 god* [Archaeographic Yearbook for 1965]. Moscow, 1966, pp. 7–30. (in Russ.)

List of Sources

- Gromyko M. M.** [Pis'mo S. D. Skazkinu [Letter to S. D. Skazkin]]. In: Matkhanova N. P. M. M. Gromyko v pervye sibirskie gody: osnovnye napravleniya deyatel'nosti [M. M. Gromyko in the 1st Siberian Years: Main Areas of Activity]. *Traditsii i sovremennost'* [Traditions and Modernity], 2022, no. 29, pp. 3–12. (in Russ.)
- Gromyko M. M.** [Pis'ma 1960-kh gg.]. In: Matkhanova N. P. Pis'ma M. M. Gromyko nachala 1960-kh gg. kak primer kommunikativnykh praktik istorikov [Letters of M. M. Gromyko in the Early 1960s as an Example of Communicative Practices of Historians]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia], 2021, vol. 28, no. 1, pp. 98–106. (in Russ.) DOI 10.15372/HSS20210113
- Pokrovsky N. N.** Pis'ma i vospominaniya [Letters and Memoirs]. N. P. Matkhanova, L. V. Titova (eds.). St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2022, 720 p. (in Russ.)
- Professor Basharin: perepiska s istorikami (1943–1989 gg.) [Professor Basharin: Correspondence with Historians (1943–1989)]. 2nd ed., exp. V. G. Bukhert (comp.). Yakutsk, Aiar Publ., 2022, 299 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Петровна Матханова, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 57190745973

Information about the Author

Natalia P. Matkhanova, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 57190745973

Статья поступила в редакцию 09.01.2024;
одобрена после рецензирования 02.02.2024; принята к публикации 16.02.2024
The article was submitted on 09.01.2024;
approved after reviewing on 02.02.2024; accepted for publication on 16.02.2024

Научная статья

УДК 930.1; 015

DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-141-153

Гендер – синоним женского или полезная категория исторического анализа? (Обзор женской и гендерной истории в Казахстане)

Светлана Махмутовна Шакирова

Казахский национальный женский педагогический университет

Алматы, Республика Казахстан

shakirovasvetlana0@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3016-2388>

Аннотация

В статье описана проблематика исследований в русле гендерной и женской истории, проведенных в Казахстане за последнее десятилетие. Преимущественно работы историков лежат в плоскости женской истории с такими вопросами, как роль женщины в традиционном казахском обществе, эмансипация женщин в СССР, женская повседневность, семейно-брачные отношения, образование женщин. В последние годы обозначился переход от женской истории к гендерной истории, когда проблематизация таких тем, как женщины и Вторая мировая война, героизм женщин в тылу, женская топонимия, женские музеи, учебники истории, проводится с точки зрения критического анализа гендерных ролей и властных иерархий. Приведены результаты библиографического исследования автора, систематизирующего труды казахстанских ученых по женской и гендерной проблематике.

Ключевые слова

женская история, гендерная история, история повседневности, женщины и война, Казахстан

Для цитирования

Шакирова С. М. Гендер – синоним женского или полезная категория исторического анализа? (Обзор женской и гендерной истории в Казахстане) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 141–153. DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-141-153

Is Gender a Synonym for Feminine or a Useful Category of Historical Analysis? (Review of Women's and Gender History in Kazakhstan)

Svetlana M. Shakirova

Kazakh National Women's Teacher Training University

Almaty, Republic of Kazakhstan

shakirovasvetlana0@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3016-2388>

Abstract

The article addresses the challenges associated with research in the field of gender and women's history in Kazakhstan over the last decade. Primarily, historians have focused on women's history, examining topics such as the role of women in traditional Kazakh society, the women's emancipation in the USSR, women's daily life, family and marriage relations, and women's education. There remains a lack of clear differentiation between women's studies and gender studies in historical works in Kazakhstan, as most authors use these terms synonymously. A significant portion

© Шакирова С. М., 2024

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История. С. 141–153

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 141–153

of the research on the women's and gender history of Kazakhstan is based on archaeology, ethnography, and the theme of "women and war". However, in recent years, there has been a transition towards gender history, led by the scientific school of Professor Roza Zharkynbayeva from Al-Farabi Kazakh National University. Professor Zharkynbayeva's work critically analyzes gender roles and power hierarchies regarding such topics as women and the Second World War, the heroism of women in the rear, women's toponymy, women's museums, and history textbooks. The article presents the results of bibliographic research that organizes the contributions of Kazakhstani scientists on women and gender issues.

Keywords

women's history, gender history, the history of everyday life, women and war, Kazakhstan

For citation

Shakirova S. M. Is Gender a Synonym for Feminine or a Useful Category of Historical Analysis? (Review of Women's and Gender History in Kazakhstan). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2024, vol. 23, no. 8: History, pp. 141–153. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2024-23-8-141-153

Гендерная тематика в науке ассоциируется с этапом былого очарования стран СНГ либеральными свободами 90-х, с идеологическим влиянием Запада, феминизмом. Ситуация в Казахстане остается двойственной. С одной стороны, международные организации (ООН, ЮНЕСКО, ООН-Женщины, ПРООН), стабильно продвигают повестку гендерного равенства в рамках достижения ЦУР № 5, ликвидации неравенства в доступе к образованию для девочек, борьбы с гендерно маркированным насилием и т. д. С другой стороны, в условиях роста бытовой религиозности крепнут традиционные ценности. В СМИ и социальных сетях дебаты достигают высоких степеней накала и критицизма, что говорит о насущности проблематики прав женщин в обществе.

Транслировавшиеся в апреле – мае 2024 г. в прямом эфире заседания суда над бывшим министром экономики Казахстана К. Бишимбаевым по обвинению в жестоком убийстве его жены вызвали высочайший интерес общественности в стране и за рубежом, придав событию международный масштаб. Это в очередной раз подтвердило актуальность повестки гендерного равенства, создания системы защиты прав женщин, теоретической проработки вопросов традиций в семейно-бытовой и публичной сферах.

В данной статье показан современный контекст развития женских и гендерных исследований в Казахстане с акцентом на исторических науках. Поставлены следующие исследовательские вопросы: Кто исследует женские и гендерные проблемы истории в Казахстане? Какая проблематика вызывает интерес? Сколько в Казахстане научных школ (проектов) по женской и гендерной истории?

Ситуация с гендерными исследованиями (далее – ГИ) в Казахстане умеренно-спокойная. В середине 90-х гг. международным организациям и фондам были нужны местные эксперты по гендеру для продвижения идей гендерного равенства и демократии. ГИ поддерживались очень активно – выделялись гранты на летние школы, конкурсы научных работ, поддержку центров гендерного образования в вузах. Гендеризация общественной жизни всегда шла в ногу с международной повесткой и проводимой политикой гендерного равенства в стране.

Однако в 2006 г. интерес к гендеру у правительства начинает падать. Из названия Национальной комиссии по делам семьи и гендерной политики при Президенте Республики Казахстан уходит «гендерная политика», она становится Национальной комиссией по делам женщин и семейно-демографической политике. Преподавание гендерных курсов в вузах и исследовательские проекты постепенно сокращаются¹.

Российские исследователи М. В. Васеха и Е. Ф. Фурсова сделали наблюдение о том, что «в период “взлета” гендерной проблематики (финансирование проектов, зарубежные стажировки)

¹ Если начиная с 1999 г. наблюдался быстрый рост числа вузов (порядка 38), где было начато преподавание 60 гендерных курсов в различных областях социальных и гуманитарных наук, то в 2019 г. отдельные курсы по гендеру читались лишь в 21 из 134 вузов Казахстана. Позднее группа ученых Назарбаев Университета изучала состояние гендерного образования в стране, и полученные данные оказались достаточно скромными, особенно в плане научных публикаций, в сравнении с другими странами [Kataeva et al., 2023].

ровки и пр.) значительное количество исследований выполнялось учеными-мужчинами» [Васеха, Фурсова, 2023, с. 23]. Для Казахстана это утверждение «не работает». Начиная с 1990-х гг. в гендерных исследованиях доминируют женщины. В период с 1991 по 2010 г. в Казахстане было защищено более трех десятков кандидатских и докторских диссертаций по гендерным вопросам истории, социологии, политологии, философии, экономики, лингвистики – все авторы были женщины. Начиная с 2011 г., после перехода на Болонскую систему, диссертации на соискание ученого звания доктора философии (PhD) по гендерной тематике стали редкостью.

Академическая среда Казахстана в целом не препятствует развитию гендерных исследований как области научных изысканий. Рассмотрим это на примере научных публикаций за последнее десятилетие.

Мое кабинетное исследование², в выборку которого вошли 200 научных статей казахстанских авторов по гендерной и женской тематике, опубликованных в казахстанских научных журналах в 2015–2023 гг., показало, что из общего числа авторов женщины составляют 85 %. Свидетельством феминизации научных кадров гендерной истории может служить факт, что на 37 статей по истории, попавших в анализ, приходится 49 авторов, из них женщин – 41, мужчин – 8.

Наибольшее число исследователей представлено такими вузами, как КазНУ им. Аль-Фараби, ЕНУ им. Гумилева, КарУ им. Букетова, КазНПУ им. Абая, КазНацЖенПУ и др.

Вопрос о сходстве и различии, обособленности и пересечении таких сфер, как гендерные исследования (ГИ) и женские исследования (ЖИ), продолжает сохранять актуальность. Стало общим местом напоминать, что не всякая работа о женщинах, их роли в истории или феномене женского в какой-либо сфере жизни может быть методологически отнесена к гендерной проблематике. О том, что методология, предмет и объект исследований ГИ и ЖИ различаются, было написано немало работ представителями московской, петербургской, харьковской, минской, алматинской и других школ гендерных исследований.

Снижение символического престижа категории «гендер» наступило после 2010 г., с уходом зарубежных фондов, грантов. Постепенно начала происходить замена слов «гендер» и «гендерное» на «женщины» и «женское». Особенно это заметно в исторических и филологических исследованиях. Выполненные в духе классических исследований, работы не демонстрировали приверженность западным (феминистским) теориям, гендерной критике социума. Как говорится, женская проза продолжала описываться как женская проза, вербальные средства женской и мужской речи оставались теми же вербальными средствами.

По выражению Джоан Скотт, авторы меняют в своих названиях женское на гендер для обозначения научной серьезности работы, ведь «гендер не несет в себе обязательного утверждения о неравенстве или власти, как и не называет обиженную... сторону... гендер включает в себя женщин, но не называет их...» [Скотт, 2020, с. 10–11].

Рамки ЖИ и ГИ по-прежнему размыты и взаимопроницаемы, а большинство авторов научных работ из числа вузовских ученых синонимизирует гендер и женщин. По замечанию Р. С. Жаркынбаевой, «гендерный подход предполагает изучение истории формирования и функционирования системы отношений и взаимодействий в обществе, стратифицирующих его по признаку пола... Гендерный подход не нашел глубокого осмысления и соответственно применения» [Гендерные аспекты..., 2020, с. 12, 13].

В России рост научных публикаций по гендеру в 1990-е и 2000-е гг. имел многократно больший размах. Вызывает уважение постоянство и преданность своим принципам Российской ассоциации женской истории (РАИЖИ), проводящей конгрессы в разных городах России и стран СНГ.

² Шакирова С. What are gender / women's studies researchers writing about in Kazakhstan today? Доклад на конференции European Society for Central Asian Studies (ESCAS) 2023 Regional Conference: "Power, people and cultural change in an ever-evolving Central Asia". Алматы, 21–24 сентября 2023 г.

В последние годы тренд постепенно изменялся. Так, «в Сибири резко сократилось число диссертаций с заявленным гендерным подходом и усилилось обращение к консервативным и нейтральным категориям – “исследование семьи и брака”, “мужское” и “женское” и т. п. Исследователи предпочитают обращаться к классической исторической, а не к новационной проблематике, почти не используют возможности и потенциал гендерных теорий и методологии, крайне редко включают критическую феминистскую оптику в сферу своих интересов. Большинство работ носит дескриптивный характер, ограничиваясь простыми обобщениями без концептуализации проблемы» [Васеха, Фурсова, 2023, с. 29].

Анализ ключевых слов в статьях в упомянутом исследовании показал, что наиболее распространенными являются: гендер (52), гендерный (154), женщины (43), женский/ая/ое (36), равенство (31), политика (30), образ/ы (25), стереотип (24), феминизм (21), война (20) и др. Таким образом, если «гендер» и «женщины» указаны примерно в одном диапазоне, то разрыв в частоте слов «гендерный» и «женский» весьма заметный.

Означает ли это, что в работах преобладает гендерный подход?

Рассмотрим основные проблемные области женских и гендерных исследований в истории в Казахстане.

Традиционно большой объем в составе работ по женской и гендерной истории Казахстана занимают труды по археологии и этнографии. Перечислим некоторые из последних журнальных статей.

Общественно-политическая роль женщины в эпоху Казахского ханства (XV–XIX вв.) исследована в статье историков из Астаны Г. К. Уалиевой, М. А. Алпысбеса, Ж. А. Қарсыбаевой. В аннотации отмечается: «С исторической точки зрения сложилось мнение, что социальная и культурная жизнь Казахстана была в значительной степени патриархальной, но при дальнейшем изучении темы можно заметить, что в общественных отношениях патриархальный и матриархальный характер жизни существовал параллельно... Мужчина защищает землю, женщина оберегает нацию, ведь роль женщины как матери оказывает особое влияние на формирование у ребенка языковых навыков, мировоззренческих ценностей, жизненных принципов. Чистота крови нации напрямую связана с сильными национальными принципами и семейными традициями казахского народа» [Уалиева и др., 2021, с. 128]. К наиболее известным женским персонажам казахской истории относятся Умай, Тумар, Зарина, Теркен хатун, Айша биби, Бегим ана и Тайдула. Авторы описывают также историческую роль ханши Сузге, ханши Бопай (1690–1780), ханши Айганым (1783–1853) и др.

В традиционном ключе исследуются семейно-брачные отношения у казахов в отдельных работах [Baudiyarova, Meirmanova, 2023; Abashin et al., 2020; Искакова и др., 2020].

В рамках грантового проекта КН МОН РК 3915/ГФ4 «В эпоху коренной трансформации общества: жизненные истории женщин в Казахстане периода сталинской модернизации, 1920–1930-е гг.» группа ученых из КазНУ им. Аль-Фараби и Университета КИМЭП Дидар Касымова, Эльмира Телеуова, Жанат Кундакбаева, Айгуль Абдилдабекова провели анализ истории феминизма в западных странах, в России [Касымова, Абдилдабекова, 2015] и отражение этого процесса в Казахстане [Кундакбаева, Телеуова, 2015; Касымова, Телеуова, 2015].

Характерно, что осмысление различий в феминистских и гендерных подходах этими исследователями трактуется таким образом: «...в постсоветском пространстве всё еще нет четкого понимания разницы между гендерной историей и историей женщин. Важно понимать, что гендерный подход – это не описание событий, которые происходили с мужчинами и женщинами, или их реакции на события, а также не описание политики в отношении женщин и их месте на рынке труда, в политической и социальной сферах, а выявление культурных представлений общества о различиях мужского / женского. Следует иметь в виду, что феминизм, или «женское движение», на различных исторических этапах имело неоднозначное толкование. Таким образом, авторы статьи убеждают в необходимости четкого разграни-

чения областей исследования данных направлений и ясного понимания их различий» [Кундакбаева, Дуйсебаева, 2016, с. 190].

В монографии «Модернизация ранней советской эпохи в судьбах женщин Казахстана, 1920–1930 годы» Ж. Кундакбаева отмечает большое значение источниковой базы этой книги, куда вошли делопроизводственные документы Киробкома, отдела по работе с женщинами АП РК, документы личного происхождения из личных фондов женщин в ЦГА РК, а также материалы устных историй, периодических изданий и произведения казахской литературы 1920–1930х гг. [Кундакбаева, 2017].

Сотрудники Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова исследуют женский вопрос в советском Казахстане в 1920–30-е гг.³ Отдавая дань описанию проблемы «женского равенства» в казахской печати в XIX–XX вв. [Shashayeva, Kozybayeva, 2022], анализируя требования представителей «Алаш» о праве женщины добровольно вступать в брак, об отмене калыма, левирата [Шашаева, Козыбаева, 2022], описывая обычаи и традиции женщин в казахском обществе [Калшабаева и др., 2023], ученые вносят вклад в женские исследования в истории.

В Казахстане сегодня уделяется большое внимание введению в научный оборот новых архивных источников из России и зарубежных стран. В 2019 г. ученый секретарь Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова А. Т. Абдулина в ходе командировки в г. Оренбург по программе «Архив-2025» изучила такие вопросы, как приобщение казашек к новому советскому быту, искоренение отживших обычаев и традиций – калыма, многоженства, аменгерства. Автором были «выявлены, отсканированы и сфотографированы архивные документы на 2 097 листах, просмотрены 46 единиц хранения по теме проекта в Государственном архиве Оренбургской области... важность которых определяется столичным статусом г. Оренбурга в Советском Казахстане до... 1924 г.» [Абдулина, 2020, с. 133–134].

Автор отмечает, что «процесс эмансипации казахских женщин, в особенности проживавших в сельской местности, затянулся на долгие годы и носил эволюционный характер по мере укрепления советской власти и колхозного строя... В лозунгах-листовках звучали как пропаганда партии большевиков, призывы к казашкам вступать в ее ряды, так и лозунги эмансипационного характера... такие факторы, как практически отсутствие пропагандистской литературы на казахском языке и поголовная безграмотность женщин, – делали их “глухими” к большевистской агитации» [Там же, с. 132, 136].

Одной из наиболее эмоционально заряженных в казахстанской исторической науке последних десятилетий является проблематика голодомора и политических репрессий (см., в частности, статьи: [Turgunbayev, Abaeva, 2018; Сәрсембина, 2018]).

Значительное место в гендерной историографии современного Казахстана занимает проблематика *«женщины и Великая Отечественная война»*.

Отход от женской истории к гендерной истории демонстрирует научная школа профессора КазНУ им. Аль-Фараби Р. С. Жаркынбаевой. По грантовому проекту МОН РК «Фронт / тыл: гендерные аспекты Второй мировой / Великой Отечественной войны в истории Казахстана и России» были опубликованы: монографии «Гендерные аспекты истории Великой Отечественной войны в Казахстане и России: макро- и микроуровень» [2020], “Transformation of the Political and Social Roles of women in Kazakhstan during the War of 1941–1945” [Zharkynbayeva, 2020], учебные пособия [История Второй мировой войны..., 2020], многочисленные статьи.

Эта группа историков отстаивает целесообразность использования гендерного подхода, предполагающего «возможность включения в исследовательское поле большого количества новых тем, долгое время не привлекавших исследователей, что делает историю многогранной, инкорпорирует в нее все группы населения» [Гендерные аспекты..., 2020, с. 13].

³ Проект грантового финансирования МОН РК «Голод в Казахстане в 1921–1922 годах и его последствия (на основе новых архивных и письменных источников)» № AP09259227.

Как отмечают авторы, «советский гендерный порядок отчетливо проявился в мобилизационной политике государства. Начиная с 1942 г., когда страна столкнулась с большими фронтовыми потерями, необходимость в замещении военнослужащих мужчин увеличивается, и начинают проводиться массовые мобилизации женщин. В 1942 г. прошли четыре самых массовых мобилизации женщин в ПВО, связь, ВВС, ВМФ» [Жаркынбаева, Абдирайымова, 2019, с. 347]. Исследователи завершают статью следующим выводом: «...мобилизация женщин... должна была ограничиться для женщин работой на производстве и службе в тыловых и вспомогательных соединениях. Но впоследствии, женщины продемонстрировали стремление и готовность к выполнению боевых заданий, силу, мужество, тем самым заявив, что они могут стать воинами. Можно отметить своего рода стирание гендерных различий, обусловленное экстремальными условиями военного времени» [Там же, с. 349].

Заметный вклад в разработку тематики «женщины и Великая Отечественная война» внесли представители научной школы д-ра ист. наук, проф. Карагандинского университета им. акад. Е. Букетова З. Г. Сактагановой⁴.

Работы З. С. Сактагановой отличает актуализация внимания на проблемных моментах женской фронтовой повседневности (трудности, быт, мужской шовинизм, насилие). Автором отслежены некоторые сюжеты судеб и истории участия казахстанских девушек в войне, приведены фрагменты стенограмм бесед с ними в период Великой Отечественной войны [Сактаганова, 2020]. Приводятся обширные части беседы с летчицами Х. Доспановой, А. Скрипочкиной, Н. Лобковской. Материал структурирован по тематическим группам: патриотизм, жертвенность, ежедневный подвиг на фронте; мужской шовинизм на фронте; проблемы и проявления слабости, злости, ненависти; конкуренция среди своих; чрезвычайные происшествия; обмундирование, быт; любовь на фронте; насилие.

Статья завершается выводом: «Долгое время господствовавший в историографии исключительно шаблонный, «героический» взгляд на фронтовую женщину сегодня меняется, проявляясь как более глубокий, более многогранный и по-настоящему “очеловеченный” образ женщины-воина с ее разными эмоциональными проявлениями и реакциями на трудную военную действительность. Это позволяет, на наш взгляд, более полно воссоздать женскую военную повседневность» [Там же, с. 146].

Вопросы женской повседневности на фронте и в тылу исследованы в статьях [Абдрахманова, 2020; Ахметова, Адильбаева, 2023; Akhmetova et al., 2023; Тапалова, 2019; Турова, 2021] и др.

В книге «Женщины Казахстана на войне 1941–1945 гг.» Д. Игсатовой и Д. Асановой, отмечается: «СССР, в составе которого был и Казахстан, был единственной страной в годы войны, где женщины принимали непосредственное участие в боевых действиях... Официально считается, что 5 250 женщин и девушек из Казахстана ушли на фронт» [Игсатова, Асанова, 2020, с. 6, 7]. Из 240 государственных музеев в Казахстане 15 являются «женскими». В книге описаны этапы меморации героинь-казашек в советское время и в период независимости, что отразилось в открытии многочисленных музеев, именовании улиц, организаций, установке памятников, придании имен знаменитых казашек самолетам авиакомпании «Air Astana» и др.

Тема женских музеев и музейного дела вызывает дебаты в среде исследователей женской истории⁵. Д. Асанова – руководитель виртуального музея ‘Women of Kazakhstan, глубоко

⁴ В 2016 г. вышла монография З. Г. Сактагановой, Ж. Турсуновой, А. Ж. Смагулова «Женщины Центрального Казахстана в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Сактаганова и др., 2016]. Позднее в рамках грантового проекта МОН РК «Великая Отечественная война и женщины Казахстана на фронтах и в тылу: женские истории и повседневность» были опубликованы работы З. Г. Сактагановой «Женская повседневность на фронтах Великой Отечественной войны (на основе материалов Комиссии по истории Великой Отечественной войны)» [2020], С. В. Елеухановой и А. Д. Утебаевой «Женщины Казахстана в период Великой Отечественной войны: советская историография (1970–1980-е гг.)» [Yeleuhanova, Utebayeva, 2019].

⁵ В последние десятилетия усилиями феминистских историков и активисток поставлена под вопрос легитимность музейфикации великих деятелей мужчин, в тени которых остаются их жены, матери, дочери, соратницы.

исследующая вопросы женских музеев [Assanova, Zhanguutin, 2020] и женской топонимии Казахстана [Assanova, 2023]. Отдавая дань богатству и разнообразию женских названий населенных пунктов, рек, гор, святых мест, мазаров в Казахстане, исследователь подвергает критическому анализу недостаточную представленность женских персоналий в наименованиях улиц, школ, организаций и в целом гендерный дисбаланс в развитии урбанистики, монументального искусства страны.

Исследованию женской повседневности посвящена статья Г. Абдыкуловой и Г. Т. Мусабалиной «Историографические проблемы истории женской повседневности». Как отмечают авторы, «исследование жизни женщин в нашей стране как научное направление находится пока в начальной стадии своего становления.... Свой вклад в развитие микроистории в отечественной науке могло бы внести изучение повседневности на различных этапах жизни женщин: супруга, невестка, сноха, мать, свекровь, теща, сваха, бабушка» [Абдыкулова, Мусабалина, 2019, с. 178]. Г. Абдыкулова в 2021 г. защитила диссертацию на тему «Повседневная жизнь женщин города Нур-Султан» (1991–2019)» [Абдыкулова, 2021].

Анализу современных школьных учебников по истории посвящено исследование Жазиры Бекжановой [Bekzhanova, 2023]. Автор констатирует меньшую представленность женщин на фотографиях и иллюстрациях, отмечает гендерно нечувствительный язык изложения материала в учебниках на русском языке (казахский язык, будучи гендерно нейтральным, дает меньше предмета для критики). Отмечается объективизация женщин при изложении исторических фактов («Хан женился на дочери Жанкожи» // гендерно нейтральным было бы высказывание «Хан и дочь Жанкожи вступили в брак»). Критический анализ автора включает гендерный и этнический состав авторов учебников, частоту упоминания имен неказахских женщин, полноту указания их имен и др. Сделан вывод, что язык учебников усиливает традиционные гендерные роли: женственность ассоциируется с уязвимостью и покорностью, мужественность – с властью и лидерством. При этом учебники уделяют больше внимания женским персонажам, когда они демонстрируют стереотипно мужские черты, такие как власть, лидерство и воинственность.

Очевидно, что «перераспределение знаний или имиджа необходимо для уменьшения гендерного неравенства и, в частности, расширения участия женщин неказахского происхождения», заключает автор [Bekzhanova, 2023, p. 138].

Подводя итоги, дадим ответы на вопросы, обозначенные в начале статьи.

Гендерные проблемы истории в Казахстане исследуются преимущественно женщинами, работающими в университетах, НИИ, а также докторантами.

Тематика исследований простирается от традиционных работ по археологии и этнографии, эмансипации казашек через солидный массив исследований по женщинам на войне и в тылу до феминистской критики музеев, топонимии, учебников истории, женской повседневности. Наиболее актуальные темы для успешного пересечения гендерной истории и глобальной истории – это история повседневности, история семейных отношений и родства, история детства, участие женщин в освободительной борьбе стран, женщины во Второй мировой войне, история профессионального образования и др.

Наиболее значительными научными школами являются школа Р. Жаркынбаевой (КазНУ им. Аль-Фараби) и школа З. Сактагановой (КарГУ им. Букетова), а также Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, КазНПУ им. Абая. Ими подготовлены и изданы десятки монографий, статей, учебных пособий. Вклад казахстанских историков признается в кругах ученых, связанных с гендерной проблематикой, среди зарубежных историков.

Защищенных диссертаций по гендерной истории за последние десять лет немного.

На меня сильное впечатление произвела статья “Moving gender: Home museums and the construction of their inhabitants” («Подвигая гендер: домашние музеи и обустройство их обитателей») [Vinitsky-Seroussi, Dekel, 2019]. Показательна также книга “Feminist Critique and the Museum. Education for a Critical Consciousness” [2020].

Таким образом, отвечая на вопрос в заглавии статьи, можно сказать: отчасти продолжая оставаться синонимом женского, гендер всё более признается значимой категорией исторического анализа в казахстанской исторической науке.

Список литературы

- Абдрахманова К. К.** Женщины-медики Павлодарской области в годы Великой Отечественной войны: героизм и фронтовая повседневность // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». 2020. № 2 (97). С. 6–17.
- Абдулина А.** Документы Оренбургского архива социально-политической истории о работе среди женщин-мусульманок в начале 1920-х гг. // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия историческая. 2020. № 3 (98). С. 132–138.
- Абдыкулова Г.** Повседневная жизнь женщин города Нур-Султан (1991–2019 гг.): Дис. ... д-ра философии (PhD). Нур-Султан, 2021. 195 с.
- Абдыкулова Г., Мусабалина Г. Т.** Историографические проблемы истории женской повседневности // Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университетінің Хабаршысы. 2019. № 3 (79). С. 175–180.
- Ахметова Д. М., Адильбаева А. С.** Повседневный труд семипалатинских женщин фабрики «Большевичка Украины» во время Второй мировой войны по архивным документам // “Alikhan Bokeikhan University” Хабаршысы. 2023. № 1 (56). С. 89–97.
- Васеха М. В., Фурсова Е. Ф.** «Мужское» и «женское»: гендер в фокусе отечественных исторических исследований (материалы к учебному курсу «Основы культурной антропологии») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 5. С. 22–33. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-22-33
- Гендерные аспекты истории Великой Отечественной войны в Казахстане и России: макро- и микроуровень. Алматы: Қазақ университеті, 2020. 271 с.
- Жаркынбаева Р. С., Абдирайымова А. С.** Изменения гендерного порядка в СССР в военные годы (на примере мобилизации женщин Казахстана) // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». 2019. № 3. С. 346–350.
- Игсатова Д. З., Асанова Д. А.** Женщины Казахстана на войне 1941–1945 гг. М.: ИЦ Исследовательский центр «Ерлік жолымен»; Алматы: ИП «Балауса, 2020. 300 с.
- История Второй мировой войны (гендерный аспект): хрестоматия / Сост.: Р. С. Жаркынбаева, Е. В. Ануфриева, А. С. Абдирайымова; под ред. Р. С. Жаркынбаевой. Алматы: Қазақ университеті, 2020. 286 с.
- Касымова Д. Б., Абдилдабекова А. М.** Западные исследователи об истоках советского пролетарского феминизма в начале XX века // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия историческая. 2015. № 3 (78). С. 78–83.
- Касымова Д. Б., Телеуова Э. Д.** Формирование образа «советской женщины» в современной западной историографии // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия историческая. 2015. № 3 (78). С. 85–88.
- Кундакбаева Ж.** Модернизация ранней советской эпохи в судьбах женщин Казахстана, 1920–1930 годы. Алматы: Қазақ университеті, 2017. 350 с.
- Кундакбаева Ж., Телеуова Э.** Положение женщины в казахском обществе (до 1917 г.): историко-юридические материалы (обычное право) и культурные традиции казахов // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2015. № 2 (77). С. 110–116.
- Сактаганова З. Г.** Женская повседневность на фронтах Великой Отечественной войны (на основе материалов Комиссии по истории Великой Отечественной войны) // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». 2020. № 2 (97). С. 136–148.
- Сактаганова З. Г., Турсунова Ж., Смагулов А. Ж.** Женщины Центрального Казахстана в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Караганда: Изд-во КарГУ, 2016. 255 с.

- Скотт Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа // История Второй мировой войны (гендерный аспект): хрестоматия. Алматы, 2020. С. 6–40.
- Турова Л. П. Женщины Восточного Казахстана в годы Великой Отечественной войны // Вестник КАСУ (Усть-Каменогорск). 2021. Вып. 4. С. 69–75.
- Искакова П. К., Атаханова Л. М., Әбділәкім Ж., Ақйол Х. Отбасындағы ана мен қыз бала арасындағы қарым-қатынастың ерекшеліктері [Особенности взаимоотношений между матерью и дочерью в семье] // Вестник Университета им. Ясави. 2020. № 4 (118). С. 127–139. DOI 10.47526/2020/2664-0686.042
- Қалшабаева Б. К., Шашаева М. А., Йылдырым С. XX ғ. 20–30 жж. қазақ қоғамындағы әйелдер мәселесіндегі әдет-ғұрып, салт-дәстүрлердің орны [Место обычаев и традиций в вопросах женщин в казахском обществе в 20–30 гг. XX в.] // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия историческая. 2023. № 2 (109). С. 119–128. (на казах. яз.)
- Құндақбаева Ж. Б., Дүйсебаева А. И. Әйелдер тарихы / гендерлік тарих / феминизм: ұғымдардың арақатынасы [Женская история / гендерная история / феминизм: соотношение понятий] // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2016. № 3 (82). С. 191–196. (на казах. яз.)
- Сәрсембина Қ. Қ. Саяси қуғын-сүргінге ұшыраған әйелдер (1925–1938 жж.) [Политически репрессированные женщины (1925–1938 гг.)] // Абай атындағы ҚазҰПУ-нің Хабаршысы, «Тарих және саяси-әлеуметтік ғылымдар» сериясы. 2018. № 4 (59). С. 16–22. (на казах. яз.)
- Тапалова А. А. Батыс Қазақстан облысындағы халық шаруашылығын соғыс жағдайына бейімдеп қайта құрудағы әйелдердің рөлі және күнделікті өмірі [Повседневная жизнь женщин Западно-Казахстанской области и их роль в преобразовании народного хозяйства в условиях войны] // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». 2019. № 3. С. 78–83. (на казах. яз.)
- Уалиева Г. К., Алпысбес М. А., Қарсыбаева Ж. А. Қазақ хандығы дәуіріндегі әйелдердің қоғамдық-саяси рөлі (XV–XIX ғғ.) [Общественно-политическая роль женщины в эпоху Казахского ханства (XV–XIX вв.)] // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. 2021. № 3 (103). С. 123–129. (на казах. яз.)
- Шашаева М. Ә., Қозыбаева М. М. Кеңестік Қазақстандағы 1917–1930 жылдарындағы «әйел тәндігі» мәселесі [Проблема «женского равенства» в советском Казахстане в 1917–1930-е годы] // Отан тарихы. 2022. № 2 (98). С. 189–197. (на казах. яз.)
- Abashin S. N., Meirmanova G. A., Baudiarova K. B. Status of the Kazakh Bridal: Traditions and Modernity // Farabi Journal of Social Sciences. 2020. No. 4 (6). P. 43–48. DOI 10.26577/CAJSH.2020.v6.i4.06
- Akhmetova D. M., Adilbayeva A. S., Karimov M. K. Women's Work in the Construction of the "Eastern Ring" Road, Built on the Eve of the Second World War // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». 2023. № 2 (110). С. 29–37.
- Akhmetova D. M., Mukhamedjanova R. Zh. Labor of Women of Kazakhstan in the Rear during the Second World War // Electronic Scientific Journal "edu.e-history.kz". 2023. Vol. 10. No. 2. P. 267–277.
- Assanova D. "Female Toponymy of Kazakhstan" // Heritage and Identity in the Turkic World: Contemporary Scholarship in Memory of Ilse Laude-Cirautas (1926–2019). Boston, 2023. P. 167–184. DOI 10.1515/9783110720228-011
- Assanova D., Zhanguutin B. Women's Museums in Kazakhstan: Prospects in the New Digital Age // Museum International. 2020. No. 72: 1–2. P. 140–151. DOI 10.1080/13500775.2020.1743063
- Baudiyarova K. B., Meirmanova G. A. Problems of Family and Marriage Relations of Kazakh People (Based on Ethnographic Materials of Southern Kazakhstan) // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия историческая. 2023. № 2 (109). С. 129–137.

- Bekzhanova Zh.** Uncovering Gender, Language, and Intersected Asymmetries in History Text-books // *The Political Economy of Education in Central Asia. Evidence from the Field*. Singapore, 2023. P. 117–142. DOI 10.1007/978-981-99-8517-3_7
- Feminist Critique and the Museum: Education for a Critical Consciousness / Eds. K. Sanford, D. Clover, N. Taber, S. Williamson. Leiden, Boston: Brill Sense, 2020. 340 p.
- Kataeva Z., Durrani N., Izenkova Z., Rakhimzhanova A.** Evolution of Gender Research in the Social Sciences in Post-Soviet Countries: a Bibliometric Analysis // *Scientometrics*. 2023. No. 128. P. 1639–1666. DOI 10.1007/s11192-022-04619-9
- Shashayeva M., Kozybayeva M.** The Problem of “Women’s Equality” in the Kazakh Press in the 19th – 20th Centuries // «edu.e-history.kz» электрондық ғылыми журналы. 2022. № 4 (32). P. 160–170.
- Turgunbayev Y. M., Abaeva M. D.** The Exposition Complex of the Memorial Museum “ALZHIR” // *Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия историческая*. 2018. № 2 (89). С. 79–83.
- Vinitky-Seroussi V., Dekel I.** Moving Gender: Home Museums and the Construction of Their Inhabitants // *European Journal of Women’s Studies*. 2019. No. 26 (3). P. 274–292.
- Yeleuhanova S. V., Utebayeva A. D.** Women of Kazakhstan during the Great Patriotic War: Soviet historiography (1970–1980s) // *Вестник КарГУ. Серия «История. Философия»*. 2019. № 2 (94). С. 31–38.
- Zharkynbayeva R.** Transformation of the Political and Social Roles of Women in Kazakhstan during the War of 1941–1945. Almaty: Kazakh Uni. Press, 2020. 245 p.

References

- Abashin S. N., Meirmanova G. A., Baudiarova K. B.** Status of the Kazakh Bridal: Traditions and Modernity. *Farabi Journal of Social Sciences*, 2020, no. 4 (6), pp. 43–48. DOI 10.26577/CAJSH.2020.v6.i4.06
- Abdrahmanova K. K.** Zhenshchiny-mediki Pavlodarskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoy voyny: geroizm i frontovaya povsednevnost’ [Medical Women of the Pavlodar Region during the Great Patriotic War: Heroism and Front Daily Life]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya “Istoriya. Filosofiya”* [Bulletin of the Karaganda University. “History. Philosophy” Series], 2020, no. 2 (97), pp. 6–17. (in Russ.)
- Abdulina A.** Dokumenty Orenburgskogo arkhiva sotsial’no-politicheskoi istorii o rabote sredi zhenshchin-musul’manok v nachale 1920-kh gg. [Documents of the Orenburg Archive of Socio-Political History about Work among Women-muslims in the Beginning of the 1920s]. *Vestnik KazNU im. Al-Farabi. Seriya istoricheskaya* [Al-Farabi Kazakh National University Journal of History], 2020, no. 3 (98), pp. 132–138. (in Russ.)
- Abdykulova G.** Povsednevnyaya zhizn’ zhenshin goroda Nur-Sultan (1991–2019 gg.) [The Everyday Life of the Women of Nur Sultan (1991–2019)]. PhD Thesis (History). Nur-Sultan, 2021, 195 p. (in Russ.)
- Abdykulova G., Musabalina G. T.** Istoriograficheskie problemy istorii zhenskoi povsednevnosti [Historiographical Problems of the History of Women’s Everyday Life]. *Vestnik Kazakhskogo zhenskogo natsionalnogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Kazakh National Women’s Teacher Training University], 2019, no. 3 (79), pp. 175–180. (in Russ.)
- Abildina S. K., Eskazinova Z. A.** The Gender Aspects of Historical Study of the Situation Women in Kazakhstan. *Education and Science without Borders*, 2013, no. 4 (7), pp. 73–74.
- Akhmetova D. M., Adilbaeva A. S.** Povsednevnyi trud semipalatinskikh zhenshchin fabriki “Bol’shevichka Ukrainy” vo vremya vtoroi mirovoi voyny po arkhivnym dokumentam [The Work of Semipalatinsk Women of the Factory “Bolshevichka Ukrainy” during the Second World War According to Archival Documents]. *Alikhan Bokeikhan University Habarshysy* [Bulletin of Alikhan Bokeikhan University], 2023, no. 1 (56), pp. 89–97. (in Russ.)

- Akhmetova D. M., Adilbayeva A. S., Karimov M. K.** Women's Work in the Construction of the "Eastern Ring" Road, Built on the Eve of the Second World War. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya "Istoriya. Filosofiya"* [Bulletin of Karaganda University. Series "History. Philosophy"], 2023, no. 2 (110), pp. 29–37.
- Akhmetova D. M., Mukhamedjanova R. Zh.** Labor of Women of Kazakhstan in the Rear during the Second World War. *Edu.e-history.kz*, 2023, vol. 10, no. 2, pp. 267–277.
- Assanova D.** "Female Toponymy of Kazakhstan". In: *Heritage and Identity in the Turkic World: Contemporary Scholarship in Memory of Ilse Laude-Cirautas (1926–2019)*. Boston, 2023, pp. 167–184. DOI 10.1515/9783110720228-011
- Assanova D., Zhanguutin, B.** Women's Museums in Kazakhstan: Prospects in the New Digital Age. *Museum International*, 2020, no. 72: 1–2, pp. 140–151. DOI 10.1080/13500775.2020.1743063
- Baudiyarova K. B., Meirmanova G. A.** Problems of Family and Marriage Relations of Kazakh People (Based on Ethnographic Materials of Southern Kazakhstan). *Vestnik KazNU im. Al-Farabi. Seriya istoricheskaya* [Al-Farabi Kazakh National University Journal of History], 2023, no. 2 (109), pp. 129–137.
- Bekzhanova Zh.** Uncovering Gender, Language, and Intersected Asymmetries in History Textbooks. In: *The Political Economy of Education in Central Asia. Evidence from the Field*. Singapore, 2023, pp. 117–142. DOI 10.1007/978-981-99-8517-3_7
- Feminist Critique and the Museum: Education for a Critical Consciousness. K. Sanford, D. Clover, N. Taber, S. Williamson (eds.). Leiden, Boston, Brill Sense, 2020, 340 p.
- Gendernye aspekty istorii Velikoi Otechestvennoi voyny v Kazakhstane i Rossii: makro- i mikro-uroven' [Gender Aspects of the History of the Great Patriotic War in Kazakhstan and Russia: Macro and Micro Level]. Almaty, Kazakh Uni. Press, 2020, 271 p. (in Russ.)
- Igsatova D. Z., Assanova D. A.** Zhenshiny Kazakhstana na voine 1941–1945 gg. [Women of Kazakhstan in the War of 1941–1945]. Moscow, Issledovatel'skii tsentr "Erlik zholymen", Almaty, IP "Balansa", 2020, 300 p. (in Russ.)
- Isakova P.K., Atakhanova L.M., Abdilakim Zh., Akjol Kh.** Otbasyndagy ana men kyz bala arasyndagy karym-katynastyn erekshelekteri [Features of the Relationship between Mother and Daughter in the Family]. *Vestnik Universiteta im. Yasavi* [Bulletin of Yassawi University], 2020, no. 4 (118), pp. 127–139. (in Kazakh.) DOI 10.47526/2020/2664-0686.042
- Kalshabaeva B. K., Shashaeva M. A., Jyldyrym S.** XX g. 20–30 zhzh. kazak kogamyndagy ajelder maselesindegi adet-guryp, salt-dasturlerdin orny [The Place of Customs and Traditions in Women's Issues in Kazakh Society in the 20–30s of the 20th Century]. *Vestnik KazNU im. Al-Farabi. Seriya istoricheskaya* [Al-Farabi Kazakh National University Journal of History], 2023, no. 2 (109), pp. 119–128. (in Kazakh.)
- Kasymova D. B., Abdildabekova A. M.** Zapadnye issledovateli ob istokakh sovetskogo proletarskogo feminizma v nachale XX veka [Western Researchers about the Origins of Soviet Proletarian Feminism at the Beginning of the 20th Century]. *Vestnik KazNU im. Al-Farabi. Seriya istoricheskaya* [Al-Farabi Kazakh National University Journal of History], 2015, no. 3 (78), pp. 78–83. (in Russ.)
- Kasymova D. B., Teleuova E. D.** Formirovanie obraza "sovetskoi zhenshiny" v sovremennoi zapadnoi istoriografii [The Formation of the "Soviet Woman" Image in Contemporary Western Historiography]. *Vestnik KazNU im. Al-Farabi. Seriya istoricheskaya* [Al-Farabi Kazakh National University Journal of History], 2015, no. 3 (78), pp. 85–88. (in Russ.)
- Kataeva Z., Durrani N., Izenkova, Z., Rakhimzhanova, A.** Evolution of Gender Research in the Social Sciences in Post-Soviet Countries: A Bibliometric Analysis. *Scientometrics*, 2023, no. 128, pp. 1639–1666. DOI 10.1007/s11192-022-04619-9
- Kundakbaeva Zh., Teleuova E.** Polozhenie zhenshchiny v kazakhskom obshchestve (do 1917 g.): istoriko-yuridicheskie materialy (obychnoe pravo) i kul'turnye traditsii kazakhov [Women Status in Kazakh Society (before 1917): Historical – Juridical Sources (Customary Law) and Ka-

- zakh's Cultural Traditions]. *Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya* [Al-Farabi Kazakh National University Journal of History], 2015, no. 2 (77), pp. 110–116. (in Russ.)
- Kundakbaeva Zh. B., Duisebaeva A. I.** Ajelder tarihy / genderlik tarih / feminizm: ugymdardyn arakatynasy [Women's History / Gender History / Feminism: The Relationship of Concepts]. *KazUU Habarshy, tarih seriyasy* [Al-Farabi Kazakh National University Journal of History], 2016, no. 3 (82), pp. 191–196. (in Kazakh.)
- Kundakbaeva Zh.** Modernizatsiya rannei sovetskoï epokhi v sud'bakh zhenshchin Kazakhstana, 1920–1930 gody [Modernization of the Early Soviet Era in the Destinies of Women in Kazakhstan, 1920s – 1930s]. Almaty, Kazakh Uni. Press, 2017, 350 p. (in Russ.)
- Saktaganova Z. G.** Zhenshchiny Tsentralnogo Kazakhstana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1945 gg. [Women of Central Kazakhstan during the Great Patriotic War. 1941–1945]. Karaganda, KarSU Press, 2016, 256 p. (in Russ.)
- Saktaganova Z. G.** Zhenskaya povsednevnost' na frontakh Velikoi Otechestvennoi voiny (na osnove materialov Komissii po istorii Velikoi Otechestvennoi voiny) [Women's Daily Life on the Fronts of the World War II: Based on the Materials from the Commission on the History of the Great Patriotic War]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya "Istoriya. Filosofiya"* [Bulletin of Karaganda University. Series "History. Philosophy"], 2020, no. 2 (97), pp. 136–148. (in Russ.)
- Sarsembina K. K.** Sayasi kugyn-surgingeushyragan ajelder (1925–1938 zhzh.) [Women that Met Political to Repression (1925–1938)]. *Abaj atyndagy KazYPU-nin Habarshysy, "Tarih zhane sayasi-aleumettik gylymdar" seriyasy* [Bulletin of Abay Kazakh National Pedagogical University, Series "Historical and Socio-political Sciences"], 2018, no. 4 (59), pp. 16–22. (in Kazakh.)
- Shashaeva M. A., Kozybaeva M. M.** Kenestik Kazakstandagy 1917–1930 zhyldaryndagy "ajel tendigi" maselesi [The Problem of "Women's Equality" in Soviet Kazakhstan in the 1917–1930s]. *Otan tarihy* [History of the Homeland], 2022, no. 2 (98), pp. 189–197. (in Kazakh.)
- Shashayeva M., Kozybayeva M.** The Problem of "Women's Equality" in the Kazakh Press in the 19th – 20th Centuries. *Edu.e-history.kz*, 2022, no. 4 (32), pp. 160–170.
- Scott J.** Gender: poleznaya kategoriya istoricheskogo analiza [Gender: A Useful Category of Historical Analysis]. In: *Istoriya Vtoroi mirovoi voiny (gendernyi aspekt): khrestomatiya* [The History of the Second World War (Gender Aspect): Textbook]. Almaty, 2020, pp. 6–40. (in Russ.)
- Tapalova A. A.** Batys Kazakstan oblysyndagy halyk sharuashylygyn sogys zhagdayyna bejimdep kajta kurudagy ajelderin roli zhane kundelikti omiri [The Role of Women and Daily Life in the Transformation of the People's Economy under Conditions of War in the West-Kazakhstan Region]. *Vestnik KazNPU im. Abaya, seriya "Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki"* [Bulletin of Abai KazNPU, Series "Historical and Socio-political Sciences"], 2019, no. 3, pp. 78–83. (in Kazakh.)
- Turgunbayev Y. M., Abaeva M. D.** The Exposition Complex of the Memorial Museum "ALZHIR". *Vestnik KazNU im. Al-Farabi. Seriya istoricheskaya* [Al-Farabi Kazakh National University Journal of History], 2018, no. 2 (89), pp. 79–83.
- Turova L. P.** Zhenshchiny Vostochnogo Kazakhstana v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Women of East Kazakhstan during the Great Patriotic War]. *Vestnik KASU* [Bulletin of KASU], 2021, iss. 4, pp. 69–75. (in Russ.)
- Ualieva G. K., Alpysbes M. A., Karsybaeva Zh. A.** Kazak handygy dauirindegi ajelderin kogamdyk-sayasi roli (XV–XIX gg.) [Socio- and Political Role of Women in the Era of the Kazakh Khanate (15th – 19th Centuries)]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Istoriya. Filosofiya* [Bulletin of Karaganda University. Series "History. Philosophy"], 2021, no. 3 (103), pp. 123–129. (in Kazakh.)
- Vasekha M. V., Fursova E. F.** "Male" and "Female": Gender in the Focus of Domestic Historical Research (Course Materials "Fundamentals of Cultural Anthropology"). *Vestnik NSU. Series:*

History and Philology, 2020, vol. 19, no. 5, pp. 22–33. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-5-22-33

Vinitky-Seroussi V., Dekel I. Moving Gender: Home Museums and the Construction of Their Inhabitants. *European Journal of Women's Studies*, 2019, no. 26 (3), pp. 274–292.

Yeleuhanova S. V., Utebayeva A. D. Women of Kazakhstan during the Great Patriotic War: Soviet historiography (1970–1980s). *Bulletin of the Karaganda University. "History. Philosophy" series*, 2019, no. 2 (94), pp. 31–38.

Zharkynbaeva R. S. (ed.). *Istoriya Vtoroi mirovoi voiny (gendernyi aspekt): khrestomatiya* [The History of the Second World War (Gender Aspect): Textbook]. Almaty, Kazakh Uni. Press, 2020, 286 p. (in Russ.)

Zharkynbaeva R. Transformation of the Political and Social Roles of Women in Kazakhstan during the War of 1941–1945. Almaty, Kazakh Uni. Press, 2020, 245 p.

Zharkynbaeva R. S., Abdiraymova A. S. Izmeneniya gendernogo poriyadka v SSSR v voennye gody (na primere mobilizatsii zhenshin Kazakhstana) [Changes in the Gender Order in the USSR during the War Years (On the Example of the Women Mobilization in Kazakhstan)]. *Vestnik KazNPU im. Abaya. Seriya "Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki"* [Bulletin of Abai KazNPU. Series "Historical and Socio-political Sciences"], 2019, no. 3, pp. 346–350. (in Russ.)

Информация об авторе

Светлана Махмутовна Шакирова, кандидат философских наук

Scopus Author ID 57201353180

WoS Researcher ID ABE-3785-2020

Information about the Author

Svetlana M. Shakirova, Candidate of Sciences (Philosophy)

Scopus Author ID 57201353180

WoS Researcher ID ABE-3785-2020

Статья поступила в редакцию 10.03.2024;

одобрена после рецензирования 29.04.2024; принята к публикации 18.06.2024

The article was submitted on 10.03.2024;

approved after reviewing on 29.04.2024; accepted for publication on 18.06.2024

Список сокращений

АРАН	– Архив Российской академии наук, Москва
БАН	– Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации, Москва
ГАТО	– Государственный архив Томской области
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва
ОР РГБ	– Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва
ОР РНБ	– Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург
РГАЭ	– Российский государственный архив экономики, Москва
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив, Москва
РГИА	– Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург

Информация для авторов

В «Вестнике НГУ. Серия: История, филология» по направлению «История» публикуются материалы, соответствующие основным разделам журнала: «Всеобщая история», «Российская история», «Историография. Источниковедение», «Документальные страницы», «Рецензии», «Научная информация».

Сроки выхода журнала: январь – февраль (№ 1) и октябрь – ноябрь (№ 8) каждого календарного года. Прием материалов для публикации в № 1 осуществляется с мая по октябрь, в № 8 – с ноября по апрель каждого календарного года. Рукописи, поступившие в редколлегию после определенного в требованиях срока формирования выпуска, не принимаются к рассмотрению (о чем уведомляется автор) или, по желанию автора, передаются на хранение в редакционный портфель до наступления сроков формирования следующего выпуска.

С требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <https://nguhist.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>.

Материалы, предоставляемые для публикации, должны иметь следующий объем:

- *статья* – до 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами и учетом всех сносок), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков);
- *документальная публикация* – до 1 а. л., в том числе вводная статья – до 0,25 а. л. (10 тыс. знаков) и примечания. В примечаниях дается информация о встречающихся в тексте источника именах, неизвестных или малоупотребительных названиях и терминах специального характера;
- *рецензия и научная информация* – до 0,4 а. л. (16 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после согласования с ответственным редактором, а к публикации – по решению редколлегии.

Материалы для публикации подаются в электронном виде. Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<https://nguhist.elpub.ru/jour/index>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала.

К рукописи отдельным файлом необходимо приложить полное указание Ф. И. О., сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также номер контактного телефона, электронный адрес автора, ORCID, а также другие коды автора (Scopus, WoS, RSCI, SPIN), если есть.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Новосибирский государственный университет
ауд. 1260 нового учебного корпуса
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 26
E-mail: history@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 8: История
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2024, vol. 23, no. 8: History